

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ**

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 7/2018

г. Донецк 2018

**Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»**

**ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНБАССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»**

(Юридические науки)

**Научный журнал
№ 7 / 2018**

Выходит 4 раза в год. Издаётся с 2016 г.

**Донецк
ДЮА
2018**

УДК 34

Главный редактор –

Ответственный редактор –

Ответственный секретарь –

Редакционная коллегия

(Донецкая Народная

Республика):

А.В. Броварь, д-р. ист. наук, доцент

А. К. Поправко, канд. филос. наук

В.В. Чамлай, канд. юр. наук

А. М. Моисеев, д-р юр. наук, (Донбасская юридическая академия),

В. Г. Севка, д-р экон. наук (Национальная академия строительства

и архитектуры, г. Макеевка), Г. Н. Гапотченко, канд. юр. наук

(Донбасская юридическая академия), В. В. Ковалева, канд. юр. наук

(Донбасская юридическая академия), П. И. Павленко, канд. юр. наук

(Донбасская юридическая академия), В.И. Козюберда, канд. юр.

наук, доцент (Донбасская юридическая академия), В. А. Комаров,

канд. юр. наук (Донбасская юридическая академия), С.Ю.

Мироненко, канд. юр. наук (Донбасская юридическая академия),

канд. юр. наук, доцент В.А. Грабельников (Донбасская

юридическая академия); канд. юр. наук, доцент А.А.

Савченко. (Донбасская юридическая академия); канд. юр. наук

Б.Н. Сиренко (Донбасская юридическая академия).

Иностранные члены

редакционной коллегии:

С. В. Лихачев, д-р юр. наук (Юго-западный государственный

университет, г. Курск, Россия), С. В. Шевелева, д-р юр. наук

(Юго-западный государственный университет, г. Курск,

Россия).

Журнал зарегистрирован

В Научной Электронной библиотеке (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) (лицензионный договор № 596-11/2016 от 10 ноября 2016 г.).

В Министерстве информации ДНР. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – Серия ААА № 000169 от 14.11.2017 г.

Внесен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Приказом МОН ДНР от 08.05.2018 г. № 433.

Основатель и издатель –

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия», г. Донецк.

Журнал подписан к печати Ученым советом Донбасской юридической академии, протокол № 12 от 31.05.2017 г.

Язык публикации: русский, английский.

Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.

Адрес редакции:

ул. Лебединского, д. 9, г. Донецк, 83049.

Тел.: (071) 338-39-90; e-mail: duan-nauchotdel@yandex.ru

Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов / под ред.

Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов / под ред. А.В. Броварь.

– Вып. 7. – Донецк: ДЮА, 2018. – 135 с. – («Юридические науки»).

© Государственное образовательное учреждение

Высшего профессионального образования

«Донбасская юридическая академия», 2018

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Gosudarstvennoe obrazovatelnoe uchrejdienie Vyshego professionalnogo
obrazovaniya
«Donbasskaya yuridicheskaya akademiya»**

**VESTNIK
GOSUDARSTVENNOGO OBRAZOVATELNOGO
UCHREJDENIYA VYSHEGO
PROFESSIONALNOGO OBRAZOVANIYA
«DONBASSKAYA YURIDICHESKAYA
AKADEMIYA»**

(Yuridicheskiye nauki)

**Nauchnyi Zhurnal
№ 7 / 2018**

Vykhodyt 4 raza v god. Izdaetsia s 2016 g.

**Donetsk
DYA
2018**

UDK 34

- Editor-in-Chief – A. A. Brovar dr. ist. sciences, associate professor
Executive Editor – A. K. Popravko, PHD in Philosophy, Lecturer
Executive secretary V.V. Chamlay, cand. Sc. (Law)
itorial board A.M. Moiseev, Dr. Sc. (Law); A. V. Brovar, Dr. Sc. (History) (*Donbass Law Academy*); V. G. Sevka, Dr. Sc (Economics), (*National Academy of contruction and architecture, Makeevka*); G. N. Gapotchenko, Cand. Sc. (Law) (*Donbass Law Academy*); V. V. Kovaleva, Cand. Sc. (Law) (*Donbass Law Academy*); P. I. Pavlenko, Cand. Sc. (Law) (*Donbass Law Academy*); V. I. Kozyuberda, Cand. Sc. (Law) (*Donbass Law Academy*); V.A. Komarov Cand. Sc. (Law) (*Donbass Law Academy*); S. Yu. Mironenko Cand. Sc. (Law) (*Donbass Law Academy*); V.A. Grabel'nikov, Cand. Sc. (Law) (*Donbass Law Academy*); A.A. Savchenko, Cand. Sc. (Law) (*Donbass Law Academy*); B. N. Sirenko Cand. Sc. (Law) (*Donbass Law Academy*)
- Foreign members of editorial board: S. V. Likhachev, Dr. Sc. (Law) (*Southwestern State University, Kursk, Russia*); S. V. Sheveleva Dr. Sc. (Law) (*Southwestern State University, Kursk, Russia*)
- The journal is registered Of the Scientific Electronic Library - (SEL) – the chief executive of the project on determining Russian Science Citation Index (RSCI) (license agreement № 596-11/2016 of November 10, 2016).
In Ministry of information of DPR. Testifying to registration of means of mass information is Series of AAA № 000169 from 14.11.2017 year.
Included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for obtaining the scientific degree of the candidate of sciences should be published, for the academic degree of the Doctor of Sciences Order of the Ministry of Education and Science of the DPR dated 08.05.2018 No. 433.
- Founder and Publisher The state enterprise of higher professional education “Donbass Law Academy”
Recommended for printing by Academic Board of Donbass Law Academy. Minute 12 dated 31.05.2017 year.

Language of publication: Russian, English

All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only with the agreement of the author and publisher

Address of publisher and editorial: 83101, Donetsk, Lebedinsky Street, 9.
Tel. (071) 338-39-90; e-mail: duan-nauchotdel@yandex.ru

A .A. Brovar. – Realease 7. – Donetsk: DLA, 2018. – 135 c.– («Juridical science» series).

© State educational establishment of higher professional education «Donbass law Academy», 2018

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials.

СОДЕРЖАНИЕ

Асеева Н.В., Черников А.А. Злоупотребление правом: история возникновения, допустимость существования и существенные признаки.....	9
Асеева Н.В., Асеева М.А. Евразийская интеграция: теоретические и практические проблемы правового регулирования международного судопроизводства.....	19
Балакай О.Б., Кортяк Д.Г. Теоретические подходы к определению форм и методов финансового контроля и лицензирования (нормативно-правовой аспект).....	26
Гапотченко М.Г. Актуальные вопросы наступления уголовной ответственности за склонение, содействие и организацию деятельности, направленной на побуждение к самоубийству.....	35
Козачёк Е.С. Соучастие в терроризме: уголовно-правовой и психологический аспект.....	42
Левин В.В. Актуальные вопросы расследования преступлений в сфере экономической деятельности.....	51
Лысов А.А. Источники права Германии периода нового времени: историко-правовой анализ.....	60
Мироненко С.Ю. Ответственность за покушение на преступление по уголовному законодательству зарубежных стран.....	67
Моисеев А.М., Кондратюк С.В. Компонент профилактики в экспертных технологиях.....	76
Моисеев А.М. Экспертная технология в судебной экспертизе: понятие и структура.....	84
Поправко А.К., Поправко А.А. Философско-правовые аспекты построения цифрового общества.....	91
Финкина А. П. Правовой статус пациента в европейских государствах.....	97
Чамлай В. В. Особенности правового регулирования правоохранительной системы в условиях становления власти большевиков.....	107
Чамлай В.В., Виноградова К.В. Кодификация отечественного права от переходного периода установления советской власти к периоду формирования государственно-партийного социализма 50-х годов хх. столетия.....	113
Ярошенко Д.Г. Референдум в Российской Федерации: виды и классификация.....	126

CONTENTS

Aseeva N., Chernikov A. Abuse of right: history of origin, admission of existence and substantial signs.....	9
Aseeva N., Aseeva M. Eurasian integration: theoretical and practical problems of the legal adjusting of the international legal proceeding.....	19
Balakay O., Kortyak D. Theoretical going near the decision of forms and methods of financial control and licensing (normativno-praovoy aspect).....	26
Gapotchenko M. Aktual'nye questions of offensive of criminal responsibility for declension, assistance and organization of activity, directed on a motive to suicide.....	35
Kozachek E. Participation is in terrorism: уголовно-правовой and psychological aspect.....	42
Levin V. Aktual'nye questions of investigation of crimes in the field of economic activity.....	51
Lysov A. Sources of right for Germany of period of new time: istoriko-pravovoy analysis.....	60
Mironenko S. Responsibility for encroaching upon a crime on the criminal statute of foreign countries.....	67
Moiseev of A., Kondratyuk S. A component of prophylaxis is in expert technologies.....	76
Moiseev A. Expert technology is in judicial examination: concept and structure.....	84
Popravko A., Popravko A. Philosophical-legal aspects of construction of digital society.....	91
Finkina A. Legal status of patient is in the European states.....	97
Chamlay V. Features of the legal adjusting of the law-enforcement system in the conditions of becoming of power of bolshevists.....	107
Chamlay V., Vinogradova K. Kodifikaciya of domestic right from the transitional period of establishment of soviet power to the period of forming of state-party socialism of 50th of xx.	

enturies.....	113
Yaroshenko D.	
A referendum is in Russian Federation: kinds and classification.....	126

УДК 340

Н. В. Асеева, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

А. А. Черников, аспирант ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(natalja1971@list.ru)

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ДОПУСТИМОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ И СУЩЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ

Статья посвящена понятию «злоупотребление правом», его признакам, содержанию, истории возникновения и роли в юридической практике. В статье проведён анализ исторических предпосылок возникновения злоупотребления правом и предпринимаемых путей его законодательного предупреждения.

Ключевые слова: право, осуществление права, правовые коллизии, пробелы в праве, злоупотребление правом.

Asieieva N. V.

Chernikov A. A.

ABUSE OF RIGHT: A HISTORY OF THE ORIGIN, THE ADMISSIBILITY OF THE EXISTENCE AND ESSENTIAL FEATURES

The Article is devoted to the concept of "abuse of rights", its features, content, history and role in legal practice. The article analyzes the historical prerequisites for the emergence of abuse of law and the ways of its legislative prevention.

Keywords: law, implementation of law, legal conflicts, gaps in law, abuse of law.

Коренное изменение ситуации на Донбассе и, как следствие, процесс создания и развития нового правового демократического государства – Донецкой Народной Республики в переходных условиях государственного строительства обуславливает необходимость нормативного правового регулирования основополагающих общественных отношений, в частности закрепления субъективных прав и свобод человека и гражданина. Одно из центральных мест в реализации такого регулирования занимает вопрос предела осуществления гражданских прав, а также возможности предупреждения злоупотребления субъектом принадлежащими ему правами.

Особой актуальности данная проблематика приобретает в связи с избранным Донецкой Народной Республикой курсом на гармонизацию отечественного законодательства с законодательством Российской Федерации, что обуславливает разработку законодательных актов Донецкой Народной Республики на основе соответствующего законодательного опыта Российской Федерации.

Так, проект Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики в целом основан на положениях Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ; часть четвёртая от 18.12.2006 № 230-ФЗ) и предполагает переход от существующей гражданско-хозяйственной модели регламентации частноправовых отношений к гражданско-монистической.

Безусловно, указанный подход в полной мере отвечает вышеуказанному курсу Донецкой Народной Республики. Вместе с тем, велики опасения, что адаптация проекта Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики (далее – проект ГК) к существующим реалиям Донецкой Народной Республики столкнется с рядом фундаментальных проблем, центральной из которых является эффективное взаимодействие проекта ГК с законами и подзаконными нормативными правовыми актами, основанными и оперирующими терминологией Хозяйственного кодекса Украины, который с момента введения в действие проекта ГК, не будет подлежать применению на территории Донецкой Народной Республики.

Указанная ситуация неизбежно приведет к фрагментарности действующего законодательства, а также к появлению значительного числа правовых пробелов, правовых коллизий и неоднозначной правоприменительной практики, что в свою очередь, приведет к значительному числу негативных с точки зрения государства, форм реализации права.

В связи с этим, предвосхищая вышеуказанные обстоятельства, особый интерес представляет комплексный анализ такого юридического феномена как злоупотребление правом, выявление его существенных признаков, а также истории его возникновения.

Цель данной статьи заключается в обобщении имеющихся научных исследований понятия, истории возникновения и правовой природы «злоупотребления правом» с тем, чтобы на основе проведённого анализа, в дальнейшем предложить эффективные меры по его предупреждению или максимальному снижению его неблагоприятных последствий.

Исследование любого юридического феномена невозможно без анализа исторических предпосылок его возникновения, формирования и становления. Не является исключением и изучение такой общеправовой категории как «злоупотребление правом». Для объективной оценки сущности данного явления актуальным является детерминирование его генезиса путём определения того «как оно возникло в тех или иных условиях исторической эпохи, какие основные этапы прошло в своем развитии и как изменилось в процессе этого развития, чем стало в момент своего исследования и, наконец, каковы тенденции его движения» [1, с. 14].

Традиционно, при рассмотрении существующих ныне проблем, возникающих в сфере частного права, первоначально подлежат анализу основополагающие правовые позиции, выработанные в праве Древнего Рима,

впоследствии рецепированного и ставшего основой большинства правовых систем стран романо-германской правовой семьи, в том числе Донецкой Народной Республики.

В своем фундаментальном труде «Основные проблемы гражданского права» И.А. Покровский, проводя исследование казусов «злоупотребительного характера» в Древнем Риме, рассуждая о социальном значении субъективных прав, а также о возможности их использования «во зло», приходит к следующему выводу: «... Должно ли право мириться с нежелательными последствиями, как с неизбежным злом, как с неотделимой оборотной стороной субъективных прав, или же оно может каким-нибудь образом парализовать их? В этом заключается также одна из наиболее острых проблем современного гражданского права» [2, с. 112].

Для иллюстрации данного тезиса им приводится следующий пример: «Я могу построить на своем участке огромный дом, который совершенно лишит света ваше соседнее строение. Я могу взыскивать с вас долг, хотя бы мне деньги были в данный момент не нужны, а вы будете вследствие взыскания совершенно разорены, и так далее. Каждый, таким образом, в области гражданского права может действовать, исключительно руководясь своими собственными интересами и не заботясь об интересах других: эти последние должны заботиться о себе сами. Нужно только, чтобы осуществляющий свое право оставался в формальных границах этого последнего». В данном случае действовала следующая правовая презумпция: кто использует свое право, не ущемляет ничьих прав («*qui jure suo utitur, nemini facit injuriam*») [2, с. 113; 3, с. 30]. То есть изначально существовало правило, согласно которому лицо при осуществлении своих прав не должно учитывать интересы других лиц и не несёт ответственности за последствия осуществления своих прав.

В целом следует отметить, что римские юристы не только обозначили проблему воздействия на процесс вредоносного осуществления прав, но и предложили первую модель ее разрешения. Именно в эту эпоху было сформулировано правило о недозволенности злонамеренного использования правомочий, выработаны объективно необходимые ограничения права собственности, выявлены признаки, позволяющие квалифицировать деяние, как шикану. Характерным в этой связи является известное высказывание Павла: «Поступает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл...» [4, с. 168].

Дальнейшее развитие законодательства о злоупотреблении правом шло по пути запрета вредоносных действий и наложения на виновного наказания. С конца XIX века проблема злоупотребления правом стала рассматриваться как вопрос о границах поведения субъекта, осуществляющего предоставленное ему законом субъективное право. Правоведы и законодатели работали над поиском четких юридических критериев употребления права во зло, изучали необходимость законодательного запрета злоупотребления правом. В середине XX века

принцип недопустимости злоупотребления правом нашел свое конституционное закрепление в целом ряде государств.

Исследуемая проблематика находилось в поле зрения как отечественных, так и зарубежных правоведов. Проблему злоупотребления правом исследовали М.М. Агарков, М.И. Бару, В.П. Грибанов, С.М. Братусь, Н.С. Малеин, И.А. Покровский, А.А. Малиновский, А.И. Муранов, В.А. Рясенцев, М.В. Самойлова и другие ученые.

Следует отметить, что в современной правовой идеологии уже давно закреплен принцип недопустимости злоупотребления правом. Так, статья 29 Декларации прав человека 1948 года указывает, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только тем ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других лиц и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе [5]. Кроме того, запрет злоупотребления правами также содержится в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Статья 17 Конвенции предусматривает следующее: «ничто в ней не может толковаться как означающее, что какие-либо государство, группа лиц или лицо имеют право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается Конвенцией».

Однако, несмотря на такое, казалось бы, высшее юридическое признание, дискуссии относительно правовой природы категории «злоупотребление правом» продолжают. Более того, некоторыми учеными ставится под сомнение само существование категории злоупотребления правом.

Так, Агарков М.М. опираясь на тезис Планиоля, согласно которому осуществление права не может быть противоправным, считает, что те действия, которые в науке принято относить к злоупотреблению правом, на самом деле осуществлены за пределами права. Следовательно, соответствующее поведение лица должно признаваться противоправным, но не злоупотреблением правом, поскольку лицо, выходя за пределы предоставленного ему права, не считается таким, которое реализует свое право. Кроме того, сам термин «злоупотребление правом» точно не выражает суть проблемы и, что его можно использовать, не забывая о его условности. Самойлова М.В. утверждает, что противоправного осуществления права вообще быть не может, поскольку в таком случае нарушаются законы логики [6, с. 427].

Такая позиция ученых является вполне обоснованной, если принимать во внимание то, что злоупотребление правом рассматривалось ими как реализация (осуществление) права за его пределами, а не вопреки его назначению (о чем говорится в других работах). Сегодня мы полностью

согласны с тем, что действия, совершенные за пределами предоставленного законом субъективного права не являются злоупотреблением правом, поскольку они выступают носителем тех прав, которые выходят за пределы предоставленного ему права. Поэтому, исходя из положений приведенных авторов, невозможно дать правовую квалификацию деяниям лица, которое используя свои права и не нарушая рамки правовых ограничений (пределов субъективного права) наносит ущерб правам и интересам другого лица [7, с. 30].

Противниками доктрины злоупотребления правом отрицается как само явление (использование права с целью причинить вред), так и логичность термина. Утверждается, что право как регулятор общественных отношений закрепляет равную для всех меру свободы и не дает возможность субъектам использовать его во вред. А если правом нельзя злоупотреблять, сам термин «злоупотребление правом» также лишен логики, как, например, словосочетание «сухая вода» или «горячий лед», поскольку соединяет категории, исключаящие друг друга [8, с. 16].

По мнению Бару М.И., термин «злоупотребление правом» нельзя рассматривать как противоречивое и лишнее смысла сочетание категорий, исключаящих друг друга. Если поведение человека, его действия не соответствуют содержанию принадлежащего ему права, в таком случае, безусловно, имеет место злоупотребление правом. Несмотря на кажущуюся противоречивость, продолжает Бару М.И., нельзя отрицать понятие «злоупотребление правом». Оно существенно отличается от понятия «противоправные действия». Случаи злоупотребления правом, безусловно, сложнее распознать, чем случаи противоправных действий. Однако злоупотребление правом, в конечном счете, ведет к правонарушению. Но если противоправное действие даже формально не основывается на праве и выступает в чистом виде, то злоупотребление правом всегда внешне опирается на субъективное право и формально противоречит праву объективному. Если у лица нет субъективных прав, то злоупотреблять правом оно не может. Осуществить же противоправное действие и при отсутствии субъективных прав оно может.

Нам известен случай, – пишет М.И. Бару, – когда домовладелец, не достигнув с помощью суда выселение из дома неугодного ему квартиранта, уничтожил в отсутствие квартиранта часть дома (надлежащего домовладельцу на праве собственности), оставив квартиранта под открытым небом. Разве это не злоупотребление правом собственности? Ведь такое поведение владельца стало возможным именно в связи с наличием у него права собственности [9, с. 118].

В приведенном примере наглядно видно как уполномоченный субъект в буквальном смысле слова оставляет человека без крыши над головой, посредством осуществления своего права. Действия домовладельца вполне законные, поскольку он как собственник вправе распоряжаться своим домом по своему усмотрению.

Интересна позиция Грибанова В.П., который отмечает, что вопрос о наличии или отсутствии злоупотребления правом может быть решен, прежде всего, в зависимости от соотношения между санкционированным законом общим типом возможного поведения уполномоченного лица и тем его конкретным поведением, которое он принимает с целью реализации своего субъективного права.

При этом возможны различные ситуации. В тех случаях, когда лицо вообще выходит за рамки предоставленного ему субъективного права, за пределы его содержания, оно действует уже не как носитель данного субъективного права, не как уполномоченный субъект. Здесь отсутствует именно «использование» права и независимо от того, использует в данном случае лицо разрешенные или запрещенные конкретные формы поведения, то есть действует оно правомерно или противоправно, такое поведение в любом случае не может быть отнесено к случаям злоупотребления правом.

Нет оснований говорить о злоупотреблении правом и в тех случаях, когда конкретные формы поведения уполномоченного лица по осуществлению права полностью соответствуют общему типу установленного законом поведения, когда, между содержанием субъективного права и его осуществлением нет разногласий. В данном случае мы имеем дело с нормальным процессом реализации права.

О злоупотреблении правом речь может идти только в том случае, когда уполномоченный субъект, действуя в пределах принадлежащего ему субъективного права, в рамках тех возможностей, которые составляют содержание данного права, использует такие формы его реализации, которые выходят за установленные законом пределы осуществления права [10, с. 46-47].

Таким образом, категория злоупотребления правом как минимум заслуживает существования в теоретической плоскости. Такой вывод основывается на том, что институт злоупотребления правом также нашел свое практическое применение и отражение в различных отраслях права: конституционном, гражданском, семейном, уголовном и иных отраслях.

Бессмысленно отрицать наличие правовых норм, устанавливающих запрет совершать определенные действия, а вместе с тем и правовую реальность. Это правовое явление, которое прочно ворвалось в правовую (научную и практическую) реальность еще со времен Древнего Рима и сегодня не теряет своей актуальности.

Как правовой феномен злоупотребление правом характеризуется определенными признаками, отличающими его от других правовых явлений. Анализ признаков позволяет с одной стороны детальной выяснить сущность категории злоупотребления правом, а с другой – дает возможность правильно квалифицировать то или иное деяние как злоупотребление правом.

Разнообразие сложных ситуаций, связанных со злонамеренным, недобросовестным, неразумным, асоциальным, аморальным осуществлением права чаще всего приводит к трудностям понимания сущности изучаемого

явления, а, следовательно, и обуславливают различные взгляды ученых на выделение признаков категории злоупотребления правом.

По мнению Малиновского А.А. первым и наиболее содержательным признаком злоупотребления правом является «причинение зла» в результате осуществления права. С точки зрения юриспруденции под «злом» нужно понимать любые негативные последствия (прямые или косвенные), которые возникают при осуществлении субъективного права. Такие негативные последствия в юридической науке обозначаются термином «вред».

Под вредом Малиновский А.А. понимает (в контексте исследуемой проблемы) любые негативные последствия, которые стали прямым или побочным результатом осуществления субъективного права. Это означает, что, если лицо, реализуя принадлежащее ему субъективное право, умаляет тем самым любое благо, то можно говорить о причинении вреда посредством осуществления права. Причем вред в данном случае может быть самым разнообразным [3, с. 57].

Вторым признаком злоупотребления правом по Малиновскому А.А. является осуществление права вопреки его назначению.

Основным назначением субъективного права является формальная определенность и гарантированность государством возможности человека удовлетворить свои потребности (интерес), установленным законом способом. Безусловно, далеко не любая потребность может быть положена в основу субъективного права, а также не каждый способ ее удовлетворения может быть признан легальным.

В связи с этим, одной из задач юриспруденции на протяжении всего времени как раз и было выявление тех базовых потребностей без удовлетворения которых, человек не может существовать, а также тех способов их удовлетворения, которые признаются государством и обществом приемлемыми на конкретно-историческом этапе развития социума.

В общетеоретическом плане назначение субъективного права обуславливается осознанной потребностью (интересом) индивида и желанием удовлетворить свою потребность посредством осуществления конкретного субъективного права, способом, который не противоречит закону. В данном случае – удовлетворение потребности представляет собой цель, а субъективное право – средство достижения данной цели. С определенной долей условности можно говорить о том, что конкретной потребности корреспондируется соответствующее субъективное право. Если субъект достигает поставленной цели посредством использования другого средства (реализует потребность, для удовлетворения которой предусмотрено одно субъективное право посредством осуществления иного субъективного права), то он осуществляет субъективное право вопреки его назначению. Такое осуществление права является социально нежелательным и в целом ряде случаев закон предусматривает для субъекта наступление негативных последствий (например, отказ в судебной защите права, в

нарушение с его назначением или лишения соответствующего права) [3, с. 97].

Реализация предмета злоупотребления осуществляется определенным образом, с использованием определенных средств, однако в конечном счете преследует достижение разрешенной законом цели. Таким образом, содержание предмета злоупотребления пронизано его назначением.

В то же время, ограничения связанные с назначением предмета злоупотребления, в законодательстве почти не содержатся. Есть только определенные нечеткие общие нормы, закрепленные в конституциях, Гражданских кодексах и международных актах.

В российском законодательстве общий принцип недопущения злоупотребления правом закреплен в части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации, предусматривающей, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Указанное положение закреплено в главе 2 Конституции Российской Федерации, регламентирующей основополагающие права и свободы человека и гражданина. Вместе с тем указанные права и свободы подлежат распространению и на юридических лиц в той степени, в которой это отвечает их правовой природе [11, с. 14-15].

Указанные конституционные положения нашли свое отражение в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая предусматривает следующие основополагающие положения: «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

В случае несоблюдения требований, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, суд, арбитражный суд или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом.

В случае, если злоупотребление правом выражается в совершении действий в обход закона с противоправной целью, последствия, предусмотренные пунктом 2 настоящей статьи, применяются, поскольку иные последствия таких действий не установлены настоящим Кодексом». Аналогичные предписания содержатся также в проекте ГК.

Однако все эти нормы лишены своей правоприменительной способности, ведь выявить осуществление права вопреки его назначению несомненно гораздо труднее нежели осуществление его с выходом за определенные временные, территориальные и другие рамки. Это объясняется следующими положениями.

Еще одним существенным признаком злоупотребления правом является осуществление законного субъективного права в пределах, предусмотренных законом.

Злоупотребление правом неразрывно связано с осуществлением права. Если субъект никоим образом не осуществляет принадлежащее ему субъективное право, то есть не совершает никаких действий по использованию тех возможностей, которые в этом праве заложены, то ни о каком злоупотреблении этим правом не может быть и речи. Если субъект не выполняет или ненадлежащим образом выполняет свои обязанности, речь может идти о правонарушении, но не о злоупотреблении. Причем степень реализации не имеет значения, главное, чтобы деятельность была направлена на осуществление права или исполнение обязанности [9, с. 114].

Любое субъективное право, как и юридическая обязанность, имеют определенные границы – возможного и должного поведения соответственно. В случае выхода лица за установленные законом пределы невозможен сам термин «злоупотребление». Нельзя в связи с этим согласиться с точкой зрения Бару М.И., который считает, что в случае, когда действия управомоченного лица не соответствуют содержанию его права, то, несомненно, имеет место злоупотребление правом [9, с. 117].

В данном случае лицо не реализует свое право, а действует вообще за рамками предоставленного субъективного права. Хотя, следует признать, что злоупотребление правом в таких ситуациях возможно, но оно не может быть связано с тем поведением субъекта, которое выходит за пределы, установленные законом.

Значительное внимание вопросу границ субъективного права уделил Грибанов В.П., который отмечает, что злоупотребление правом связано не с содержанием субъективного права, а с его реализацией (осуществлением). Соотношение между этими явлениями представляется как соотношение между возможностью и действительностью, объективным и субъективным, общим типом поведения и конкретными формами ее проявления [10, с. 44].

Таким образом, содержание субъективного права – это обобщенная возможность, право в статике, а содержание его осуществления – это право в динамике, процесс его конкретной реализации. В то же время, предложенное Грибановым В.П. понятие злоупотребления правом, которое в дальнейшем было поддержано большинством ученых, имеет ряд существенных недостатков. Ученый считает, что о злоупотреблении правом речь может идти только в случаях, когда управомоченный субъект, действуя в пределах предоставленного ему субъективного права, в рамках возможностей, которые составляют содержание данного права, использует такие формы его реализации, которые выходят за установленные законом пределы реализации права (т.е. использование недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного законом общего типа поведения) [10, с. 47].

Из вышеизложенного следует, что для квалификации злоупотребления правом необходимо установить только: а) незыблемость

границ содержания субъективного права, б) нарушение границ реализации субъективного права. Но такая позиция имеет внутреннее противоречие. Любое правило поведения действительно определяет лишь общий тип поведения, поскольку характеризуется определенной абстрактностью. В то же время, правовые нормы устанавливают общий тип поведения не только для содержания субъективного права, но и для его реализации. А поскольку конкретное проявление должно находиться в пределах общего типа поведения, может и выход за установленные законом пределы реализации субъективного права так же не допустим, как и выход за пределы содержания этого права. Так, злоупотребление правом хоть и связано, прежде всего, с осуществлением субъективного права, но само осуществление непосредственно соответствует содержанию субъективного права и вытекает из него. Законодательство же определяет границы реализации предмета злоупотребления по-разному.

Установленные сущностные общие признаки составляют в совокупности определенный юридический состав, выступает единственным основанием квалификации деяния субъекта права как злоупотребление правом. Таким образом, злоупотребление правом – это особый вид правового поведения, при котором субъект правовых отношений, реализуя свои законные права и обязанности в пределах, установленных законом, умышленно (в отдельных случаях – неосторожно) причиняет вред другим, действуя при этом формально правомерно. В то же время, квалифицировать злоупотребление правом возможно только, учитывая содержание результатов поведения субъекта (наличие негативных последствий), цели и умысла его действий (внутренняя направленность на достижение негативных последствий). Учитывая вышеизложенное, в узком смысле, злоупотребление правом выступает реализацией субъектом своего субъективного интереса с негативным содержанием.

Список литературы

1. Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики / В.А. Волков. — М. : Волтерс Клувер, 2009. – 464 с.
2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – М. : Статут, 1998. – 352 с.
3. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование): [монография] / А.А. Малиновский. – М. : Юрлитинформ, 2007. – 352 с.
4. Памятники Римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М.: Зерцало, 1997. – 608 с.
5. Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве / М.М. Агарков // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. – 1946. – № 6. – С. 426-429.

7. Микласевич О. Категорія «зловживання правом»: поняття та форми / О. Микласевич // Цивільне право. – 2010. – № 4. – С. 30-33.

8. Малейн Н.С. Юридическая ответственность и справедливость / Н.С. Малейн. – М. : Юридическая литература, 1992. – 215 с.

9. Бару М.И. О ст. 1 Гражданского кодекса / М.И. Бару // Советское государство и право. – 1958. – № 12. – С. 117-120.

10. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В.П. Грибанов. – М. : Издательство МГУ, 1972. – 411 с.

11. Курбатов А.Я. Правосубъектность кредитных организаций: теоретические основы формирования, содержание и проблемы реализации. М., 2010. – 280 с.

УДК 341.641

Н. В. Асеева, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

М. А. Асеева, аспирант ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(e-mail: natalja1971@list.ru)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: Статья посвящена отдельным проблемам правового регулирования международного судопроизводства. В статье проведён сравнительно-правовой анализ концептуальных моделей права интеграции Евразийского экономического союза. Изучив международную практику авторами предложены направления правового урегулирования ряда вопросов с целью обеспечения эффективного функционирования единого экономического пространства.

Ключевые слова: международное судопроизводство, интеграция, государственная правосубъектность, решение суда, верховенство права, правовая политика.

Asieieva N.V.

Asieieva M.A.

EURASIAN INTEGRATION OF THE EUROPEAN ECONOMIC UNION: PRACTICAL AND THEORETICAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL JUDICIAL PROCEEDINGS

Summary: The article is devoted legal problems of regulation of international judicial proceedings. The article presents a comparative legal analysis of the conceptual models of the law of integration of the Eurasian economic Union. Having studied the international practice, the authors propose

the directions of legal settlement of a number of issues in order to ensure the effective functioning of the common economic space.

Keywords: *international judicial proceedings, integration, state legal personality, court decision, supremacy of law, legal policy.*

Стремительное развитие экономических международных отношений требует эффективного правового регулирования порядка и процедуры рассмотрения и разрешения возникающих споров между их субъектами. Построение новой системы международного взаимодействия в рамках Единого экономического пространства (далее – ЕЭП) определяет ключевую роль арбитражного соглашения. Рассмотрение спора международным коммерческим арбитражем (далее – МКА) невозможно без самого арбитражного соглашения, выступающего в виде договора между сторонами о передаче всех или конкретизированных арбитражных споров в арбитраж [1].

Исследованию отдельных аспектов данной темы посвящены работы Нешатаевой Т.Н., Смбатяна А.С., Кирина А.А., Кембаева Ж., Дьяченко Е., Энтина К., Кнобеля А.

Цель данной статьи заключается в обобщении научных исследований в области правового регулирования международного судопроизводства, интеграционных процессов в ЕАЭС с целью выработки концепции и перспектив развития законодательства Донецкой Народной Республики в данном направлении.

Развитие интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, вызванных высокими темпами экономического роста, что особенно актуально последние 15 лет, увеличивает конкурентоспособность участников объединений.

Анализ последствий тех или иных торговых соглашений стран ЕАЭС с различными партнерами, показывает, что, как и в случае других торговых соглашений, помимо общего положительного влияния на благосостояние за счет снижения неэффективности из-за взаимного ослабления торговых ограничений, следует учитывать отраслевые эффекты, которые, что очень важно, различаются в краткосрочной (2-3 года) и долгосрочной (4-6 лет) перспективе [2].

История процесса Евразийской интеграции началась с подписания в Астане договора об учреждении Евразийского экономического сообщества в 2000 году.

Экономическое сотрудничество в рамках ЕАЭС не является самоцелью и не сводится исключительно к развитию чисто формальных интеграционных форм сотрудничества, а в первую очередь способствовать развитию торгово-экономических и иных связей между странами-участницами. Указанные обстоятельства помогают национальным предпринимателям противостоять усиливающейся конкуренции.

ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов.

Значительный объем и разнообразие правоотношений в экономической сфере порождает столь же значительный объем разнообразных споров, возникающих в связи с этими отношениями. В частности, целью Евразийской Организации Экономического Сотрудничества (далее – ЕОЭС) провозглашено всемирное содействие в унификации и гармонизации, сближению нормативных правовых основ стран евразийского континента в различных сферах экономики, культуры, туризма, формирование и развитие цивилизованного экономического пространства, формирование эффективных международных коммуникаций в экономике и др. ЕОЭС является неправительственной, некоммерческой, неполитической организацией профессионального и бизнес-сообщества, т.к. является нефинансовым институтом развития.

Изначально, как отмечает третейский судья при Торгово-промышленной палате Московской области Асад Юсуфов, все третейские суды создавались не с целью выполнения «карательной функции», а для достижения сторонам мирового соглашения. То есть главная задача – это не наказание виновной стороны, а поиск консенсуса с целью минимизировать финансовые потери сторон, которые ведут стороны.

Для достижения указанных целей ЕОЭС в частности создает в установленном законом порядке постоянно действующее арбитражное учреждение и выполняет функции по администрированию спора при осуществлении арбитража третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора.

Первоочередной целью Международного коммерческого арбитражного суда, который собственно и предлагалось на очередной сессии ЕОЭС создать, является создание достойной альтернативы Европейского суда по правам человека в Страсбурге, с последующим открытием представительств данного суда во всех заинтересованных государствах на всем Евразийском пространстве. Создание данного учреждения будет способствовать в разрешении экономических споров, связанных с разницей в законодательствах стран [3].

С 1 января 2015 года официально деятельность Евразийского экономического сообщества, а также органов Сообщества прекращена. Однако, стоит отметить, что отказ от правопреемства между судебными органами влечет, прежде всего, отсутствие у Суда компетенции *ratione temporis* по спорам, которые возникли с данной даты [4].

Анализ российской судебной практики на примере решений Суда ЕврАзЭС и Суда ЕАЭС демонстрирует следующую картину. Правовые позиции, сформулированные в отдельных решениях, получили максимально широкое восприятие. Другие судебные акты не оказали никакого влияния на

судебную практику. Полагаем, основная причина этого состоит в том, были ли в соответствующем судебном акте сформулированы универсальные правила, применимые к широкой категории аналогичных дел, или Судом был решен частный вопрос заявителя без создания прецедентного правила.

Проведенный анализ показал, что многие ограничения компетенции Суда, заложенные в Статуте, не способны создать каких-либо серьезных препятствий для его успешного функционирования. Так, несмотря на рекомендательный характер консультативного заключения, заложенные в нем правовые позиции в силу присущего им свойства *res interpretata* должны учитываться в правоприменительной практике как ЕАЭС, так и государств-членов[4].

Суд ЕАЭС взял за основу и фундамент своей деятельности правовой опыт Суда ЕврАзЭС. Однако следует отметить, что Суд ЕАЭС продемонстрировал эволюционирующий подход к написанию судебных решений. В частности изменился стиль судебных решений, кроме того у судей Суда ЕАЭС есть право составить особое мнение в случае несогласия с позицией большинства, что отсутствует в Суде Европейского союза.

Суд Евразийского экономического союза является постоянно действующим судебным органом Союза и располагается в городе Минске Республики Беларусь. При осуществлении правосудия он применяет: – общепризнанные принципы и нормы международного права; – международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства – стороны спора; – решения и распоряжения органов Союза; – международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы. Статус, состав, компетенция, порядок функционирования и формирования Суда Союза определяются Статутом Суда Евразийского экономического союза согласно приложению № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Согласно Статуту, целью деятельности Суда является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора о Евразийском экономическом союзе, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза [5].

В отличие от Экономического Суда СНГ, решения которого носят рекомендательный характер (что даёт основание утверждать, что ЭС СНГ, несмотря на своё название, не является судебным органом) [6], решения Суда ЕАЭС (точно так же, как и ранее Суда ЕврАзЭС) являются обязательными для исполнения сторонами спора[7, п. 99-100]. В отличие от Суда ЕврАзЭС в Суде ЕврАзЭС полномочием определять порядок исполнения решения и применять меры обеспечительного характера наделяен был непосредственно Суд. В Суде же ЕврАзЭС форму и способ исполнения решения определяют стороны спора, как и в ЭС СНГ, что не во всех случаях на пользу, а зачастую демонстрирует слабость механизма исполнения решений.

В случае неисполнения решения Суда ЕАЭС государство-член вправе обратиться в высший орган организации, то есть (в случае с ЕАЭС) в Высший совет с целью принятия необходимых мер, связанных с его исполнением [7, п. 114]. Кроме того, судьи Суда ЕАЭС во многом зависят от указанного Совета, что ставит под сомнение независимость судей.

Решение Суда не может выходить за рамки указанных в заявлении вопросов, и самое главное, что решение Суда не может изменять и (или) отменять действующие нормы права Союза, нормы законодательства государств-членов и не может создавать новые нормы права [7, п. 114].

Компетенция, которую имеет Суд в настоящее время, наиболее соответствует нашей евразийской ментальности, одной из составляющих которой является наше постсоветское прошлое. Это самое сложное в ходе нашей интеграции: в рамках одного проекта нам нужно находить подходы, которые, во-первых, будут удовлетворять страны с азиатскими и европейскими ментальными основами и, во-вторых, не затронут национальных основ этих государств. В этом плане Европейскому союзу повезло больше, ведь в их основе лежат морально-этические нормы единой религии. Суд ЕАЭС часто сталкивается с ситуацией, когда одни и те же нормы понимаются по-разному, ибо судьи от государств-членов ЕАЭС исходят из разных, порой диаметрально противоположных морально-этических подходов. Поэтому, бесконечное сравнение компетенции Суда ЕАЭС с компетенцией Суда ЕС – это утопия, не учитывающая различия в наших ментальных основах, ведь на данный момент правовая система Российской Федерации является гибридом советского и континентального права, на Армению повлияла англо-саксонская семья, а на Казахстан – немецкие правовые воззрения. А ментально и традиционно и в прошлые времена мы были очень непохожими. Так что общие стандарты еще предстоит создать. При этом не следует, как нарушать устоявшиеся стандарты правосудия, так и копировать чужой опыт [8].

Кроме того, существуют случаи, когда один и тот же вопрос регулируется разными международными договорами, в связи с чем, созданы специализированные суды и трибуналы, и уже их разнородная практика стала следующей причиной развития и распространения фрагментации самого международного права. Данный вопрос усугубляется существованием международных судов и трибуналов в изоляции друг от друга, так называемой «клинической изоляцией», что ведет к посягательству на юрисдикцию друг друга и «конкуренцию компетенции». Так, сторона, не согласившись с результатом разрешенного спора, может обратиться в иной орган (суд, трибунал), который впоследствии признает компетентным себя и решение может иметь кардинально противоположный результат, что собственно и на руку одной из сторон.

В то же время Суд ЕАЭС выступает как специализированный институт неполитического характера. Суд не связан ни мнением государств – членов, ни позицией других органов Союза, ни политической ситуацией. При

принятии решений он руководствуется исключительно правовыми мотивами. Этим объясняется неравный правовой статус у Суда – с одной стороны и у остальных органов – с другой. Для обеспечения верховенства права ЕАЭС, а значит, непоколебимости идеи создания объединенной экономики, ценностей, лежащих в основе евразийской интеграции Суд должен одновременно быть и «над» государствами-членами, распространяя на них свою власть, и «над» другими органами ЕАЭС, удерживая их в русле интеграции. Таким образом, статус Суда ЕАЭС должен быть более весом, чем статус других органов Союза [9, 10].

Суд поставил во главу угла соблюдение формальных требований, создав настоящий замкнутый круг: ЕЭК направляет хозяйствующий субъект в Суд, а Суд отказывает ему со ссылкой на несоответствие заявления требованиям к его оформлению. В результате бездействуют оба органа, которые призваны устанавливать единообразное применение союзного права.

Кроме того, стоит отметить, что путем принятия решений по делам об оспаривании действий (бездействий) ЕЭК, а также через особые мнения судей создает обязательные для участников экономического оборота правила поведения, таким образом, формируя право наднационального союза.

В целях реализации идеи интеграции, которая невозможна в отсутствие единообразия, подобный подход должен быть преодолен путем создания четкого правила, направленного на защиту прав и законных интересов хозяйствующих субъектов. Каким образом будет создано такое правило: через изменение Договора, судебной практики или в сочетании обоих способов, покажет время. Остается надеяться, что Суд ЕАЭС, воспринимая опыт иных судов, сможет достичь сбалансированного подхода в выстраивании взаимодействия как с национальными судами и правительствами, так и с наднациональным органом исполнительной власти с целью развития единого правового пространства и защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов [11].

В заключение хотелось бы отметить, что между тем, невзирая на то, что ЕАЭС стремится, как и Европейский союз выстроить и обеспечить эффективное функционирование единого экономического пространства, ЕАЭС не обладает устойчивой правовой основой, в связи с чем, вся система евразийского интеграционного объединения лишена прочности, держась во многом лишь на политической воле глав государств-членов ЕАЭС, по своей природе часто изменчивой.

В правовом контексте ЕАЭС для дальнейшего успешного и результативного развития надлежит стремиться к установлению взаимоприемлемого и продуктивного сотрудничества как Суда ЕАЭС с Комиссией, так и соблюдению баланса интересов всех участников евразийской интеграции и обеспечению их равноправного членства, что вполне достижимо в результате последовательной правовой политики с

учетом проверенного передового опыта авторитетных межгосударственных объединений.

Понимание международно-правовых проблем, в любом случае влечет в итоге отстаивание интересов ЕАЭС. Проведенное исследование позволило сформулировать и обосновать практические и теоретические проблемы правового регулирования ЕАЭС.

Нельзя забывать о том, что наднациональные международные организации, напротив, имеют большее влияние на государства. В частности, создание таких организаций влечет образование двухаспектного полисистемного комплекса, в котором независимые наднациональные органы воздействуют на национальные, а международное и национальное право сосуществуют, составляя единую правовую полисистему.

ЕАЭС обладает наделенной государствами ограниченной международной правосубъектностью, не позволяющей самостоятельно реализовывать важнейший ее элемент – независимое заключение международных договоров с другими участниками международных отношений.

Многие учёные-практики акцентируют внимание на том, что в настоящее время расширение компетенции Суда ЕАЭС крайне необходимо, в частности речь идет о введении в действие консультативной компетенции Суда путём закрепления обязанности судебных органов обращаться в Суд за толкованием норм права ЕАЭС; предоставления права обжалования решений всех органов ЕАЭС в Суде. Суд ЕАЭС создает собственную правовую систему, призванную регулировать отношения по его внутреннему функционированию. А именно, создаются внутреннее право организации, а также международно-правовые инструменты.

Дальнейшее развитие экономики Республики требует выхода на международные рынки сбыта и потребления, что в свою очередь повлечет разработку и принятие соответствующего законодательства, в том числе в сфере правового регулирования не только международных хозяйственных отношений, но и разрешения коммерческих споров с участием иностранного субъекта. На наш взгляд, вопрос интеграции Донецкой Народной Республики в ЕАЭС представляется делом времени и требует концептуального подхода в разработке республиканского международного частного законодательства, а именно – Закона Донецкой Народной Республики «О международном коммерческом арбитраже».

Все правовые конфликты являются залогом развития общего международного права. Международное право – единственный инструментальный правовой компромисс, объединяющего человечество в целом. Твердо уверена, что глобализация, единое правовое и экономическое пространство – магистральное направление мира, стратегия его развития, в то время как регионализация (сближение права и экономики региона) – тактика создания глобального миропорядка. В таком контексте поиск общих подходов по конкретным темам на европейском континенте (в

географическом плане это единая территория от Атлантики до Тихого океана) в конечном итоге поможет найти решение многих глобальных проблем.

Список литературы

1. Мата Ольга Владимировна. Арбитражное соглашение и разрешение споров в международных коммерческих арбитражных судах : Дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 : Москва, – 2002 – 207 с.
2. Кнобель А. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. – 2015. – № 3. – С. 87-108.
3. Нешатаева Т.Н., Дьяченко Е.Б. Евразийская интеграция: роль Суда / Под ред. Т.Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015. –С. 131.
4. Дьяченко Е., ЭнтинК. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность // Международное правосудие. – 2017. –№3(23). –С.76-95.
5. Малько А.В., Елистратова В.В. Судебная система Евразийского экономического союза: проблемы формирования // Вопросы российского и международного Суда ЕАЭС права. 2016. – № 1. – С. 99-112.
6. Кембаев Ж. Сравнительно–правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. – 2016. –№2(18). –С.30-45.
7. Статут Суда Евразийского экономического союза от 29 мая 2014 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
8. Нешатаева Т.Н. Суд Евразийского экономического союза в действии // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 9 (100).URL: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=8484
9. Кирин А. А. Попытка правовой идентификации Суда Евразийского экономического союза // Молодой ученый. – 2016. – №8. – С. 747–750. – URL <https://moluch.ru/archive/112/28783/> (дата обращения: 23.05.2018)
10. Смбалян А. С. Перспективы Суда ЕврАзЭС в системе органов международного правосудия // Международное право и международные организации. 2013. URL: courteurasian.org/sm.aspx?guid=9703
11. Нешатаева Т.Н. Единообразное правоприменение – цель Суда Евразийского экономического союза / Т.Н. Нешатаева // Международное правосудие. – 2015.– №2.–С. 115–125.

УДК 342.951:351.82

О. Б. Балакай, канд. экон. наук, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: k.balackai@yandex.ua)

Д. Г. Кортяк, магистрант, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФОРМ И МЕТОДОВ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ И ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ (НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В статье сделана попытка разграничить такие виды административно-управленческой деятельности как финансовый контроль и лицензирование, проанализировать сложившиеся на сегодняшний день подходы к решению данной проблемы. Предложены пути совершенствования действующего законодательства Донецкой Народной Республики на основе проведенного анализа. Показано значение финансового контроля и лицензирования в современных условиях развития государства.

Ключевые слова: государственное управление, административно-управленческая деятельность, финансовый контроль, лицензирование.

Balakai O.

Kortyak D.

THEORETICAL APPROACHES TO THE DEFINITION OF FORMS AND METHODS OF FINANCIAL CONTROL AND LICENSING (LEGAL ASPECT)

The article contains attempts to distinguish between such types of administrative management activities as financial control and licensing, to analyze the current approaches to solving this problem. The ways of improving the current legislation of the Donetsk People's Republic on the basis of the analysis carried out are proposed. The importance of financial control and licensing in modern conditions of state development is shown.

Keywords: public administration, administrative management activities, financial control, licensing.

Актуальность темы исследования. Одним из приоритетных направлений в современных условиях становления государственности и развития экономики ДНР, является осуществление государственного контроля за деятельностью хозяйственного сектора. Это в особенной мере касается субъектов хозяйствования, чья деятельность подлежит лицензированию, т.к. в соответствии с п. 1 ст. 3 Закона ДНР «О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности» введение лицензирования отдельного вида хозяйственной деятельности допускается в случае недостаточности других средств государственного регулирования хозяйственной деятельности [1]. Т.е. в соответствии с данным положением деятельность данных субъектов подлежит особому контролю со стороны государства.

В то же время хозяйственная деятельность, осуществляемая юридическими лицами и физическими лицами предпринимателями, подлежит финансовому контролю со стороны государства. Эта государственно-управленческая деятельность имеет свои формы осуществления, методы, процедуры и правила их применения. На

сегодняшний день не существует единого подхода к определению сущности и специфики реализации финансово-контрольной функции государства, что порождает неопределённость в разграничении категорий «государственного контроля в сфере лицензирования» и «финансового контроля» с вытекающими из этого последствиями в осуществлении данных видов деятельности на практике. В связи с этим в последнее время наблюдается повышение интереса исследователей к данной проблеме. Разъяснение этих вопросов может послужить толчком в развитии, как сферы хозяйствования, так и правовой системы ДНР.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопрос разграничения вышеобозначенных категорий рассматривали в своих работах К.Г. Лавинская, И.Б. Стефанюк, Л.А. Жук, Ф.Ф. Бутынец и другие исследователи. При этом однозначного понимания критериев разграничения форм и методов осуществления уполномоченными органами государственной власти необходимых контрольных мероприятий в современной научной литературе не существует. Одни учёные указывают, что лицензирование является одной из форм финансового контроля, в свою очередь другие, говорят о самостоятельности данных видов деятельности и возможности их проведения самостоятельно, независимо друг от друга, так и совместно, отношение третьих к соотношению данным категорий можно выразить с помощью кругов Эйлера, как показано на рисунке 1 [3, с. 40].

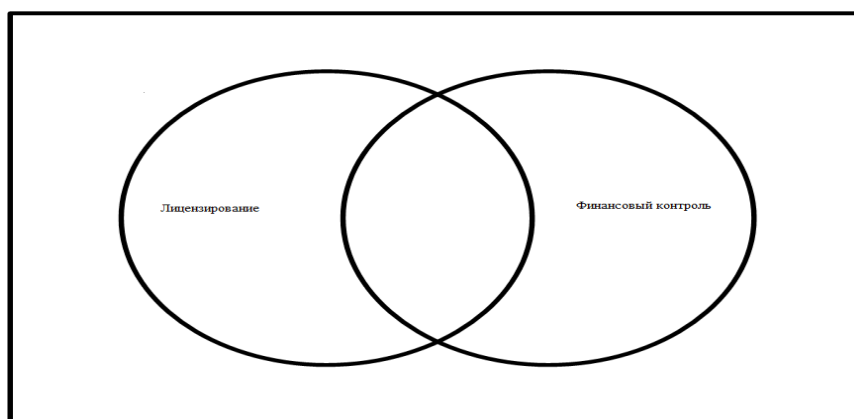

Рисунок 1. Соотношение лицензирования и финансового контроля

Отсутствие чётких критериев разграничения этих видов государственно-управленческой деятельности не содействует формированию чёткого представления о системе внедрения соответствующих мероприятий, что в свою очередь, приводит к понижению их эффективности.

В связи с этим **целью данной статьи** является определение наиболее существенных критериев разграничения финансового контроля и лицензирования, а также внесение предложений по совершенствованию действующего законодательства с учётом выбранного нами подхода к соотношению данных видов деятельности.

Изложение основного материала исследования. Прежде всего, для реализации поставленной цели обратимся к многообразию критериев

разграничения видов финансового контроля. К их числу относятся: природа субъектов контроля, их задачи, содержание контрольной деятельности, характер контрольных полномочий, характер взаимоотношений субъекта контроля с подконтрольным объектом, стадии управления, на которых проводится контроль, юридические последствия контроля и т.д. [10, с. 43]. Множественность критериев описания соответствующей деятельности вызывает неоднозначное понимание сущности понятий «форма контроля» и «контроля», а также различных вариантов их воплощения. В связи с этим можно выделить две крайние позиции ученых относительно данной проблемы.

Первая, в современной литературе представлена трудами К. Г. Лавинской и И. Б. Стефанюка. Они считают, что специфика осуществления финансового контроля должна рассматриваться только через призму форм этой деятельности. При этом под формой финансового контроля они понимают способы конкретного выражения и организации контрольных действий, направленных на выполнение функций контроля [6, с. 90]. Формами финансового контроля, по их толкованию, являются стандартизация, идентификация (государственная регистрация), лицензирование, экспертиза и мониторинг [6, с. 92]. В свою очередь, И.К. Дрозд и В.О. Шевчук формы финансового контроля разделяют на три группы:

1. Разовые или периодические, испытания. В этой группе они объединяют единичные формы контроля, проводимых преимущественно во время испытаний по качественным характеристикам объектов. Сюда относятся: сертификация, аттестация, аккредитация, лицензирование, экспертиза.

2. Проверки - это основные формы контроля, используемые при проведении контрольных мероприятий, а именно: государственный финансовый аудит, инспектирование, ревизия, проверка и аудит.

3. Непрерывное отслеживание деятельности экономических систем, предусматривает такие формы проведения непрерывного контроля, как финансовый мониторинг и другие формы непрерывного надзора [2, с. 32-33].

При этом, эти учёные указывают, что реализовать функции, которые возложены на финансовый контроль, возможно с помощью определённого круга методов. Напомним, что под методом, в обобщённом виде, понимают способ теоретического исследования или практического осуществления. Они делят методы на три основные группы:

- документальные: проверка по формальным признакам; проверка по содержанию; арифметическая проверка; нормативная проверка; встречная проверка;
- фактические: инвентаризация; контрольный обмер; обследования; лабораторные анализы качества; контрольный запуск;
- хронометраж: получение письменных объяснений [2, с. 57].

Как мы видим, сторонники данного подхода считают лицензирование, а соответственно и все мероприятия связанные с ним частью финансового контроля. В этой ситуации стоит упомянуть, что согласно Закону ДНР «О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности» под лицензированием законодатель понимает выдачу, переоформление и аннулирование лицензий, выдачу дубликатов лицензий, ведение лицензионных дел и лицензионных реестров, выдачу распоряжений об устранении нарушений, контроль за соблюдением лицензиатами лицензионных условий, выдачу предписаний об устранении нарушений законодательства в сфере лицензирования [1]. То есть, при таком трактовке контроль за соблюдением лицензионных условий, который в большей степени представляет собой осуществление технической и технологической проверок, будет выступать в роли финансового контроля.

Второй крайней позиции придерживается Ф.Ф. Бутынец. Он вообще не рассматривает такое понятие, как «форма финансового контроля», концентрируя свое внимание исключительно на определении методов этой деятельности. Под методами финансового контроля он понимает совокупность способов и приемов проверки законности, достоверности и целесообразности операций предприятия [5, с. 29]. В перечень методов контроля он относит инвентаризацию, анализ хозяйственной деятельности, проверку, обследование, ревизию и аудит. Как мы можем заметить, в данном случае финансовый контроль и лицензирование выступают отдельными видами деятельности.

Однако все же следует признать, что большая часть исследователей не являются сторонниками крайних, противоположных научных подходов. Их позиция в решении этой проблемы видится более умеренной, а ее суть состоит в том, что для характеристики особенностей финансового контроля целесообразно выделять как определенные формы, так и методы его осуществления. При этом допускается различное толкование этих категорий. Так, в рамках этого научного подхода некоторые авторы считают, что форма государственного контроля непосредственно связана со способом выражения его содержания и внутренней организацией. То есть, по мнению сторонников этой точки зрения, формы государственного контроля являются способами конкретного выражения и организации конкретных действий, направленных на выполнение функций финансового контроля. В соответствии с этим подходом, А.О. Монаенко считает, что под формами финансового контроля следует понимать только отдельные стороны выявления содержания этой деятельности, а единственным критерием их разграничения является осуществлении контрольных мероприятий [7, с. 54]. Учитывая это, он предлагает различать предварительный, текущий и последующий финансовый контроль [7, с. 52]. В качестве методов государственного финансового контроля этим автором рассматриваются: ревизия, проверка, инспекция, обследование, наблюдение, анализ, заслушивание докладов и информации должностных лиц о финансовой деятельности на сессиях

органов местного самоуправления, заседаниях органов государственной исполнительной власти [7, с. 54].

Отдельными учеными предлагается расширить указанный перечень. Например, Б.Ф. Усач к числу форм финансового контроля относит: документальный контроль, фактический контроль, превентивные контрольные проверки, текущие контрольные проверки, тематические проверки, следствие, счетные проверки отчетности, обследования и ревизии [9, с. 21]. Как методы финансового контроля он предлагает рассматривать: инвентаризацию, экономический анализ, контрольный запуск сырья, материалов в производство, экспертизу, контрольный обмер, анализ ежедневной или пооперационной изменения остатков товарно-материальных ценностей и денежных средств, проверку выполнения принятых решений, письменное объяснение материально ответственных лиц [9, с. 28]. Заметим, что Л.А. Жук указанные формы относит к видам финансового контроля [3, с. 232], а в перечень методов этой деятельности дополнительно относит наблюдения, отчеты о финансовой деятельности на сессиях Советов, заседаниях органов исполнительной власти [3, с. 233].

В свою очередь, такие ученые как М.В. Митрофанов, В.В. Ковалев, М.В. Васильева, В.В. Пугачев, В.М. Шлейникова занимающиеся исследованием проблем государственного контроля к методам, формам, способам контроля относят проверки, обследования, надзор, анализ, мониторинг, ревизии, в том числе и финансовой документации [4, с. 238]. К сожалению, законодатель в Законе ДНР «О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности» не указывает конкретных форм и методов лицензионного контроля. Отдельные методы контроля упоминаются в различных нормативных правовых актах, регулирующих лицензионную деятельность.

На основании вышесказанного, мы можем сделать вывод, что представители третьего подхода считают соотношение лицензирования и финансового контроля как было указано на Рис. 1. То есть, это разные виды административно-управленческой деятельности, но отдельные их формы и методы пересекаются. Например, в лицензионных условиях по производству фармацевтических средств одними из методов контроля за соблюдением лицензионных условий является инвентаризация; контрольный обмер; обследования; лабораторные анализы качества, что в свою очередь могут использоваться и при финансовом контроле.

Обзор научных подходов по исследованной теме утверждает, что единого мнения относительно критериев разграничения форм и методов финансового контроля и лицензирования среди исследователей на сегодняшний день нет. Однако обобщение и систематизация базовых положений изложенных подходов позволяет более обдуманно подойти к решению проблемы разграничения этих видов государственно-управленческой деятельности. При этом следует исходить из наиболее устойчивого толкования терминов: форма - это структура соответствующих

процессов, а также порядок чего-либо; метод - это способ достижения какой-либо цели, решения конкретной задачи или совокупность приемов освоения действительности [8, с. 184].

Применяя эти положения к проблематике разграничения государственного финансового контроля и лицензирования, предлагается, что под формой финансового контроля необходимо понимать инструмент исследования объекта, внутреннее содержание которого характеризуется совокупностью примененных приемов или методов контроля и зависит от времени осуществления контрольного мероприятия. И поэтому мы считаем наиболее приемлемой позицию тех ученых, которые разграничивают формы финансового контроля по признаку его ведения, то есть как предварительный, текущий и последующий финансовый контроль. Такая классификация представляется наиболее удачной, поскольку она позволяет разграничить рассматриваемые нами виды административно-управленческой деятельности, т.к. лицензирование не является частью финансового контроля, что было описано выше. Проводя анализ действующего законодательства в сферах финансового контроля и лицензирования, мы также можем утверждать, что позиция законодателя в этом вопросе схожа с предлагаемой авторами. При этом остаётся непонятным его отношение к оставшимся двум подходам, что мы поясним ниже.

Так, согласно п. 10,11 ч. 1 ст. 7 Закону ДНР «О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности» орган лицензирование обладает полномочиями по осуществлению в пределах своей компетенции проверки возможности выполнения соискателем лицензии требований лицензионных условий и осуществлению в пределах своей компетенции контроля (надзора) за соблюдением лицензиатами лицензионных условий [1]. Как мы можем видеть, в законе чётко не прописаны виды допускающихся проверок в отношении соискателей лицензии и лицензиатов. То же самое можно говорить и о ч.1 ст.9 Закона, в которой говорится о том, что лицензионные условия являются нормативным правовым актом, положения которого устанавливают квалификационные, организационные, технологические и другие требования для осуществления отдельного вида хозяйственной деятельности [1]. Указание «и другие требования» может, как подразумевать под собой необходимость проведения каких-либо видов финансового контроля, так и нет. Также, в соответствии с ч. 9 ст. 22 лицензиат во время проверки соблюдения им лицензионных условий предоставляет все необходимые для проведения проверки документы и обеспечивает условия для ее проведения [1]. Формулировка «все необходимые для проведения проверки документы» как и в случае с ч. 1 ст. 9 можно трактовать двояко. Аналогично дело состоит с нормативными правовыми актами, принятыми на основании данного Закона. Так, в Положениях «Об утверждении лицензионных условий осуществления строительной деятельности» от 14.05.2018; «Об утверждении лицензионных условий осуществления таможенной брокерской деятельности» от

15.08.2017; «Об утверждении лицензионных условий осуществления архитектурно-строительной деятельности» от 30.04.2015; «Об утверждении лицензионных условий осуществления хозяйственной деятельности по перевозу пассажиров, грузов, багажа, грузобагажа, опасных грузов железнодорожным транспортом» от 24.03.2016 и др. список документации, проверка которой будет осуществляться, не конкретизирован.

В то же время ч. 4 ст. 9 говорит нам, что в перечень лицензионных условий с учетом особенностей осуществления лицензируемого вида хозяйственной деятельности могут быть включены следующие требования:

1. наличие у соискателя лицензии и лицензиата помещений, зданий, сооружений и иных объектов по месту осуществления лицензируемого вида деятельности, технических средств, оборудования и технической документации, принадлежащих им на праве собственности или ином законном основании, соответствующих установленным требованиям и необходимых для выполнения работ, оказания услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности;

2. наличие у соискателя лицензии и лицензиата работников, заключивших с ними трудовые договоры, имеющих профессиональное образование, обладающих соответствующей профессиональной подготовкой и (или) имеющих стаж работы, необходимый для осуществления лицензируемого вида деятельности [1].

Здесь хотелось бы сказать, что одной из особенностей финансового контроля являются его всеобъемлющий и универсальный характер и то, что его объекты — это не только денежные средства, но в то же время материальные и трудовые ресурсы, так как товарно-денежные отношения имеют стоимостную форму. То есть, данные положения закона подтверждают возможность проведения некоторых видов финансового контроля при осуществлении лицензионной деятельности.

Всё вышесказанное не только не разрешает теоретический вопрос разграничения финансового контроля и лицензированной деятельности, но и добавляют проблем на практике. Может возникнуть ситуация, когда при осуществлении проверки соответствия требованиям, выдвигаемым к соискателям лицензий либо контроля за соблюдением лицензионных условий орган лицензирования при неправильной трактовке положений законодательства может расширять либо уменьшать круг своих полномочий. Так, при проверке одних соискателей лицензии орган лицензирования может провести ряд мероприятий непредназначенных для этого субъекта хозяйствования и не выдать положенное при обычных обстоятельствах разрешение, в то же время другой субъект, подлежащий финансовой контрольной деятельности при лицензировании не будет подвержен таким мероприятиям и получит желаемый документ разрешительного характера, чего не случилось бы при полноте проведения указанных административно-управленческих действий.

Основываясь на вышесказанном, мы предлагаем использовать третий подход к соотношению финансового контроля и лицензирования, согласно которому эти виды деятельности соотносятся по принципу пересекающихся кругов, то есть по своей сути это самостоятельные виды деятельности, но в то же время, при их осуществлении, они могут заимствовать отдельные методы и мероприятия друг у друга, как это было продемонстрировано на примере производства фармацевтических средств.

Также, мы считаем необходимым дополнить действующие законодательство о лицензировании и финансовом контроле, уточнив при этом некоторые их положения. Так, в Законе ДНР «О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности» мы предлагаем сделать следующее:

1. дополнить п. 10,11 ч. 1 ст. 7 видами контроля, которые необходимо осуществлять при соответствующих мероприятиях. При этом в отношении предпочтительных видов финансового контроля указать документационные ревизии и проверки финансово-хозяйственной деятельности в соответствии с Положением «О контрольно-ревизионной службе Донецкой Народной Республики»;

2. дополнить ч. 9 ст. 22 словами «отдельного вида проверки, предусмотренного нормативными правовыми актами Донецкой Народной Республики,» и изложить её в следующей редакции: Лицензиат во время проверки соблюдения им лицензионных условий предоставляет все необходимые для проведения отдельного вида проверки, предусмотренного нормативными правовыми актами Донецкой Народной Республики, документы и обеспечивает условия для ее проведения»;

3. привести в соответствие с данным Законом все нормативные правовые акты ДНР в сфере лицензирования.

В Положении «О контрольно-ревизионной службе Донецкой Народной Республики» дополнить п. 11 подпунктом в следующей редакции: «проводит документационные ревизии и проверки финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования подлежащих лицензированию в случае поступления поручения относительно их проведения от органа лицензирования»

Государственный финансовый контроль и лицензирование эффективны тогда, когда они являются комплексными и систематическими. Участники хозяйственных отношений осуществляют разнообразные виды деятельности, обладают различным объемом информации и аналитическими возможностями. Поэтому успешная реализация регулирующей деятельности государства возможна лишь тогда, когда в ней сочетаются все названные формы и методы контроля. С этой целью необходимо при доработке законодательства ДНР учесть предложенные нами дополнения. Усовершенствование правовой основы поможет при проведении контрольных мероприятий уполномоченными органами исполнительной власти избегать дублирования, налаживать связи, а следовательно -

повышать эффективность этой государственно-управленческой деятельности.

Выводы по данному исследованию. Проведенный анализ различных научных подходов, сложившихся на сегодня в современной литературе, позволяет сделать вывод, что основой классификации форм финансового контроля является время проведения государственного финансового контроля. Из этого следует, что формы финансового контроля можно разделить на предварительный, текущий и последующий. Также, мы можем говорить о соотношении финансового контроля и лицензирования по принципу пересекающихся кругов. Использование всей совокупности форм и методов этих видов государственно-управленческой деятельности в их тесном взаимодействии позволяет предотвратить потерю контроля за ходом хозяйственных процессов и образованию неконтролируемых сегментов в финансовой сфере, а также предупредить параллелизм и дублирование при принятии уполномоченными органами государственной власти необходимые меры. Это будет способствовать повышению эффективности финансового контроля и лицензирования, качества соответствующих государственно-управленческих решений.

Список литературы

1. Закон ДНР № 18-ИНС от 27.02.2015 «О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-litsenzirovanii/>
2. Дрозд И. К. Государственный финансовый контроль: учеб. пособие. // И. К. Дрозд, В. А. Шевчук. - М.: ООО "Имекс-ЛТД", 2007. - 304 с.
3. Жук Л. А. Хозяйственное право: учеб. пособие. // Л. А. Жук. - М.: Кондор, 2003. - 400 с.
4. Ковалев В.В. Финансы: учебник // В.В Ковалев. - М.: 2007. — 640 с.
5. Контроль и ревизия: учебник // Ф. Ф. Ефимова, В. П. Бондарь, Н. Г. Выговская, Н. И. Петренко; под ред. проф. Ф. Ф. Бутынця. - 4-е изд., - Житомир ЧП Рута, 2006. - 560 с.
6. Ловинская Л. Г. Организация бухгалтерского учета и финансового контроля в современных условиях хозяйствования в Украине: монография // Л. Г. Ловинская, И. Б. Стефанюк. - М.: НИФИ, 2006. - 240 с.
7. Монаенко А. А. Правовые основы государственного финансового контроля: учеб. пособие. // А. Монаенко. - Запорожье: КПУ, 2008. - 152 с.
8. Осовская Г. В. Экономический словарь // Г. В. Осовская, А. А. Юшкевич, И. С. Завадский. - М.: Кондор, 2007. - 358 с.
9. Усач Б. Ф. Контроль и ревизия: учебник // Б. Ф. Усач. - 6-е изд., Стер. - М.: Знание-Пресс, 2005. - 253 с.
10. Шорина Е. В. Контроль за деятельностью органов государственного управления в СССР // Е. В. Шорина. - М.: Наука, 1981. - 301 с.

УДК 343.619

М. Г. Гапотченко, магистрант, Донбасская юридическая академия
(г. Донецк)

(e-mail: gapotchenko.maxim2010@yandex.ru)

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАСТУПЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СКЛОНЕНИЕ, СОДЕЙСТВИЕ И
ОРГАНИЗАЦИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАПРАВЛЕННОЙ НА
ПОБУЖДЕНИЕ К САМОУБИЙСТВУ**

В статье исследуются актуальные вопросы применения и развития уголовного законодательства с учетом реалий современности. Автором проводится комплексное исследование вопросов уголовной ответственности за склонение, содействие и организацию деятельности направленной на побуждение к самоубийству. В работе осуществлен сравнительно-правовой анализ действующего уголовного законодательства Донецкой Народной Республики, Российской Федерации и Украины в контексте предмета исследования. Автором вносятся и обосновываются конкретные предложения по усовершенствованию правового регулирования указанных вопросов.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная ответственность, несовершеннолетнее лицо, самоубийство, «группы смерти».

Gapotchenko M. G.

**CURRENT ISSUES OF THE CRIMINAL RESPONSIBILITY OF
THE CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE DEVELOPMENT,
ASSISTANCE AND ORGANIZATION OF ACTIVITY AIMED AT
SUCCESSION TO SUICIDE**

The article explores current issues of the application and development of criminal law, taking into account the realities of modernity. The author conducts a comprehensive study on the issue of criminal liability for inducing, promoting and organizing activities aimed at encouraging suicide. The work carried out a comparative legal analysis of the current criminal legislation of the Donetsk People's Republic, the Russian Federation and Ukraine in the context of the subject matter. The author makes specific and substantiates proposals for improving the legal regulation of this problem.

Key words: criminal law, criminal liability, underage person, suicide, «death groups».

Актуальность темы исследования. Особую общественную опасность в настоящее время приобретает воздействие на психику несовершеннолетних подростков посредством, так называемых, социальных сетей. Об этом свидетельствует появление в Интернет-сетях «Одноклассники», «Facebook», «Instagram», которыми пользуются сотни тысяч подписчиков, в том числе проживающих на территории Донецкой Народной Республики (далее ДНР) таких групп, как «Синий кит», «Группы смерти», «F57», «4:20», «Тихий дом», «Игра смерти» (далее – «Группы

смерти»). Их действие направлено на склонение подростков к суицидам под различными благовидными для них предложениями.

Указанные «Группы смерти» подверглись широкой социальной огласке, начиная с 2016 года, когда статистика по количеству совершенных самоубийств подростками перевернула свою тенденцию в сторону роста.

Исходя из статистических данных, представленных Министерством внутренних дел Российской Федерации, в 2015 году было зарегистрировано 685 случаев подростковых суицидов, в 2016 – 720, а в 2017 – 761 случай [1].

На территории ДНР с 2015 по 2017 год полицией было зафиксировано 18 попыток самоубийства среди подростков в возрасте от 10 до 16 лет [2].

В связи с этим, вопрос о введении уголовной ответственности за склонение к совершению самоубийства является актуальным, как для теоретического обсуждения, так и для практического правоприменения.

Анализ научных исследований. В связи с актуализацией темы исследования в последнее время в научной литературе появился ряд работ, посвященных теме ответственности за доведение до самоубийства различными способами. В частности, некоторые уголовно-правовые, криминологические и процессуальные аспекты решения обозначенной проблемы рассматривались А. В. Валяевой, А. А. Куликовой, А. А. Полиди, Е. А. Колидько, Н. А. Селезневой, Ю. В. Сараевой, Н. В. Щетининой и другими учеными.

Цель статьи. Основной целью научной статьи является проведение комплексного исследования по вопросу введения уголовной ответственности за склонение, содействие и организацию деятельности, направленной на побуждение к самоубийству, а также разработка конкретных предложений по усовершенствованию правового регулирования указанной проблемы.

Изложение основного материала. Такое общественно-опасное деяние как доведение до самоубийства имеет интересную историю становления, развития и правового закрепления в уголовном кодексе.

Первые запреты, связанные с совершением самоубийства, начали возникать еще в доклассовом обществе. Если у одних народов самоубийство не являлось преступлением или каким-либо аморальным поступком, то у других, наоборот, попытки суицидов преследовались жесткими видами наказаний, а в третьих – вовсе самоубийства могли совершаться в рамках совершения религиозных обрядов и культов. К примеру, во многих племенах некоторых восточных стран Африки (Уганда, Кения) самоубийство являлось недопустимым, и человек, его совершивший, заслуживал наказания (если суицид совершался путем повешения на дереве, то дом, в котором проживал самоубийца, придавался очистительному огню, а родственникам покойного запрещалось подходить к трупу) [3].

Позднее, во времена правления Николая I, в России было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (далее – Уложение), которое в то время являлось основным источником уголовного

права. В данном документе фактически заложена основа законодательного урегулирования уголовной ответственности за доведение лица до самоубийства. Так, в Главе 2 раздела 10 Уложения были закреплены вопросы, предусматривающие наказание, как за само совершение самоубийства, так и за доведение лица до него (однако имелось исключение, которое закреплялось в ст. 1045, а именно – самоубийство не являлось преступлением, если оно совершено по «великодушному патриотизму») [4].

Согласно со ст. 1943 Уложения лицо, совершившее самоубийство признавалось виновным и лишалось определенных прав, а если еще и являлось христианином, то ему отказывали в погребении. Впервые правовое закрепление получила норма, предусматривающая уголовную ответственность за склонение, доставление средств и иное пособничество с обдуманном намерением в убийстве человеком самого себя.

Проведенный анализ уголовного законодательства России дореволюционного периода позволяет сделать вывод о том, что уголовно-правовое регулирование доведения лица до самоубийства было развито, как с точки зрения разграничения составов преступлений (подстрекательство, пособничество в отношении несовершеннолетних и лиц, находящихся в беспомощном состоянии), так и в отношении института наказания за их совершение.

Во времена существования Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) было принято три уголовных закона в различных редакциях. Так, согласно ст. 148 УК РСФСР 1922 года предусматривалась уголовная ответственность за содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значение им совершаемого или руководить своими поступками.

УК РСФСР 1926 года был дополнен ст. 141, согласно которой имело место доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, жестоким обращением последнего или иным подобным путем до самоубийства.

Норма статьи 107 Уголовного кодекса РСФСР, который был принят в 1960 году, предусматривала уголовную ответственность только за доведение лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, до самоубийства или покушения на него путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства [5, с. 130].

Действующий Уголовный кодекс ДНР (далее – УК ДНР), утвержденный Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014 г. в ст. 111 закрепляет уголовную ответственность за такое общественно-опасное деяние, как доведение до самоубийства [6].

Рассмотрим данный состав преступления более подробно.

Объектом состава преступления, предусмотренного ст. 111 УК ДНР являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни человека. Потерпевшим от преступления может быть любой человек.

Объективная сторона преступления выражается преимущественно в активных действиях по доведению лица до самоубийства, или до покушения на самоубийство. Состав рассматриваемого преступления материальный, то есть считается оконченным лишь в случае, когда в результате действий виновного последовало самоубийство или покушение на него.

Характерной особенностью объективной стороны рассматриваемого состава преступления является законодательное закрепление исчерпывающий перечень способов его совершения. К ним относятся:

- а) угрозы;
- б) жестокое обращение с потерпевшим;
- в) систематическое унижение его человеческого достоинства.

По нашему мнению, закрепление исчерпывающего перечня способов совершения данного преступления является нецелесообразным, поскольку доведения до самоубийства иными способами, не предусмотренными ст. 111 УК ДНР, не будет являться преступлением.

Обязательным признаком рассматриваемого состава преступления является наличие причинно-следственной связи между совершенным самоубийством или покушением на него, и противоправными действиями виновного. Если потерпевший покончил жизнь самоубийством или покушался на него по иным причинам, уголовная ответственность исключается.

Вопрос о субъективной стороне преступления, предусмотренного ст. 111 УК ДНР, вызывает споры среди ученых.

Так как в диспозиции ст. 111 УК ДНР указание на форму вины отсутствует, то это позволяет сделать вывод о том, что вина в данном случае может быть как умышленной, так и неосторожной. Умысел при этом может быть прямой или косвенный.

Комментируя ст. 110 УК РФ, С. В. Бородин утверждает, что: «Если лицо с прямым умыслом доводит потерпевшего до самоубийства, то такие действия следует рассматривать как убийство. Они фактически ничем, кроме способа лишения жизни, не отличаются от нанесения смертельного ранения, отравления и т. п.» [7, с. 73].

Мы придерживаемся иной точки зрения, поскольку необходимо учитывать, что при доведении до самоубийства потерпевший сам лишает себя жизни, причинение смерти здесь является результатом именно его волеизъявления.

Субъектом данного преступления может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Следует отметить, что в мире все развивается и не стоит на месте. Способы совершения того или иного преступления не являются исключением, в том числе и такого преступления, как доведение до

самоубийства. В современных реалиях доведение до самоубийства осуществляется способами, которые не содержатся, как в диспозиции ст. 111 УК ДНР, так и в других статьях Уголовного кодекса.

По нашему мнению зачастую, отдельные граждане, в том числе подростки, лишают себя жизни не по собственным убеждениям, а в силу психологического воздействия на них третьих лиц. В «Группах смерти» такими третьими лицами являются, как правило, их администраторы, которые своими активными инструкциями целенаправленно и поэтапно, путем выполнения определенных заданий, склоняют подростков к совершению самоубийства.

Данная проблема с каждым годом начинает приобретать все большие масштабы, количество совершенных самоубийств с помощью психологического воздействия через Интернет-ресурсы с каждым годом увеличивается. Обозначенная проблема не могла не привлечь внимание общественности, правоохранительных органов и государства в целом.

Так, данный вопрос был вынесен на рассмотрение расширенного заседания Комитета Народного Совета ДНР по уголовному и административному законодательству, которое состоялось 18.07.2017 г. в Донецке, где обсуждалась деятельность Интернет-групп, склоняющих подростков к самоубийству.

На данном заседании была представлена презентация врача-психиатра Донецкого национального медицинского университета В. Абрамова. Он отметил, что таких «групп смерти» в Интернет-сообществе намного больше, чем они сейчас известны. Главная их опасность состоит в том, что в качестве выигрыша они представляют самоубийство подростка. Когда подросток отказывается совершать суицид, то «кураторы» групп начинают психологически и морально воздействовать на ребенка, внушая ему, что обратной дороги нет. При этом врач-психиатр подчеркнул, что руководителями таких сообществ являются люди, которые, как правило, не смогли реализоваться сами, и таким образом хотят утвердить свою власть над другими. Известны случаи такого воздействия на подростков в Донецке, Макеевке, Енакиеве и Дебальцево [2].

Тем не менее, вопрос о наступлении уголовной ответственности за склонение, содействие и организацию деятельности направленную на побуждение к самоубийству так и не был разрешен.

Мы считаем, что диспозиции ст. 111 УК ДНР, явно недостаточно, поскольку склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, а также организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства не подпадают, как под признаки состава преступления данной статьи, так и под другие статьи Уголовного кодекса.

В связи с этим, нам представляется необходимым разработка и внесение в главу 16 УК ДНР «Преступления против жизни и здоровья», новых статей, а именно:

1) ст. 111.1. «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и изложить в следующей редакции:

«ч. 1. Склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства, – ... ;

ч. 2. Содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства, – ... »;

2) ст. 111. 2. «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» и изложить в следующей редакции:

«ч. 1. Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства, – ... »;

«ч. 2. То же деяние, сопряженное с публичным выступлением, либо использование при этом фото, видео, иных наглядных материалов, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет"), – ... ».

Данные составы преступления необходимо чётко ограничивать один от другого по конструкции объективной стороны, деянию и способам совершения.

Характерными особенностями предложенной ст. 111.1 УК ДНР «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», по нашему мнению, могут стать:

1) объективная сторона:

а) склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства;

б) содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства;

2) конкретно установленное количество потерпевших.

Если рассматривать предложенную ст. 111.2 УК ДНР «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства», то её характерными особенностями могут стать:

1) объективная сторона: организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства;

2) количество потерпевших точно установить не представляется возможным, то есть речь идет о множественности потерпевших, их массовости [8, с. 48].

Вопросы о квалифицирующих признаках предлагаемых нами составов преступления, а также о видах и размере наказания за их совершение требуют дальнейшего изучения и детального законодательного урегулирования.

Считаем, что изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Вопросы наступления уголовной ответственности за склонение, содействие и организацию деятельности, направленной на побуждение к самоубийству, в последнее время приобретают все большую актуальность, как среди ученых, так и среди практических работников правоохранительных органов.

2. С учетом реалий современности Народному Совету ДНР необходимо ввести в УК ДНР новые составы преступлений, а именно:

а) ст. 111.1. «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства»;

б) ст. 111. 2. «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства»,

и предусмотреть уголовную ответственность за их совершение.

3. Считаем, что предлагаемые нововведения в УК ДНР будут способствовать:

- воплощению в жизнь принципа неотвратимости наказания;
- правовому урегулированию указанного пробела в уголовном законодательстве;
- защите конституционных прав и свобод граждан, проживающих на территории ДНР.

Список литературы

1. Иван Петров. МВД: Около процента детских суицидов совершаются по вине «групп смерти» [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Российской газеты». – 2017. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/03/30/mvd-okolo-procenta-detskih-suicidov-sovershaiutsia-po-vine-grupp-smerti.html> – Дата обращения: 22.10.2018 г.

2. В Донецке обсудили деятельность «групп смерти» [Электронный ресурс] // Все о Донецке – официальный справочник Республики. – 2017. – Режим доступа: <https://vsednr.ru/v-donecke-obsudili-deyatelnost-grup/> – Дата обращения: 22.10.2018 г.

3. Ильин Н. Н. Доведение лица до самоубийства: история и современность [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Отрасли права». – 2017. – Режим доступа: <http://xn----7sbaj7auwnffhk.xn--plai/article/23676> – Дата обращения: 13.11.2018 г.

4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: В Тип. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии. – 1845. – 592 с.

5. Носик Н. А. Уголовно-правовые меры по борьбе с преступностью в послевоенном СССР // Научный журнал «Общество и право». – 2009. – №3 (25). – С. 129-133. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno->

pravovye-meru-po-borbe-s-prestupnostyu-v-poslevoennom-sssr – Дата обращения: 13.11.2018 г.

6. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс] : Утвержден Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19 августа 2014 г. / Официальный сайт Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <https://dnr-online.ru/ugolovnyj-kodeks-dnr/> – Дата обращения: 22.10.2018 г.

7. Антонян А. Ю., Бородин С. В. Преступное поведение и психические аномалии. – М. – 1998. – 183 с.

8. Геворкян А. М. Множественность преступлений в условиях совершенствования уголовного законодательства // Научный журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России». – 2015. – №3 (67). – С. 46-50. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnozhestvennost-prestupleniy-v-usloviyah-sovershenstvovaniya-ugolovnogo-zakonodatelstva> – Дата обращения: 22.10.2018 г.

УДК 343.34

Е. С. Козачёк, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail:kozachok0303@gmail.com)

СОУЧАСТИЕ В ТЕРРОРИЗМЕ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данная статья посвящена исследованию соучастия в террористической деятельности. Акцент поставлен не только на уголовно-правовую характеристику данного преступления, совершенного в соучастии, а и на психологическую характеристику личности террориста, а также мотивы совершения таких преступлений.

Ключевые слова: *террористическая деятельность, личность террориста, соучастие в терроризме, типы личности террористов, психология терроризма.*

Kozachok Y.

COMPLICITY IN TERRORISM: THE CRIMINAL LEGAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECT

This article is devoted to the study of complicity in terrorist activities. Emphasis has been placed not only on the criminal law characterization of this crime committed in complicity, but also on the psychological characterization of the personality of the terrorist, as well as the motives for the commission of such crimes.

Key words: *terrorist activities, terrorist personality, complicity in terrorism, personality types of terrorists, psychology of terrorism.*

Актуальность темы исследования. Терроризм признается одной из основных угроз национальной безопасности. Террористическую

деятельность следует рассматривать как одну из глобальных проблем современности. Она является самым опасным явлением. Это явление вызывает массовые человеческие жертвы, разрушает материальные, духовные, культурные ценности. Важнейшими задачами в области борьбы с преступностью выступают: выявление, устранение и предупреждение причин и условий, порождающих преступность; укрепление системы правоохранительных органов, прежде всего структур, противодействующих организованной преступности и терроризму; создание условий для их эффективной деятельности, усиление роли государства как гаранта безопасности личности и общества, создание необходимой для этого правовой базы и механизма ее применения. Для эффективной борьбы с террористическими преступлениями необходим действенный набор уголовно-правовых средств. Общеизвестным фактом является то, что большинство террористических преступлений совершаются в соучастии. Этот факт подтверждается рядом последних событий, которые происходили по всему миру. Проблема понимания сущности терроризма может быть рассмотрена через призму психологических особенностей личности террориста.

Анализ научных исследований. Анализ уголовно-правовой доктрины показывает, что степень изученности института соучастия и террористической деятельности довольно высока. Широкую известность получили исследования М.И. Бажанова, И. М. Борисова, М. П. Берестового, А. Ф. Зелинского, Н. С. Карпов, Г. А. Кригера, Г. С. Орловского, А. В. Савченко, В.П. Алёхина. Однако психологический аспект особенностей соучастия в терроризме раскрыт недостаточно.

Цель статьи. Цель статьи заключается в исследовании актуальных вопросов уголовно-правового и психологического аспектов терроризма, совершенного в соучастии.

Изложение основного материала. На современном этапе развития цивилизации терроризм выступает одной из самых актуальных проблем человечества, в процессе глобализации мира приобретает широкомасштабного резонанс. Это явление побуждает цивилизованные страны к созданию и улучшению системы общей безопасности человечества. Дискуссии по поводу развернутого, всеобъемлющего определения терроризма в научном мире идут еще с 70-х гг. XX века. Сегодня в научной литературе существует около 200 определений, ни одно из которых не претендует на универсальность. Такое положение вещей обусловлено как сложностью самой природы терроризма, так и факторами субъективного характера на внутригосударственном и международном уровнях. Важным для понимания проблемы терроризма исследования социально-психологического портрета террориста.

Не требует доказательства тот факт, что ни одно действие, а тем более преступление, не происходит само по себе. Ведь лицо, совершающее преступление, преследует определенную цель, имеет мотивацию, совершая

преступление умышленно или нет. Следовательно, неважно кто это будет: шахид-смертник с бомбой в сумке, боевик с автоматом или кто-нибудь другой, но это будет террорист. Человек, который противопоставляет себя обществу, государству, сеет смерть десяткам, сотням ни в чем не повинных людей и, как показали события в начале сентября 2004 года в городе Беслан, даже детям.

Террорист или лицо, совершившее уголовно-наказуемое деяние - субъект преступления - один из основных компонентов состава преступления. Только с разгулом терроризма в Западной Европе в 1970-х годах психологи всерьез занялись описанием портрета террориста и стали отрабатывать методики помощи жертвам терактов. Из психологии терроризма написаны тома трудов, но с максимальной точностью описать психологический, а тем более физический портрет, террориста психологи не могут. Большинство психиатров не считают людей, которые готовы совершить теракт, психически ненормальными, соответственно и описать их психологический или физический портрет крайне трудно.

Исходя из того, что террористические акции готовятся и осуществляются организацией субъектов терроризма, можно классифицировать их участников согласно иерархической структуры самой организации. Высший уровень - руководители и духовные лидеры организации, осуществляющие контроль, финансирования и организации теракта, руководство всей организацией, но при этом часто их местонахождение неизвестно для самих исполнителей. В ряде случаев руководство террористами осуществлялось лицами, находившихся на руководящих государственных постах. Средний (второй) уровень - полевые командиры, командиры батальонов и бригад, осуществляют организационно-контрольные и посреднические функции, это могут быть как местные граждане, так и иностранцы, сами редко участвуют в проведении терактов. Нижний уровень - исполнители, широкая и разнообразная категория, вмещает как часть представителей местного населения, так и иностранных наемников.

«Наряду с такими разновидностями терроризма, как информационный, экономический, социальный (бытовой), политический, идейный, религиозный, в последнее время все чаще на первый план выходит такая его разновидность, как суицидальный терроризм (использование террористов-смертников).

В террористических организациях террористы-смертники относятся к категории так называемого «оружия священного возмездия». Общеизвестно, что смертникам чаще всего свойственны религиозный фанатизм и национальный экстремизм. Сегодня можно выделить три типа исполнителей суицидального террористического акта.

Первые – лица, очень хорошо понимающие, на что они идут, сохраняющие контроль за своим поведением до последней минуты. Ядро таких исполнителей составляют глубоко верующие мужчины среднего

возраста, совершившие религиозные или бытовые преступления и осужденные шариатскими судами к смертной казни. Совершение суицидального террористического акта постулируется шариатскими судьями как наиболее приемлемый для истинного мусульманина способ искупить свою вину. Для лица, осужденного шариатским судом, совершение суицидального теракта – часто единственный способ сохранить уважение к своей семье, а значит, статус и благополучие для своих детей. Смертный приговор шариатского суда не приводится в исполнение до тех пор, пока представители террористических организаций не определят, подходит ли им данный человек.

Вторые – молодые люди, прошедшие специальную подготовку в «джамаатах». Обычно это сироты из малообеспеченных семей, не имеющие влиятельных родственников и мало приспособленные к самостоятельной жизни. В «джамаатах» они получают заботу, которой были лишены, и постоянную идеологическую обработку, в ходе которой разъясняется, в чем источник счастья (в истинной вере), кто настоящие друзья (наставники из «джамаата»), кто истинный враг, повинный во всех бедах (неверные и более конкретно – будущий объект теракта), а также что нужно сделать, чтобы достичь полного счастья и отвратить беду от ближних (совершить теракт). Технологии обработки, используемые в «джамаатах», обычно требуют от трех до шести месяцев подготовки. Как показывает практика, обе эти категории исполнителей имеют свои специфические особенности поведения, привлекающие внимание в местах, где религиозный фанатизм не приветствуется.

Третьи – молодые девушки («невесты аллаха»), а также женщины средних лет («черные вдовы»). По мнению организаторов, планирующих террористические акты, такие женщины внушают меньше всего подозрений и имеют больше шансов приблизиться к объекту теракта.

Исходя из индивидуальных особенностей будущей «шахидки» при ее психологической обработке акцент делается либо на идеологическую обработку, либо на использование психотропных препаратов. Будущих «черных вдов» отбирают среди тех, кто потерял близких и не имеет мощной тейповой поддержки. Вербовщики из ваххабитских общин пытаются оторвать женщин от семьи и максимально подчинить ваххабитской общине.

Известны случаи внедрения террористов-смертников в охранные структуры, в среду аккредитованных журналистов. Вербуются (в последнее время все чаще) для совершения терактов и инвалиды. Организаторы террористических акций полагают (и небезосновательно), что явно выраженные физические недостатки заставляют относиться к подобному человеку с сочувствием, а не опаской, что значительно облегчает проникновение к местам совершения преступлений» [1, с.141-142].

Известный психолог и психотерапевт В.Леви выделил двенадцать основных типов личностей, которые имеют склонность к совершению террористических актов. Первый тип – фанатик идеи, миссионер. Как считает

В. Леви, представителей этого типа было много среди революционеров конца XIX – начала XX века. Вторым типом является мститель, ведущий мотив которого основан на личной вражде и мести за себя, близких или друзей. Как правило, идейные фанатики могут мстить за потери и страдания своей этнической группы. Очень часто в этой группе оказываются женщины и подростки. Следующий тип личности называется сценарист-режиссер. Данный типаж очень похож на фанатика, но более уравновешен, хладнокровен и занят стратегическим планированием террористической деятельности, которая проявляется в отдельных терактах. Подобный типаж является лидером, который предпочитает оставаться в тени. Четвертым типом является нарцисс. Этот типаж базируется на самоупоении и самолюбовании. Это способный и сверхсамоуверенный боевой лидер. Следующий тип – противоположный предыдущему – это человек, полностью лишенный лидерского начала, с низкой самооценкой, неудачливый и всё время чего-то боящийся. Такой типаж свой собственный страх преодолевает через принадлежность к агрессивно действующей группе, через устрашение других. Следующим типом является садист, страсть к убийству у которого преобладает над всем. Способом эмоционального удовлетворения у такого типа является террор. Следующий тип – мазохист-камикадзе – основан на самопожертвовании ради высокой цели. Но эта мотивировка является - лишь прикрытием, удобное оправдание реализации стремления к смерти. Восьмым типом является актер, стремление которого произвести публичный эффект любыми средствами и любой ценой является доминирующим. Девятым является игрок, авантюрист, для которого страсть к риску и экстремальным ситуациям сродни наркотической страсти. Десятый тип – технарь, главное внимание которого сосредоточено на средствах, а не цели теракта. Для этого человека техническая сторона самого процесса важнее, чем то, ради чего все задумано. Тип идеального исполнителя – зомби – стоит на одиннадцатом месте. Данный тип личности сочетает несочетаемое: беспрекословное подчинение начальству, большую внушаемость и высокую работоспособность, бесстрашность, сообразительность проявляет в деле, а в жизни демонстрирует безличность, неприспособленность, заниженную самооценку. Последний тип личности – отморозок, зверь, для которого корысть стоит на первом месте. Работа на хозяина стимулируется только ожидаемым вознаграждением [2].

Профессор И. Лебедев считает, что террористами являются преступники, которые совершают общеуголовные преступления способом терроризма [3, с. 97]. Мотивы преступного поведения этот ученый связывает с мировоззрением личности террориста, интересами, социальными ориентациями, умениями, навыками, привычками. При этом он указывает на стереотипы поведения, установки и тому подобное. По мнению И. Лебедева, все это непосредственно касается мотивации преступного поведения и личности террориста. Профессор Ю. Антонян отмечает, что мотивация терроризма имеет сложный, многоуровневый, неоднозначный характер; сами

мотивы необходимо различать в зависимости от личности и видовой принадлежности конкретного террористического акта [4, с. 251].

Профессор В. Пирожков отмечает: «Террорист в момент совершения террористического акта выдается себе мужественным, благородным, жестоким, бескомпромиссным борцом за «справедливость». Так, «политическому террористу» кажется, что во имя достижения справедливости, в его понимании, могут и должны приноситься в жертву жизни других людей. «Экономический» террорист убежден, что действия его конкурента несправедливые и требуют «крайних мер». «Психологическому террористу» кажется, что общество не позволило реализовать заложенные в нем возможности и он может «уйти в небытие» неизвестным, а осуществляя террористический акт, он не только реализует возможности власти над людьми, но и прославится на века своим мужественным поступком» [5, с. 33].

Ни для кого не секрет, что совершать преступление общими усилиями гораздо легче, и террористическая деятельность – тому явное подтверждение. Совершение террористического акта в соучастии даёт возможность помогать друг другу, рассчитывать на поддержку соучастников, действовать сообща для достижения единой цели. Осуществляя террористические деяния самостоятельно, субъект преступления часто сомневается и не чувствует уверенности доведения преступления до конца, а иногда и вовсе отказывается от совершения преступления. В соучастии же – каждый выполняет свою роль и чувствует возложенную на него миссию. Судебная практика показывает, что подавляющее большинство террористических актов совершается группами лиц, что значительно увеличивает общественную опасность и облегчает совершение таких преступлений (захват детей в школе г.Беслан, захват заложников в театральном центре «Норд-Ост» в г.Москва, уничтожение с помощью самолетов Торгового центра в США). Стоит учесть, что совершение террористической деятельности в соучастии облегчает не только достижение преступных результатов, но и сокрытие следов преступления.

Особенностью современного «терроризма» стало привлечение в террористическую деятельность женщин и детей. Причем в террористических организациях (преступных организациях) происходит их подготовка и «зомбирование» для совершения данных преступлений.

Изучая женщину-террористку как тип, необходимо отметить наибольшее их вовлечение, прежде всего, в политический терроризм. Видимо, у женщин это связано с гораздо большей (по сравнению с мужчинами) склонностью к эмоциональному, а не рациональному восприятию действительности, с ее большей впечатлительностью и подверженностью фанатизму, потребностью в идеале, за который можно было бы бороться до конца. Подобные чувства и запросы как раз и может удовлетворить участие в политической борьбе, в жертву которой приносится все, что, как традиционно принято считать, дорого женщинам (дом, семья,

дети). Психологически при этом оформляется особая категория женщин. Одновременно с этим существует (особенно это характерно для периодов социальных переворотов) неожиданная в рассматриваемом контексте категория женщин, подчеркнута не связанных с семьей и не отягощенных узами обычаев и морали. Из числа таких женщин, которых отлично используют расчетливые мужчины, чаще всего рождаются преданные революционной идеологии террористки или сектантки, которые опаснее мужчин, потому что, презрев функции женщины, получают взамен лишь цель убивать [1, с.144].

Ссылаясь на вышесказанное, возникает вопрос, соблюдается ли принцип равенства граждан перед законом, предусмотренный ст.4 УК ДНР, который гласит: «Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств», если согласно ч.2 ст. 56 УК ДНР и ч.3 ст.58 УК ДНР – пожизненное лишение свободы и смертная казнь как виды уголовных наказаний к женщинам не применяется.

Учеными-исследователями в области психологии терроризма выделены следующие отличительные особенности террористических групп: во-первых, это смутное определение роли, которую выполняют члены организации. Кто они? Проблема определения функций всегда актуальны и щепетильны для террористов. С одной стороны, они могут относить себя к «борцам за свободу» или «священным мстителям». С другой стороны, они вполне понимают антиправовой и даже преступный характер своих замыслов и поступков. Определение ролей как «боевиков» и даже «террористов», «работников террора», по мнению Б. Савинкова, характерное для Боевой организации эсеров, служит скорее отступлением от правил [6]. Во-вторых, условная сплоченность такой общности. В итоге террористическая деятельность – преходящее занятие, так как террористическая организация формируется для реализации одной, реже – нескольких акций. Она не может существовать долгосрочно, и рискованность террористической деятельности еще более укорачивает сроки ее существования. Все перечисленные факторы не способствуют сплоченности членов организации, несмотря на заверения самих членов террористических групп в преданности своим соратникам. В-третьих, изменчивость структуры. Структура организации, реализующей свои замыслы в экстремальных условиях, так или иначе подвержена изменениям. В-четвертых, с изменчивостью состава связано непостоянство членов группы. Это делает невозможным появление устойчивых внутренних взаимоотношений между членами организации. Хотя в такой организации всегда есть стабильная структура должностных обязанностей. В-пятых, всеми этими факторами обусловлена ограниченность планов в отношении состава организации. «Кадровый резерв» каждой террористической

группировки предельно узок, и члены организации учитывают это. В-шестых, небольшое соответствие норм поведения внутри организации. Объединяющими факторами членов террористической группировки чаще всего выступают достаточно жесткая согласованность должностных обязанностей (разделение функций во время подготовки и реализации террористического акта) и присутствие некоторой общей мотивации, являющейся смыслообразующей в террористической деятельности. Моральные нормы, правила коммуникации, собственного поведения и т. д. согласованы на самом низком уровне. В-седьмых, относительно хаотичное управление. В такой организации, как правило, нет авторитарного руководителя или тем более официально назначенного лидера. Такие предводители, как Б. Савинков, в качестве лидеров террористических организаций встречаются нечасто. Обычно лидерами становятся средние, ничем непримечательные члены группы, которые не могут осуществлять систематического тотального контроля [7, с.66-67].

Анализируя особенности террористических организаций, которые реализовали поставленные цели, Л. Гозман пишет: «Эти группы замкнуты, и вхождение в них означает признание права других людей на тотальный контроль за своей жизнью, в том числе за личной, включая интимные отношения. Для обычного человека такой тотальный контроль был бы жертвой, на которую не-возможно пойти, но для аутсайдера, для человека, который нигде не чувствовал себя своим, которого никто нигде никогда не принимал, все это оказывается скорее плюсом, чем минусом. Участие в террористических группах позволяет компенсировать многие их неудачи. У них появляется смысл жизни. Цель – освобождение Родины или торжество своей религии или идеологии. К ним приковано внимание всего мира, у них уже не возникает сомнений в собственной значимости. Скука и рутинность повседневности заменяется балансированием на грани жизни и смерти. Появляется чувство избранности, причастности к судьбе» [8].

Ольшанский Д.В. выделяет еще одну особенность функционирования террористических организаций – культ погибших соратников, выражающийся в том, что каждый член группы почитает своих сложивших головы за правое дело товарищей. У членов группы возникает ощущение цельности общности. Но это характерно не для всех террористических групп. И все-таки в итоге у членов организации на самом деле возникает ощущение общности, и каждый член этой общности знает, что если он погибнет, то к его имени будет такое же почтительное отношение. Однако такие культы существуют далеко не во всех террористических организациях, некоторые просто не могут себе позволить никаких культов [9].

Выводы. Таким образом, исследование соучастия в терроризме является актуальным и необходимым в связи с ростом числа террористических атак, разрушающих безопасность населения, его правовую защиту, а также наносящих ущерб государственным интересам и стабильности мирового сообщества. Комплексный подход к феномену

терроризма находится на стадии формирования. Несмотря на чрезвычайную актуальность и практическую необходимость, основные аспекты психологии терроризма являются недостаточно изученными. Сегодня каждая страна мира подвержена угрозе совершения террористического акта, влекущего за собой гибель мирного населения. В результате такой опасности меняется массовое сознание людей, возникает состояние тревоги и беспокойства, что, несомненно, негативно сказывается на психологическом здоровье граждан. В связи с этим противодействие терроризму является основной задачей обеспечения международной и национальной безопасности.

Список литературы

1. Юридическая психология: учебник / отв.ред. Н.А. Давыдов, И.И. Аминов. – Москва: Проспект, 2015. – 304 с.
2. Леви, М. Конкретная психология. М.: Тоборобан, 2009. – 352с.
3. Лебедев И.В. Характеристика личности осужденного за терроризм / И.В. Лебедев // Человек: преступление и наказание. – 2005. – № 3 (51). – С. 97
4. Антонян Ю.М. Терроризм: Криминологическое и уголовно-правовое исследование / Юрий Миранович Антонян. – М.: Щит-М, 1998. – С. 251.
5. Психологи о терроризме («круглый стол») // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 4. – С. 33–37.
6. Савинков Б. Воспоминания террориста // Избранное. М.: Московский рабочий, 1990. С. 235.
7. Белашева И. В., Ершова Д. А., Есаян М. Л. Психология терроризма: учебное пособие. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. – 120 с.
8. Гозман Л. Я., Шестопап Е. Б. Политическая психология. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996.
9. Ольшанский Д.В. Психология терроризма / Дмитрий Вадимович Ольшанский. – СПб.: Питер, 2002. – 288 с.

УДК 343.13

В.В. Левин, заведующий кафедрой уголовного права и криминалистики, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)
(e-mail: vlad.levin2016@yandex.ru)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются и анализируются с различных сторон проблемы, возникающие при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: *предварительное расследование; преступления в сфере экономической деятельности; доследственная проверка; следственные действия.*

Levin V.

ACTUAL QUESTIONS OF THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY

The article examines and analyzes from various aspects the problems arising in the investigation of crimes in the sphere of economic activity.

Keywords: *preliminary investigation; crimes in the field of economic activity; pre-investigation check; investigative actions.*

Становление демократических основ, происходящее в молодой Донецкой республике (далее - ДНР), принятие нового Уголовно-процессуального кодекса, Закона ДНР «Об оперативно-розыскной деятельности», которые регламентируют деятельность всех участников уголовного процесса, гарантирующую соблюдение прав и законных интересов каждого гражданина, вызывают необходимость совершенствования уголовно - процессуального законодательства относительно совершенствования деятельности правоохранительных органов и суда при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности.

Актуальность темы обусловлена потребностью усовершенствования законодательства о процессуальном статусе органов дознания и предварительного следствия при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности, правового регулирования отдельных вопросов, способствующих его реализации.

Целью работы является определение отдельных дискуссионных вопросов уголовно-процессуального законодательства, касающихся правовой регламентации деятельности следователя при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности.

Изложение основного материала. Преступления в сфере экономической деятельности являются одними из самых сложных в уголовном законодательстве ДНР как с точки зрения формулировки норм материального права, так и с точки зрения доказывания факта совершения преступления, особенностей, сложностей расследования в целом. Необходимо отметить, что преступные схемы совершения экономических преступлений постоянно видоизменяются, совершенствуются. Для их совершения преступники используют особенности экономической, правовой, социальной системы, которые существуют в конкретный момент времени и также постоянно изменяются. Поэтому, в целях повышения эффективности их расследования считаю важным понимать общие вопросы, характеризующие особенности расследования преступлений в сфере экономической деятельности. Это поможет понять не только механизм совершения конкретного преступления, но и выявить сопутствующие преступления. Например, различные виды мошенничеств, коррупционные преступления, легализацию доходов, полученных преступным путем и др.

К особенностям процесса расследования экономических преступлений можно отнести:

Сложности в отграничении сферы действия гражданского и уголовного законодательства. В некоторых случаях в связи с пограничностью гражданско-правовых и уголовных отношений происходит подмена гражданско-правовых способов защиты нарушенных прав уголовно-правовыми, или наоборот [1, с. 43].

Путаница и бессистемность в изложении норм гражданского и уголовного законодательства, регламентирующих различные экономические процессы и явления. К сожалению, сотрудники правоохранительных органов не имеют достаточных знаний в указанных областях; а изучение необходимых в таких случаях документов требует значительных затрат времени.

Высокая теоретическая и практическая подготовленность лиц, совершающих экономические преступления в сфере, в которой функционирует предприятие-жертва (в отличие от следователей и других сотрудников правоохранительных органов), так как указанные лица, как правило, имеют большой опыт работы в данной сфере и соответственно в реализации преступных схем.

Умышленное нарушение правильности ведения бухгалтерского учета на предприятии, уничтожение, фальсификация бухгалтерских документов.

Необходимость получения сотрудниками правоохранительных органов консультаций у различных специалистов, обладающим опытом работы в сфере, что и предприятие-жертва, предприятие, руководство (рабочий персонал) которого совершили преступление, для тщательного уяснения всех экономических, технологических, производственных механизмов работы предприятия. Это необходимо для понимания, было ли данное предприятие рентабельно, экономически - эффективно на момент совершения криминальных действий в отношении него (каким образом, за счет чего, получало прибыль, реализовывало продукты труда, какие имело кредитные обязательства, были ли они изначально обеспечены и т.д.). Такими лицами могут быть также наиболее опытные сотрудники предприятия-банкрота или других предприятий, функционирующих в интересующей сфере.

Большие сложности связаны с назначением и производством различных экспертиз, например, экономических, финансовых, оценочных, строительных, бухгалтерских и др. Такие экспертизы в экспертных подразделениях МВД либо не проводятся вообще, либо эксперты могут ответить только на часть вопросов, подлежащих установлению в ходе расследования, что, естественно, неприемлемо для расследования уголовных дел, установления полной картины совершенного преступления. Таким образом, возникает необходимость в проведении этих экспертиз вне экспертных учреждений системы МВД. При этом необходимо решать вопрос о месте их проведения - у экспертного учреждения должна быть лицензия на право осуществления экспертной деятельности, эксперты должны иметь специальное образование, допуски к проведению конкретных исследований,

владеть требующимися методиками. Кроме того, методики могут у разных экспертов отличаться, что существенным образом может влиять на результаты экспертных заключений. Также необходимо отметить, что данные экспертизы являются крайне дорогостоящими, в связи с чем возникает вопрос об оплате (кто будет оплачивать их проведение, в каком размере и т.д.). Надо понимать, что рассматриваемые экспертизы проводятся очень долго, что, естественно, негативно сказывается на сроках расследования в целом.

Большое количество следственных действий, которые необходимо проводить для установления и доказывания факта совершения экономического преступления.

Проблемы расчета ущерба, причиненного преступлением, определения, кому именно (физическим, юридическим лицам, учредителям, акционерам, кредиторам, работникам предприятия и др.).

Также сложности возникают при определении субъекта преступления. С одной стороны ясно, что это - то лицо, которое непосредственно подписывало финансовые документы, в результате действия которых было реализовано преступление в сфере экономической деятельности. Но в то же время таким лицом может быть, например, генеральный директор предприятия - назначенное советом директоров лицо, которое в соответствии с уставом предприятия выполняет обязательные для него поручения указанного совета, то есть не может не подписывать направляемые ему советом директором финансовые, правовые и другие документы. Полномочия совета директоров (например, по продаже основных средств предприятия, объектов недвижимости, земельных участков), коллегиального и избранного всеми акционерами (что на самом деле не всегда так) органа, также определяются уставом предприятия. Он в свою очередь должен быть составлен в соответствии с законом об акционерных обществах, действующем в конкретный момент времени (а если не соответствует, то в этом нет состава преступления, хотя, скорее всего, такое несоответствие сделано умышленно и его можно рассматривать как один из этапов подготовки совершения криминального банкротства). Коллегиальность совета директоров также вызывает сложности при решении вопроса о привлечении его членом (кого именно, за совершение каких именно действий) к уголовной ответственности [2, с. 45].

Успешность расследования преступлений в сфере экономической деятельности во многом зависит от целенаправленности поисково-познавательной деятельности следователя, от правильного и четкого определения предмета расследования - круга обстоятельств, подлежащих установлению по делу.

Характер события, имевшего место в действительности (преступление в сфере экономической деятельности, преступление против собственности, иное правонарушение: гражданско-правовой деликт и т.д.);

Предмет преступления (предпринимательская деятельность, кредит, льготные условия кредитования и т.д.), его основные признаки, соответствие этим признакам исследуемого предмета;

Сфера деятельности, с которой связан предмет преступления (сфера страхования, туристическая деятельность, инвестиционная и т.д.), особенности ее нормативно-правовой регламентации;

Способ совершения преступления;

Содержание подготовительных действий, предшествовавших преступлению;

Способ маскировки, сокрытия преступления (использование организационно-правовых форм, форм законной экономической деятельности и т.д.);

Время, место и обстановка совершения преступления;

Характер последствий преступления (наличие материального ущерба, причинение вреда здоровью и т.д.);

Размер причиненного ущерба, извлеченного дохода;

Лица, являющиеся потерпевшими от преступления (физическое, юридическое лицо и т.д.);

Обстоятельства, характеризующие личность виновных (наличие профессиональных навыков, привлечение ранее к уголовной ответственности за аналогичные преступления и т.д.);

Мотив и цель преступления; факты и обстоятельства, указывающие на них;

Обстоятельства, отягчающие либо смягчающие ответственность виновного;

Другие преступления, совершенные виновным лицом, находящиеся в закономерной связи с расследуемым деянием;

Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Сведения о преступлениях в сфере экономической деятельности поступают из различных источников. Независимо от их характера необходимость в проверке информации возникает всегда, когда без получения дополнительных данных невозможно правильно решить вопрос о возбуждении уголовного дела [2, с. 67].

Основной источник информирования правоохранительных органов связан со сферой деятельности оперативно-розыскных и контролирующих органов. Это объясняется прежде всего спецификой преступлений в сфере экономической деятельности: они совершаются преимущественно в процессе профессиональной деятельности, связаны с использованием служебных полномочий, знаний особенностей отрасли и конкретного производства, с активным использованием различных правовых механизмов и средств. В частности, значительная часть преступлений в сфере экономической деятельности совершается под видом (посредством) банковских и хозяйственных операций, внешнеторговых сделок и иных форм регулирования имущественных отношений в обществе. В подобных случаях

преступный замысел, признаки преступления распознаются с трудом, ибо внешне такое экономическое преступление мало чем отличается от обычной сделки. К тому же, в большей своей части, это преступления без потерпевших, без видимых последствий.

Как правило, в материалах содержатся сведения, указывающие на возможное совершение преступления, например, в этих материалах может говориться о противоправном характере сделки, ее фиктивности, о подлоге в бухгалтерских или иных учетных документах, о регистрации фирмы на подставных или вымышленных лиц, о причиненном ущербе и иных признаках, характерных для объективной стороны экономического преступления. Но этого зачастую недостаточно, чтобы обоснованно возбудить уголовное дело, так как по признакам объективной стороны не всегда можно разграничить гражданско-правовой деликт и экономическое преступление. Для этого нередко требуется и знание субъективной стороны поведения виновного, в частности направленности его умысла, цели сделки (уклонение от уплаты налогов, подведение предприятия к банкротству, завладение имуществом, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем и т.д.) и т.д.[3, с. 14]

В соответствии с п. п. 4, 5 ст.107 УПК ДНР если необходимо проверить заявление или сообщение о преступлении до возбуждения дела, такая проверка осуществляется прокурором, следователем или органом дознания в срок не более десяти дней путем отображения объяснений от отдельных граждан или должностных лиц или истребования необходимых документов. При невозможности завершить проверку в течение десяти дней в связи с получением истребованных документов, данный срок может быть продлен до тридцати дней согласованным с прокурором мотивированным постановлением органа, проводящего проверку. Кроме того, это заявление или сообщение о преступлениях до возбуждения уголовного дела могут быть проверены путем проведения оперативно-розыскной деятельности. Проведение определенных в законодательстве Донецкой Народной Республики отдельных оперативно-розыскных мероприятий проводится по постановлению органа дознания, санкционированного прокурором, если иное не установлено законодательством об оперативно-розыскной деятельности.

В соответствии с п. 2 ст. 12 Закона ДНР «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты этой деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, регламентирующим сбор, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных этим законом.

Более уточняющие позиции содержит УПК России.

Так, согласно п. 1 ст. 144 УПК РФ на стадии доследственной проверки проводящее ее лицо вправе получать образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном данным кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно- розыскных мероприятий.

Как видим, в случаях доследственной проверки заявлений и сообщений о преступлениях в сфере экономики такая позиция российского законодателя более четкая и убедительная.

Поводом к возбуждению дела об экономических преступлениях могут служить также заявления граждан, рапорт об обнаружении признаков преступления и т.д. Эти сведения в большинстве случаев также подлежат предварительной проверке, характер которой зависит от того, содержатся ли в этих заявлениях и сообщениях указания на конкретные факты, свидетельствующие о преступлении, либо они в общей форме говорят о преступлениях, подготавливаемых или совершенных определенными лицами.

В первом случае проверяется достоверность сведений об изложенных фактах, выявляются признаки преступления, которые затем сопоставляются с нормой уголовного закона. При положительном исходе такой проверки уголовное дело возбуждается немедленно.

Во втором случае проверка имеет более сложный характер. Она должна проводиться с максимальной осмотрительностью, чтобы не насторожить преступников, не нанести вреда дальнейшему расследованию, не бросить тень на невиновных людей. Поэтому формы и методы проверки подобных заявлений должны быть тщательно продуманы и спланированы. Проверку в этом случае целесообразно начинать с получения объяснений от заявителя, предварительно решив вопрос о месте и времени получения объяснений, о способе вызова соответствующего лица. Последующие действия по выявлению признаков преступления планируются с учетом полученных данных.

С момента возбуждения уголовного дела начинается следующий этап поисково-познавательной деятельности - раскрытие и расследование преступления. Следует заметить, что деятельность по раскрытию и расследованию преступлений в сфере экономической деятельности представляет собой весьма сложную и многогранную работу, требующую от оперативного работника и следователя глубоких разносторонних знаний, большого профессионального и жизненного опыта, хороших организаторских способностей и навыков. Эффективность расследования

этих преступлений зависит и от того насколько деятельность следователя и взаимодействующих с ним лиц соответствует особенностям преступления и складывающимся ситуациям расследования. Поэтому важнейшим условием успешного расследования таких преступлений является правильное планирование предварительного следствия.

При определении последовательности производства запланированных мероприятий руководствуются рекомендациями о первоочередном производстве следующих действий: промедление с производством которых может привести к утрате или изменению доказательств (осмотр места происшествия, обыск, выемка, допрос очевидцев и др.); направленных на установление виновных и предотвращение совершения ими новых преступлений (задержание и др.); нацеленных на обеспечение возмещение материального ущерба, причиненного преступлением (обыск, наложение ареста на имущество); позволяющих проверить несколько версий; дающих возможность получить более надежные доказательства (например, в начале допрашивают очевидцев, а затем иных свидетелей); требующих значительного времени для производства (ревизии, судебные экспертизы, отдельные поручения о выполнении действий в другой области).

Большинство преступлений в сфере экономической деятельности относится к категории сложных, характеризующихся большим числом эпизодов и обвиняемых. Поэтому планирование в таких случаях осуществляется по каждому эпизоду, в отношении каждого лица и по другим направлениям работы, а затем частные планы сводят в общий план расследования.

Выбор направления расследования, а также круг следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий определяют исходя из содержания следственных ситуаций. Для начального этапа расследования экономических преступлений типичны две ситуации.

Первая ситуация характеризуется тем, что предполагаемые участники преступления осведомлены о материале, поступившем к следователю, и принятом по нему решению о возбуждении уголовного дела. Вторая - напротив, исключает такую осведомленность.

Первая ситуация связана, как правило, с возбуждением уголовного дела по материалам контролирующих органов или поступивших из арбитражных и гражданских судов. В этой ситуации рекомендуется проведение следующих действий: допрос лиц, обнаруживших признаки преступления (ревизора, судьи и т.д.), допрос свидетелей, указание на которых дается в материалах, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела, выемка и осмотр документов, в которых отражены признаки преступления, допрос подозреваемых лиц, наложение ареста на их имущество, на вклады в банках, на ценные бумаги, назначение судебно-бухгалтерской, криминалистической и иных судебных экспертиз.

Вторая ситуация связана с возбуждением уголовного дела по оперативно-розыскным материалам, сообщениям средств массовой

информации, заявлениям граждан. В этом случае существенное значение имеет внезапность и одновременность проведения первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Они носят неотложный характер, так как направлены на получение изобличающих доказательств, которые в любой момент могут быть уничтожены преступником. Учитывая реальность такой опасности, в первую очередь планируются такие действия, как задержание лица в качестве подозреваемого, осмотр места происшествия (офиса, складских помещений, производственной базы и т.д.), действия и мероприятия, направленные на обеспечение сохранности документов и других вещественных доказательств (выемка, обыск, наложение ареста на их имущество и т.д.), на выявление новых источников информации (контроль и запись переговоров, документальная проверка, ревизия, снятие информации с технических каналов связи др.).

На последующем этапе расследования преступлений в сфере экономической деятельности следователь сосредотачивает свое внимание на проверке доказательств, изобличающих преступника, собирании недостающей информации, на установлении ранее неизвестных эпизодов и соучастников преступления, выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления. В этих целях он систематизирует и оценивает собранные материалы, уточняет планы расследования, составляет различные схемы и таблицы, назначает судебные экспертизы, производит допросы обвиняемых и очные ставки с их участием, опознание, следственные эксперименты, проверку показаний на месте, принимает меры по расширению доказательственной базы преступления.

Список литературы

1. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). М.: Волтере Клувер, 2014.
2. Расследование мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств (теория и практика) // Шмонин А.В., Исаев С.С.-Х. М.: Юрлитинформ, 2014.
3. Лелетова М. В., Особенности расследования экономических преступлений. - Х. М.: Юрлитинформ, 2015.

УДК 340.14(430)

А. А. Лысов, к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)
(e-mail:tigr_dua@mail.ru)

ИСТОЧНИКИ ПРАВА ГЕРМАНИИ ПЕРИОДА НОВОГО ВРЕМЕНИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается вопрос о формировании правовой системы Германии в эпоху нового времени, определение характера и роли

источников права Германской империи. Проводится анализ Конституции 1871 г., Уголовного кодекса 1871 г., Гражданского кодекса 1896 г. и выявляются особенности данных нормативных актов.

Ключевые слова: *источники права, правовая система, нормативно-правовой акт, конституция, уголовный кодекс, гражданский кодекс.*

Lysov A.

GERMAN SOURCES OF LAW OF MODERN TIME PERIOD: A HISTORICAL-LEGAL ANALYSIS

The article deals with the formation of the legal system of Germany in the era of modern times, the definition of the nature and role of the sources of law of the German Empire. The analysis of the Constitution of 1871, the Criminal code of 1871, the Civil code of 1896 is carried out and the features of these normative acts are revealed.

Key words: *sources of law, legal system, normative legal act, Constitution, criminal code, civil code.*

В процессе формирования правового и демократического государства, а также гражданского общества на принципах законности, свободы, равенства и уважения личности важно определить правовой фундамент, который будет закладывать основы современного общества. Таким фундаментом должен выступать комплекс источников права, которые своей юридической природой показывают, каким образом будет зарождаться право в государстве и обществе, и на каких принципах будет строиться государственный аппарат на разных этапах его становления и функционирования.

Актуальность темы исследования. В предлагаемой статье наше внимание будет сосредоточено на историко-правовом анализе источников права Германии в период нового времени. В истории Германии XIX в. является переломным в политическом и правовом отношении, поскольку в этот период создается единое германское государство – Германская империя в 1871 г. и единое правовое поле, созданное на новых буржуазных принципах. Созданные в конце XIX в. уголовный и гражданский кодексы определили развитие современного германского права, закрепив как правовые нормы, так и правовые принципы. По сути, развитие права в Германии в XIX в. заложило основы и во многом определило вектор развития европейского континентального права. По мнению автора, следует обратить внимание на исследование источников права единой Германской империи, поскольку в будущем это позволит провести сравнительный анализ современного немецкого права и права периода нового времени.

Анализ научных исследований. Проблематикой и вопросами, касающимися историко-правового анализа источников права Германии периода нового времени занимались такие отечественные ученые, как З.М. Черниловский, О.А. Жидков, Н.А. Крашенинникова, С.В. Колосок, А. Жалинский, О.П. Виноградова, Н.Ф. Бабанцев. При этом следует отметить,

что в научной литературе, несмотря на большое количество работ по вопросам анализа источников немецкого права, на наш взгляд, в недостаточной мере освещены именно проблемы сравнительного анализа современного немецкого права и права периода нового времени. По мнению автора, необходимо обратиться к анализу работ, где специалисты исследуют проблематику правовых источников права Германии периода нового времени, что приведет к лучшему пониманию не только права XIX в., но и XXI в. Тем более, что правовая основа заложенная в прошлом остается во многих вопросах неизменной и в настоящее время.

Целью этой статьи является исследование основных источников германского права периода нового времени, определение их характера и роли в процессе развития правовой системы Германии, нахождение общих закономерностей развития современного немецкого права.

Главными методами познания источников права и определения их роли и значения в правовой системе Германии и романо-германской правовой семье должны стать системно-структурный и исторический, которые на основе анализа покажут внутреннюю структуру источников и определяют ключевую роль в модернизации институтов и отраслей права в новое и новейшее время.

Изложение основного материала. Во второй половине XIX в. в Германии была решена острейшая в прошлом проблема государственного единства посредством успешной франко-прусской войны 1870-1871 гг. В результате победы в войне было создано единое немецкое государство и начало создаваться единое правовое поле, основанное на буржуазных принципах.

В области государственного права в 1871 г. была принята Конституция Германской империи, которая заложила основы государственного устройства в новую историческую эпоху.

Данный нормативно-правовой акт состоял из 14 разделов и 78 статей. Он закрепил образование нового федеративного союза в форме Второй Германской империи. В состав союза вошли 25 государственных субъектов: 22 монархии и 3 вольных города. В свою очередь эти государственные образования были подчинены единой центральной власти в лице германского императора (прусского короля), который обладал широкими полномочиями. Императору принадлежало право созыва палат парламента, разработки и опубликования имперских законов, назначения и увольнения должностных лиц империи (раздел IV Конституции, ст. 11-19).

Что касается законодательной власти, то соответствующие полномочия, по Конституции, были предоставлены Союзному совету (бундесрат) и рейхстагу. Из двух законодательных палат парламента первенствующее значение немецкая Конституция отводила бундесрату.

Союзный совет состоял из имперских уполномоченных от государств-членов союза и призван был отражать их интересы. Важной особенностью формирования Союзного совета было предоставление неравного числа

голосов субъектам. У представителей Пруссии, в соответствии с конституционной нормой, было преимущество по сравнению с другими субъектами Германской империи. Для сравнения у Пруссии было 17 голосов, у Баварии и Саксонии по 6 и 4 голоса соответственно. Такое неравенство свидетельствовало об определяющей роли Пруссии в деле создания единого государства. Союзный совет обладал правом утверждения законопроектов, принятых рейхстагом, правом издания административных предписаний и инструкций, правом принятия решения о роспуске рейхстага (при обязательном согласии императора), различными судебными правами (раздел III Конституции, ст. 6-10).

Рейхстаг в свою очередь являлся органом представительства всего населения Германской империи. Он формировался посредством прямых и всеобщих выборов. Следует отметить, что участие в выборах было предоставлено любому гражданину, достигшему 25 лет, но при этом женщины, военнослужащие низших чинов, лица, получавшие помощь для бедных, и некоторые другие категории лиц были лишены избирательных прав. Отметим, что лишение женщин избирательных прав скорее было нормой того времени. Этот порядок мы можем наблюдать в разных странах. Рейхстаг утверждал бюджет, но не мог осуществлять контроль за действиями исполнительной власти (раздел V Конституции, ст. 20-32). Вследствие этого можно сказать, что у Рейхстага были урезанные полномочия.

Исполнительная власть в стране принадлежала германскому императору, но реально ее осуществлял имперский канцлер (рейхсканцлер). В Конституции был обозначен принцип контрадсигнатуры. Так, постановления и распоряжения императора вступали в силу после подписи рейхсканцлера, на которого и возлагалась ответственность за принятое решение. Канцлер был обязан представлять обеим палатам парламента ежегодные отчеты о финансовых расходах империи, но в то же время никакой ответственности перед ними он не нес. В Германской империи рейхсканцлер являлся главой имперского федерального административного аппарата, был председателем в бундесрате и одновременно председателем прусского правительства. (разделы IV, V, XII Конституции) [1].

В империи также отсутствовало федеральное правительство и единственным федеральным министром являлся рейхсканцлер. На примере имперского канцлера мы снова видим лидирующие позиции одного из германских субъектов – Пруссии.

Важной особенностью Конституции 1871 г. является отсутствие в ней декларации прав и свобод граждан Германской империи. В этом плане гарантии прав и свобод личности должны были соблюдаться в каждом государстве – субъекте империи в соответствии с их конституциями, но не на уровне союза в целом. Таким образом, в обеспечении прав и свобод граждан продолжал действовать партикуляризм, унаследованный от доимперского периода. Так же следует отметить, что принципы федерализма, которые были закреплены в Конституции 1871 г. корнями уходят в историю возникновения

и развития Священной римской империи, крайне децентрализованного объединения. По сути, такая децентрализация в Германии, наблюдавшаяся с X до второй половины XIX в., определила будущую федеративную форму территориального устройства.

Следующим источником публичного права, который требует историко-правового анализа, является Уголовный кодекс Германской империи 1871 г. В законе о введении его в действие подчеркивалось, что только его нормы должны применяться при рассмотрении уголовных дел. Однако при этом заметим, что предоставлялась возможность при рассмотрении ряда дел пользоваться нормами уголовных законов государств, вошедших в состав империи.

Структура Уголовного кодекса 1871 г. представляла свод норм уголовного права и состояла из трех частей (книг). В Первой части кодекса (параграфы 1-79) содержались вступительные положения, которые касались вопросов разграничения преступлений и проступков и полицейских нарушений. Далее рассматривались общие понятия уголовного права (Общая часть): наказания, покушение, соучастие, обстоятельства, устраняющие или смягчающие наказания, а также теоретические вопросы обратной силы закона, ответственности немцев за преступления и проступки, совершенные ими за границей и т.д.

Вторая часть кодекса (параграфы 80-370) представляла собой особенную часть, содержащую нормы, касающиеся отдельных видов преступлений. В Уголовном кодексе четко прослеживается приоритет государства над личностью. Так, Вторую часть открывали преступления против государства. Особенность кодекса, на наш взгляд, проявляется в том факте, что преступления против общественного порядка, которым посвящена отдельная глава, тесно связаны с государственными. Так, например, параграф 128 предусматривал заключение в тюрьму основателям, руководителям и членам тайных организаций, по сути находящихся вне закона. Также наказывалось публичное подстрекательство к взаимным насильственным действиям различных общественных классов (параграф 130) [2, с. 343].

Следует обратить внимание на то, что немецкий законодатель допускал факт наличия в кодексе специальной главы о преступлениях против религии, за совершение которых преступники сурово наказывались.

Кроме защиты государства и религии законодатель учитывал интересы немецких граждан и их права. Значительная часть статей правового акта предусматривала ответственность за преступления, совершенные против личности и собственности. К таковым относились: кража, разбой, мошенничество, подлог и др. Особое внимание в главе о преступлениях против собственности уделено разделу о торговой несостоятельности. Здесь речь идет о защите собственности предпринимателей со стороны государства. Например, к тюремному заключению приговаривался банкрот, который умышленно причинил вред своим кредиторам, скрыл или передал свое имущество другим, не вел торговых книг или внес в книги такие

исправления, которые не позволяли судить о финансовом состоянии должника [3].

Последний раздел Уголовного кодекса 1871 г. был посвящен полицейским нарушениям (параграфы 360-370). Для сотрудников полиции предусматривалась ответственность за нарушения предписаний о выезде за границу, хранении оружия, изготовления печатей, штампов и другие запреты, налагаемые на подданных империи.

В Уголовном кодексе 1871 г. содержались определенные уступки дворянству. Так, например, лишение дворян почетных прав проводилось на основании законодательства субъектов империи. Предусматривались также наказания за самозванное присвоение аристократического звания и титула [2, с. 344].

Можно сказать, что уголовно-правовые нормы, заложенные в кодексе 1871 г., как показала история, стали фундаментом для дальнейшего развития немецкой правовой системы, которая на долгие годы определила вектор развития классического континентального права в сфере закрепления уголовно-правовых отношений.

В 1896 г. был подготовлен Гражданский кодекс империи, который стал первой в истории Германии единой для всей страны кодификацией гражданского права. Однако юридическую силу Кодекс приобрел только 1 января 1900 г. Это произошло потому, что отдельным субъектам империи нужно было время для приведения своего законодательства в соответствие с единым актом в области гражданского права. Важно заметить, что Гражданский кодекс 1896 г. в значительной степени базируется не только на соответствующих положениях римского права, но и содержит положения собственно немецкого права.

Нормативный акт был построен по пандектной системе и состоял из пяти книг. Все общие гражданско-правовые нормы содержались в общей части (первая книга). Вторая книга была посвящена обязательственному праву, третья – вещному праву, четвертая – семейному праву и, наконец, пятая – наследственному праву.

Одновременно с Кодексом был издан Закон о введении его в действие, в котором содержались нормы о времени вступления в законную силу Акта, нормы международного частного права, положения о взаимоотношении Кодекса с нормами старого законодательства империи.

В первой книге Кодекса (Общей части), состоящей из семи разделов (§ 1-240), изложен, прежде всего, статус физических и юридических лиц. При этом значительное внимание в правовом акте уделено юридическим лицам: обществам и учреждениям (более 60 параграфов). Другая многочисленная группа предписаний (80 параграфов) посвящена вопросам, связанным с юридическими сделками (дееспособность, волеизъявление, виды сделок, представительство и т.п.). Оставшиеся предписания Общей части относились к вопросам о вещах и о материальных сроках и давности, об осуществлении прав, самозащите и самопомощи.

Вторая книга Кодекса (семь разделов, § 241-853) представлена нормами обязательственного права. В данной книге излагаются как общие положения об обязательствах из договоров (их возникновение, содержание, исполнение и т.п.), так и отдельные договоры, как традиционные (купля, заем, ссуда, товарищество и др.), так и новые (наем рабочей силы, игра, пари, приказ и др.). В этой книге регулируются важные в социальном отношении нормы о так называемых недозволенных действиях (§ 823-853).

Третья книга нормативно-правового акта посвящена вопросам вещного права (девять разделов, § 854-1296). Кроме институтов права собственности, владения, в книге подробно регламентируются так называемые служебности (сервитуты, обременения) и различные формы залога движимости и недвижимости (ипотека). Именно в этой книге Кодекса наиболее полно представлены старые, по сути, устаревшие институты германского права (право преимущественной купли – § 1094-1104; поземельные обременения – § 1105-1112). Эти институты и нормы по-прежнему демонстрировали социальную силу германского юнкерства (социальный класс дворян – землевладельцев (помещиков)).

В четвертой книге Гражданского кодекса содержатся нормы брачно-семейного права (три раздела, § 1297-1921). В начале книги представлен раздел о гражданском браке. В нем изложены правила, посвященные условиям вступления в брак, личным и имущественным отношениям супругов, а также условиям расторжения брака. Из других разделов книги следует выделить институт родительской власти и юридическое положение детей (законных и незаконных), институт опеки и попечительства.

Пятая книга Кодекса 1896 г. посвящена наследственному праву (девять разделов, § 1922-2385). В ней регламентируются два основных порядка наследования (по закону и по завещанию); правовое положение наследника; договор о наследовании; правила об обязательной доле; недостойное поведение как основание лишения права наследования; отказ от наследства; свидетельство о праве наследования; покупка наследства [4, с. 16-25].

По мнению автора, следует обратить внимание на некоторые особенности Гражданского кодекса Германской империи. Так, во-первых, традиционный порядок гражданско-правовых институтов в Кодексе нарушен. Обязательственное право поставлено в Кодексе раньше вещного права, что означает возросшее значение капиталистического оборота, перед интересами которого отступают традиционные институты права собственности и владения. Во-вторых, отличительными чертами документа являются отсутствие общих юридических определений; очень подробные параграфы, носящие описательный характер и содержащие множество специальных юридических терминов; наличие параграфов, ссылающихся на такие понятия, как «добрая совесть», «добрые нравы», имеющие моральное, а не правовое содержание. В-третьих, по своей сути Кодекс является буржуазным. Заметим, что утверждается более высокий уровень развития

капиталистических отношений, нежели Кодекс Наполеона 1804 г. При этом ряд статей Кодекса является результатом определенного компромисса между буржуазией и юнкерством, защищая интересы последнего. В-четвертых, также отличительной чертой является признание юридического лица в качестве субъекта гражданского права, в отличие от французского Гражданского кодекса, где это понятие де-юре отсутствовало. В-пятых, продолжая предыдущую отличительную черту, следует отметить, что немецкий законодатель не определял содержания правоспособности юридических лиц. Тем самым Кодекс признавал за юридическим лицом достаточно широкую правоспособность. Вместе с тем государство сохраняло исключительное право контроля за деятельностью юридических лиц и могло лишить их правоспособности, если их деятельность угрожала общественным интересам. В-шестых, Гражданский кодекс Германии содержал большее количество различных ограничений прав собственника, чем Кодекс Наполеона. В отношении права собственности на движимые вещи в Кодексе нет значительных ограничений. Основное внимание уделялось формулировке ограничений права собственности на недвижимость. В-седьмых, особенностью нормативного акта является существование абстрактных обязательств, в свою очередь, не допускавшихся Кодексом Наполеона. В-восьмых, часть Кодекса, посвященная брачно-семейному праву, не провозглашает власти мужа над личностью жены, предоставляя мужу лишь право преимущественного решения общесемейных вопросов. Родительская власть переходит к матери лишь после смерти отца или лишения его родительской власти.

Кроме представленных выше нормативных актов, в Германской империи были разработаны и приняты и другие кодифицированные источники права. Так, в 1877 г. был принят Гражданско-процессуальный кодекс, в 1877 г. – Уголовно-процессуальный кодекс, в 1897 г. – Торговый кодекс.

Главной целью принятия данных нормативных актов было упорядочивание новых буржуазных правовых отношений в условиях единого немецкого государства, пришедшего на смену многовековой феодальной раздробленности и отсутствию единого правового поля. Этот шаг способствовал дальнейшему развитию немецкого права и закреплению основных правовых принципов, которые не утратили свою актуальность и в новейшее время.

Выводы. Из вышеозначенного следует сделать вывод о возможности использования наработок в построении правовой системы буржуазной Германии для понимания современной правовой системы континентального типа. Для современной правовой системы важным является момент урегулирования отношений с помощью демократических принципов, которые были заложены в буржуазную эпоху. По нашему мнению, наличие демократических принципов в праве является тем важным фактором, который подтверждает участие общества в социальной, политической и

правовой сферах жизни. В немецких Кодексах нашли свое отражение такие буржуазные принципы: разделения властей, равенство граждан перед законом, приоритет прав и свобод, свобода развития личности, верховенство права. Не удивительно, что Гражданский и Уголовный кодексы Германии, появившись в конце XIX в. продолжили свое существование и в начале XXI в. В связи с этим считаем целесообразным использование немецкого правового опыта в подготовке кодифицированных актов ДНР с учетом своевременности их принятия.

Список литературы

1. Конституция Германской империи 1871 г. Доступ из информационной системы «Викитека». Источник: <https://ru.wikisource.org/wiki>
2. История государства и права зарубежных стран: учебник / А.В. Вениосов [и др.]; под ред. А.В. Вениосова. – 2-е изд. – Минск: Тетра-Системс, 2012. – 544 с.
3. Галанза П.Н., Громаков Б.С. История государства и права зарубежных стран. Том 2. Учебное пособие. – П.Н. Галанза, Б.С. Громаков, К.И. Батыр и др. – М: Юридическая литература, 1980. – 550 с. / <https://scicenter.online/gosudarstva-prava-istoriya-scicenter/ugolovnoe-pravo-protsess-141832.html>
4. Савельев В.А. Гражданский кодекс Германии: История, система, институты. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 1994. – 96 с.

УДК 343.2

С. Ю. Мироненко, канд. юрид. наук, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: mironenko-2009@mail.ru)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОКУШЕНИЕ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье анализируются юридическая природа и место покушения на преступление в системе уголовного законодательства зарубежных стран. Акцентируется внимание на определении юридической природы покушения на преступление, исследуются нормы о покушении различных государств, что имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку в зависимости от этого можно правильно решить целый ряд вопросов, связанных с привлечением лиц к уголовной ответственности и назначении наказания.

Ключевые слова: стадии совершения преступления, покушение на преступление, уголовное законодательство зарубежных стран.

Mironenko S.Yu.

RESPONSIBILITY FOR THE ATTEMPT TO CRIME UNDER CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

The article analyzes the legal nature and place of attempt on a crime in the system of criminal legislation of foreign countries. Attention is focused on the definition of the legal nature of the attempted crime, and the rules on the attempt of various states are explored, which is of great theoretical and practical importance, since depending on this, a number of issues related to the criminal prosecution and punishment of individuals can be solved.

Key words: *stages of the crime, attempted crime, criminal law of foreign countries.*

Актуальность темы исследования. Сегодняшние проблемы государственного развития, культурного возрождения и политико-правовых реформ в Донецкой Народной Республике требуют скрупулезного изучения и глубокого осмысления иностранного опыта. Особого внимания заслуживают процессы научно-теоретических разработок в правовой сфере и совершенствование различных отраслей законодательства, включая отрасль уголовного законодательства. Ведь когда право замыкается само в себе и стремится увековечить устаревшие нормативные формы, отвергая любой обмен и сопоставления, что касается неординарных решений и идей для различных правовых институтов, тогда оно становится бесплодным и обречено на упадок. Только сравнение теорий, взглядов, мнений, идей, рассуждений, а также нормативных стандартов формирует новые конструктивные подходы, определяет и роль права в контексте цивилизованного развития человечества.

Анализ научных исследований. Проблема покушения на преступление как предмет самостоятельного исследования выделялась еще в 1866 году представителями дореволюционной науки уголовного права, а именно: Л.С. Белогриц-Котляревским, А.Ф. Кистяковским, А.Н. Круглевским, С.П. Мокринским, Э.Я. Немировским, А.Н. Орловым, Н.Д. Сергиевским, Н.С. Таганцевым.

В советский период изучением проблемы покушения на преступление как одной из стадий преступной деятельности занимались А.А. Герцензон, А.А. Пионтковский, А.Н. Трайнин, М.А. Чельцов, М.Д. Шаргородский.

Однако следует признать, что, несмотря на достаточно детальную разработку данной проблемы в научной литературе, целый ряд актуальных вопросов этой темы остаются невыясненными. Прежде всего, в названных работах проблемы уголовно-правовой квалификации и ответственности за покушение на преступление рассматриваются, в большинстве случаев, как отдельный вопрос стадий преступления.

Цель статьи заключается в определении юридической природы покушения на преступление как вида неоконченного преступления с учетом конкретно-исторических и современных тенденций его развития, социально-правовой обусловленности уголовной ответственности за неоконченное преступление, практики применения уголовного наказания за покушение на преступление.

Изложение основного материала. Институт стадий совершения умышленного преступления занимает одно из важных мест в системе уголовного законодательства, ведь он непосредственно влияет на квалификацию действий, определение степени общественной опасности совершенного деяния и степени общественной опасности личности виновного, назначения наказания и тому подобное. Положения о стадиях совершения умышленного преступления предусмотрены не только республиканским, но и международным и иностранным законодательством, что является свидетельством их распространенности, значимости и межгосударственного воздействия.

По мнению А.П. Козлова, все уголовные кодексы иностранных государств относительно закрепления нормы о покушении на преступление можно разделить на четыре группы [1, с.303]:

а) кодексы, которые не отражают неоконченное преступление и оформляют покушение как стадию совершения преступления;

б) кодексы, в которых не отражено неоконченное преступление, однако покушение оформлено в законе как неоконченное преступление;

в) кодексы, в которых покушение на преступление – это вид неоконченного преступления, однако при определении покушения речь о недоведении преступления до конца не идет;

г) кодексы, в которых закреплены неоконченные преступления как родовой признак, и покушение на преступление как его разновидность.

А.П. Козлов в первую группу (кодексы, которые не отражают неоконченное преступление и оформляют покушение как стадию совершения преступления) относит УК Федеративной Республики Германии (далее УК ФРГ), УК Австрии, УК Испании.

В ч. 3 ст. 29 УК Донецкой Народной Республики закреплено, что покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

УК ФРГ в разделе 2 Общей части содержит специальную главу 2, посвященную покушению. В § 22 покушением на уголовно наказуемое деяние признается начало совершения преступления в соответствии с собственным представлением о деянии. Это определение не является полным, оно лишь позволяет разграничивать ненаказуемое приготовление к преступлению от наказуемого покушения. Законодатель выделяет два вида покушения: покушение на преступление и покушение на проступок. Кроме этого, в абзаце 3 §23 УК ФРГ определяются два вида непригодного покушения: 1) покушение на непригодный объект и 2) покушение с помощью непригодных средств.

По уголовному законодательству ФРГ покушение на преступление наказывается всегда, покушение на проступок – только в том случае, если это прямо предусмотрено законом. Кроме этого, абз. 2 § 33 закрепляет норму о

смягчении наказания за совершение покушения на преступление, а именно: 1) пожизненное лишение свободы заменяется лишением свободы на срок не более 3 лет; 2) при лишении свободы на определенный срок наказание не должно превышать трех четвертей предусмотренного максимального срока [2, с.123].

Анализируя УК Австрии, отметим, что ч. 2 § 15 УК Австрии предусматривает, что покушение на деяние имеет место, если исполнитель воплощает свое решение совершить деяние или склонить другое лицо к его совершению с помощью действий, которые непосредственно влекут наступления преступного результата [3, с.12]. В ч. 1 § 15 УК Австрии указано, что законом предусмотрено наказание не только за умышленное оконченное деяния, но и за покушение на его совершение, и любое соучастие в нем [3, с.12]. Однако в данном кодексе также предусмотрены случаи освобождения от уголовной ответственности за совершение покушения. Так, ч. 3 § 15 УК Австрии устанавливает, что покушение и соучастие в нем не наказываются, если окончание деяния ни при каких обстоятельствах невозможно в связи с отсутствием личных свойств и признаков, которые закон определяет в качестве действующего лица, или по виду деятельности, или свойств предмета преступления. УК Австрии закрепляет положение об уголовной ответственности исполнителя и соучастников за совершение покушения на преступление. При этом в УК Австрии не нашли отражения указания на умышленный характер деяния и незавершенность таких действий. Все перечисленное отличает покушение по австрийскому уголовному кодексу от покушения по УК ДНР.

УК Испании определяет покушение как деяния лица, непосредственно направленные на совершение преступления и которые объективно должны были привести к определенному результату, но этот результат не был достигнут по причинам, не зависящим от воли лица [4, с.16]. Ответственность за покушение на преступление наступает только в тех случаях, когда лицо посягает на личность и собственность (ч. 1 ст. 15 УК Испании). УК Испании предусмотрено также обязательное смягчение наказания на одну или две ступени за покушение на преступление, учитывая при этом опасность правонарушителя, направленность умысла и степень завершенности действия (ст.62) [4, с.16]. Статья 63 УК закрепляет смягчения наказания на одну ступень соучастникам покушения на преступления, за исключением исполнителя.

Именно поэтому общими чертами покушения по испанскому уголовному законодательству и уголовному законодательству ДНР являются:

- покушением признаются деяния, непосредственно направленные на совершение преступления;
- возможность наступления преступного результата при совершении покушения на преступление;
- ненаступление последствий по причинам, не зависящим от воли субъекта.

Ко второй группе, выделенной А.П. Козловым, относятся кодексы, в которых отражено неоконченное преступление, однако покушение оформлено в законе как неоконченное преступление. К ним отнесены УК Японии, УК Республики Беларусь, УК Республики Казахстан, УК КНР, то есть данные законодательные акты связывают покушение с недоведением преступления до конца.

В УК Японии в ст. 43 указано, что покушение присутствует в случае, «если деяние, предусмотренное составом преступления, продолжало выполняться или его исполнение было начато, однако конкретный результат не наступил» [5, с.477]. Вопросы, связанные со смягчением наказания за совершение покушения на преступление, решаются судом. Кроме того, ответственность за покушение ограничена тяжкими преступлениями, которые определены в законе (ст. 44 УК Японии).

Согласно УК Японии, ответственность за покушение наступает в случае, если это прямо предусмотрено кодексом (ст. 44). В законе также предусмотрена возможность смягчения наказания за покушение по сравнению с наказанием за оконченное преступление. Но при прекращении преступления по собственной воле лица наказание смягчается вплоть до освобождения от него (ст. 43 УК Японии) [5, с.478]. Однако в девятнадцати статьях Особенной части УК Японии незаконченные деяния выступают как самостоятельные составы.

Ст. 22 УК Китайской Народной Республики дает такое определение покушения на преступление. Это «действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного» [6, с.24]. Ответственность за покушение на преступление устанавливается в зависимости от степени опасности преступления и тяжести вызванных последствий [6, с.25].

УК Республики Беларусь в ч. 1 ст. 14 определяет, что «покушением на преступление признаются умышленные действия или бездействие лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по обстоятельствам, не зависящим от этого лица» [7, с.18]. Ответственность за покушение на преступление наступает по той статье Особенной части УК, что и за оконченное преступление со ссылкой на статью, которая определяет покушение на преступление (ч. 2 ст. 14).

Определим общие черты нормы о покушении на преступление по УК ДНР и УК Республики Беларусь:

- покушением признаются умышленные действия или бездействие;
- ответственность за покушение наступает по той статье Особенной части УК, что и за оконченное преступление со ссылкой на статью, которая определяет покушение на преступление.

В УК Республики Казахстан, в ч. 3 ст. 24 указано, что покушением на преступление признаются действия (бездействие), совершенные с прямым

умыслом, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по обстоятельствам, не зависящим от лица. Это нашло свое выражение в том, что УК Республики Казахстан в норме о покушении на преступление содержит следующие положения:

– уголовная ответственность наступает за покушение только за преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие (ч. 4 ст. 24 УК);

– при назначении наказания необходимо обязательная ссылка на часть статьи о покушении;

– срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК Республики Казахстан за оконченное преступление (ч. 3 ст. 56 УК);

– смертная казнь и пожизненное лишение свободы за покушение на преступление не назначаются (ч. 4 ст. 56 УК).

Рассмотрим следующую, третью, предложенную А.П. Козловым, группу: кодексы, в которых покушение на преступление – это вид неоконченного преступления, однако при определении покушения речь о недоказанности преступления до конца не идет, на примере УК Пенсильвании.

В УК штата Пенсильвания США неоконченное преступление предусмотрен в разделе 9 «Незаконченное посягательство», к которому отнесено покушение без указания, что преступление не доведено до конца. Так, в § 901 указано, что «лицо признается виновным в совершении покушения на преступление, если оно осуществляет поведение, которое способно привести к совершению такого преступления» [8, с.178]. Такая формулировка несколько противоречивое, поскольку: 1) в кодексе отсутствует понятие неоконченного преступления; 2) отсутствует указание на незавершенность преступления при покушении. Именно поэтому, по нашему мнению, необходимо обязательно указать на то, что преступление до конца не доведено при определении покушения или определить понятие неоконченного преступления и отнести к нему покушение. В УК Пенсильвании, к сожалению, отсутствуют такие положения.

Последняя группа, которая выделена А.П. Козловым, это кодексы, в которых закреплены неоконченные преступления как родовой признак, и покушение на преступление, как его разновидность. К ним отнесены УК Российской Федерации, УК Республики Узбекистан, УК Республики Таджикистан. В большинстве названных нами кодексах определение покушения аналогичные; это – умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по обстоятельствам, не зависящим от этого лица. В основу незаконченности преступного деяния законодателями указанных стран положен объективный критерий –

недоведение преступления до конца «по независящим от этого лица обстоятельствам». Во всех вышеупомянутых кодексах предусмотрено, что уголовная ответственность наступает по той статье кодекса, что и за оконченное преступление со ссылкой на статью о покушении. Что касается особенностей назначения наказания за совершение покушения на преступление, то положения УК Российской Федерации, УК Республики Узбекистан, УК Республики Таджикистан также совпадают.

В ч. 3 ст. 30 УК Российской Федерации закреплено, что «покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам» [9, с.51]. В ч.1 ст. 66 УК Российской Федерации указано, что «при назначении наказания за неоконченное преступление учитываются обстоятельства, в силу которых преступление не было доведено до конца». Срок и размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК Российской Федерации за оконченное преступление (ч. 3 ст. 66 УК Российской Федерации) [9, с.147-148].

Аналогичные нормы закреплены в уголовном кодексе Донецкой Народной Республики.

По УК Узбекистана покушением на преступление признается «начало совершения умышленного преступления, не законченного из-за обстоятельств, которые не зависят от лица» (ч. 2 ст. 25) [10, с.66]. Норма о покушении на преступление, которая закреплена в УК Узбекистана, отличается новаторским подходом, поскольку она дает представление о развитии преступных деяний во времени и наиболее точно характеризует объективную сторону деяния, определив покушение на преступление «началом совершения преступления». Данное положение, по мнению автора, также позволяет четко разграничивать приготовление к преступлению от покушения на преступление.

Заслуживают внимания и положения УК Франции. Статья 121-5 УК Франции предусматривает: покушение имеет место тогда, когда явно выраженное началом исполнения, оно было прервано или его последствия не наступили только в силу обстоятельств, не зависящих от воли исполнителя [11, с. 40]. Итак, покушение на преступление определяется во французском уголовном праве как начало исполнения преступного деяния при отсутствии добровольного отказа. Для покушения обязательные следующие элементы: 1) начало исполнения преступного деяния (материальный элемент) и 2) отсутствие добровольного отказа (моральный элемент). По УК Франции уголовно наказуемым является покушение на любое преступление, однако покушение на проступок наказывается только в тех случаях, когда это прямо предусмотрено уголовным законом.

В теории, кроме покушения, выделяют также преступное деяние, которое не произошло, и невозможное преступное деяние. Первое означает, что исполнитель сделал все, что было необходимо для совершения преступного деяния, но не достиг своей цели из-за ошибки или в силу других причин. Невозможное преступное деяние – это деликт, который был изначально неосуществленным в силу неполноценности предмета посягательства, средств, которые использовались или способов совершения, о чем исполнителю не было известно. Теория предлагала различать невозможность абсолютную, которая должна исключать уголовную ответственность, и невозможность относительную, которая приравнивалась бы к обычному покушению. Однако такая позиция была отвергнута решением Кассационного суда Франции от 9 ноября 1928 г., который вынес обвинительный приговор, вынесенный за проведение аборта в условиях абсолютной невозможности (небеременная женщина). Тогда в теории предложили ввести различие между юридической невозможностью, когда отсутствует какой-либо признак преступного деяния, предусмотренного законом (например, «убийство» умершего человека), и невозможностью фактической (стрельба из незаряженного оружия). Уголовная ответственность наступала бы только в случае фактической невозможности. Но Кассационный Суд в постановлении от 16 января 1986 года отметил, что для характеристики покушения на умышленное убийство не имеет значение, умер пострадавший или нет, ведь это обстоятельство не зависит от воли исполнителя. Впрочем, есть и другие примеры: суды освобождали от уголовной ответственности лиц, причинивших «смерть» по неосторожности или оставлении в опасном состоянии пострадавшего, который уже был мертвым [12, с. 99-100].

Выводы. Таким образом, уголовные кодексы иностранных государств предусматривают нормы об ответственности за совершение покушения на преступление. На основании анализа проведена классификация уголовного законодательства зарубежных государств в зависимости от законодательного закрепления понятия покушения на преступление.

В зависимости от законодательного закрепления понятия покушения на преступление уголовное законодательство иностранных государств классифицируется на: а) уголовные кодексы иностранных государств, в которых понятие покушения на преступление не раскрывается; б) уголовные кодексы иностранных государств, в которых покушение на преступление трактуется как «начало исполнения состава преступления»; в) уголовные кодексы иностранных государств, которые характеризуют покушение на преступление путем закрепления основных его признаков.

В зависимости от законодательного определения и закрепления причин, по которым преступление не доводится до конца, уголовные кодексы зарубежных государств можно разделить на: уголовные кодексы, в которых не указываются причины недоведения преступления до конца; уголовные кодексы, в которых в качестве причин недоведения преступления

до конца выступают случайные обстоятельства; уголовные кодексы, в которых указано на недоведение преступления до конца в силу обстоятельств «которые не зависят от личности» или «которые не зависят от воли виновного».

Список литературы

1. Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. – 353с.
2. Уголовный кодекс ФРГ. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 524 с.
3. Уголовный кодекс Австрии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 352 с.
4. Уголовный кодекс Испании. - М.: Издательство Зерцало, 1998. – 218 с.
5. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть. Учебное пособие / Под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Омега-Л, 2003. – 576 с.
6. Уголовный Кодекс КНР / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., Изд-во «Юридический Центр Пресс», 2001. – 226 с.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Принят Палатой представителей 2 июня 1999 года. Одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года / Перевод Б.В. Волженикина; Обзорная статья А.В. Баркова. – СПб., 2001. – 154 с.
8. Уголовное право на современном этапе. Проблемы преступления и наказания / под ред. Н.А. Беляева, В.К. Глистина, В.В. Орехова. – СПб: Изд-во С.-Пб. ун-та, 1992. – 608 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / [В.М. Лебедев, Ю.И. Скуратинов]; под общ. ред. д.ю.н., Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева и д.ю.н., проф. Ю.И. Скуратинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во НОРМА, 2002. – 960 с.
10. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. – СПб., 2001. – 143с.
11. Крылова Н.Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. – М., 1996.- 324 с.
12. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / [В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина]; под ред. В.Н. Кудрявцева, С.Г. Келиной. – М.: Наука, 1987. – 275 с.

УДК 343.98.06

А.М. Моисеев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедры криминалистики, Донбасской юридической академии (г. Донецк)

(e-mail: moiseev.prof@gmail.com)

С.В. Кондратюк, преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс» Институт права, Тольяттинский государственный университет (Россия, г. Тольятти)

(e-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru)

КОМПОНЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ В ЭКСПЕРТНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ

Рассмотрена профилактическая работа эксперта в системе профилактической деятельности следственных и судебных органов. Показана эффективность технологического подхода к осуществлению экспертной профилактики. Конкретизировано место профилактики в экспертных технологиях. Уточнены ее определение и признаки.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, профилактика, экспертные технологии, профилактические исследования.

Moiseev A.

Kondratuk S.

COMPONENT OF PREVENTION IN EXPERT TECHNOLOGIES

Are the preventive work of an expert in the system of preventive activities of investigative and judicial authorities Considered. The effectiveness of the technological approach to the implementation of expert prevention. Is shown Place of prevention in expert technologies is Specified. Its definition and characteristics are clarified.

Key words: criminal justice, prevention, expert technologies, preventive research.

Постановка проблемы. Профилактическая деятельность органов досудебного следствия и суда связана с экспертной профилактикой. Различные аспекты этой деятельности были исследованы в работах В. Д. Арсеньева, Р. С. Белкина, Г. И. Грамовича, Г. М. Меретукова, Ю. К. Орлова, И. Л. Петрухина, А. Р. Шляхова и других. Экспертной профилактике как составляющей части следственной (судебной) профилактической деятельности уделяли внимание отечественные ученые-криминалисты, такие как Т. В. Аверьянова, А. И. Винберг, Ф. Э. Давудов, В. Ю. Шепитько и др. В соответствии со ст. 23 УПК Донецкой Народной Республики, орган дознания, следователь, прокурор и суд в процессе уголовного судопроизводства обязаны выявить причины и условия, способствовавшие совершению преступления [1]. Между тем, в профилактической деятельности следователя и суда возникают трудности, связанные с их недостаточной компетентностью в определенных вопросах. В связи с этим возникает необходимость в применении специальных знаний. Поэтому экспертные профилактические исследования, осуществляемые в рамках профилактической работы следователя (суда), представляют содержание экспертной профилактики. В специальной литературе судебную экспертизу признают одним из важных средств определения причин и условий, способствовавших совершению преступлений. Экспертная профилактика на сегодня приобретает значение, с учетом развития квалифицированных форм противодействия расследованию [2]. Средством оптимизации применения специальных знаний в

судопроизводстве называем экспертные технологии. Они распределены на стадии и этапы, в соответствии с объемом решаемых задач [3]. Однако, место профилактических исследований в них не конкретизировано. Актуальным остается усовершенствование участия экспертов в профилактической деятельности следователя (суда). Для достижения этой цели представляется целесообразным рассмотрение проблем экспертной профилактики.

Цель работы формулируем как определение места экспертной профилактики в структуре экспертных технологий.

Обсуждение. Экспертную профилактику следует понимать как систему мер по применению специальных знаний в профилактической деятельности органов досудебного следствия и суда. Ее составляющим компонентом является экспертное профилактическое исследование как процесс изучения экспертом объектов, что поступают от органов следствия (дознания, суда), в аспекте профилактических заданий, разрешаемых ими с помощью экспертизы. Экспертиза по вопросам профилактического характера может быть назначена специально, вопросы же относительно причин и условий, способствовавших совершению преступления, могут быть поставлены эксперту одновременно с другими. Вопрос о способствовавших преступлению причинах и условиях имеет самостоятельный характер относительно основных вопросов, поставленных перед экспертом [4]; они касаются только тех обстоятельств, для установления которых необходимы специальные знания. В постановлении о назначении экспертизы должны быть тщательно изложены факты, которые могут иметь значение для выявления таких обстоятельств, а также для разработки рекомендаций относительно их превенции, а также представленные все необходимые объекты и материалы для установления обстоятельств профилактического характера. В вопросах эксперту могут фигурировать конкретные обстоятельства, которые, по мнению следователя, могли способствовать совершению правонарушения и должны быть исследованы им. Если вопрос сформулирован в общей форме, то эксперт должен, применяя свои специальные знания, инициативным образом выявить обстоятельства профилактического характера. Инициативность эксперта означает его активное отношение к разрешению заданий в аспекте расследуемого дела. Потому, как замечают ученые, на сегодня проблемным остается низкая эффективность работы по предотвращению преступлений, проводимому судебными экспертами. Это вызвано как недооценкой возможностей этого направления профилактической деятельности со стороны судебно-следственных органов, так и отсутствием инициативы непосредственно экспертов.

В научной литературе криминалистического направления отсутствует единый подход относительно права эксперта по собственной инициативе устанавливать причины и условия, способствовавшие совершению преступления. При этом необходимо учитывать, что прямых указаний

относительно обязанности судебно-экспертных учреждений и экспертов выявлять такие причины и условия, а также давать рекомендации профилактического характера уголовно-процессуальный закон не содержит. Между тем, процессуальный порядок дачи профилактических рекомендаций может быть связан с правом эксперта на инициативу. То есть, в случаях, когда он выявит факты, имеющие значение для дела, и по поводу каких ему не было поставлено вопросов, он может указать на них в своем заключении. По нашему мнению, эксперт оказывает существенную помощь следователю и суду в выявлении причин и условий, способствовавших совершению преступления. Оставаясь в пределах собственных специальных знаний, в отдельных случаях он может указать на возможность повторения аналогичных преступлений в будущем, если указанные им криминогенные факторы останутся неустраненными. Именно поэтому работу по выявлению обстоятельств профилактического характера и дачи предложений об их учете в профилактической деятельности правоохранительных и иных государственных органов эксперту необходимо выполнять не только по заданию следователя, а и по собственной инициативе. Обеспечение такого порядка проведения профилактических исследований возможно путем отражения его в экспертных технологиях.

К проблемным вопросам следует отнести и соотношение предмета профилактической деятельности следственных (судебных) органов и предмета экспертной профилактики. Экспертная профилактика, по мнению Р. С. Белкина, – это деятельность эксперта, который при проведении экспертных исследований выявляет обстоятельства, которые способствовали (могли способствовать) совершению преступлений [5, с. 176.]. Возможность применения специальных знаний с профилактической целью поддерживают многие ученые. Заслуживает внимания представление о предмете экспертной профилактики: к нему относят закономерности, способствовавшие совершению преступления или иного социально опасного деяния, по поводу которого ведется расследование. Также к предмету экспертной профилактики относят обстоятельства, усложняющие совершение иных аналогичных преступлений, если учесть их в профилактической деятельности следственных и судебных органов. В предмет экспертной профилактики включают и закономерности предотвращения преступлений (иных социально опасных деяний) путем применения специальных знаний [6]. Таким образом, предмет экспертной профилактики характеризуется определенной автономностью относительно предмета иных экспертных исследований.

Профилактическая деятельность следователей направлена на выявление причин и условий, способствовавших (или которые могли способствовать) совершению преступления. Однако, в таком смысле предмет следственной (судебной) профилактики выходит за пределы компетенции эксперта. Действительно, причины и условия, о каких упоминается в ст. 23 УПК ДНР, в научной литературе трактовано таким образом. Причины конкретного преступления – это активные факторы, которые вызывают у определенного

лица интересы, мотивы для его совершения. Условия, способствующие совершению преступления, – это пассивные факторы, составляющие его окружающую обстановку. Объективными условиями преступности принято считать социальные противоречия, которые непосредственно не зависят от поведения и воли населения [7]. Очевидно, что в таком смысле причины и условия преступления не соответствуют предмету экспертизы, определенному как факты и обстоятельства, связанные с событием преступления [8; 9]. Потому противоречивым остается отнесение к предмету экспертизы причин и условий, способствовавших совершению преступления, поскольку вопрос относительно них неразрывно связан с уголовно-правовой характеристикой деяния [10].

В ходе исследования объекта эксперт выделяет в нем признаки, соответствующие его специальным знаниям, и изучает их в аспекте задания, определенного следователем (судом). В экспертной практике признаком принято понимать как свойство, присущее определенному объекту, которое выявляет себя вследствие применения средства специального исследования [11, с. 217]. В структуре исследуемого объекта присутствуют признаки, связанные с обстоятельствами, способствовавшими совершению преступления. Информирование экспертом следователя (суд) о существовании таких признаков открывает новые возможности в профилактической деятельности. Поэтому мы предлагаем определить предмет экспертных профилактических исследований как комплекс признаков, которые могут свидетельствовать о благоприятных условиях для совершения преступления, а также других правонарушений. Такие признаки, поскольку они устанавливаются в рамках задач экспертной профилактики, предлагаем обозначить как признаки профилактического характера.

При проведении исследования представленного объекта эксперт выделяет в нем комплекс признаков, содержащих информацию о событии преступления. Такие возникают вследствие воздействия события преступления, в результате чего свойства исследуемого объекта изменяются. Потому можно утверждать, что информацию об обстоятельствах преступления содержат те признаки, которые составляют разницу между совокупностью признаков, которую имел объект до этого воздействия, и совокупностью признаков, имеющейся в объекте на момент исследования. Выявление таких признаков возможно путем анализа несовпадений исследуемого объекта с эталоном, являющимся аналогом этого объекта, и который еще не подвергся изменению вследствие воздействия события преступления. Сведения о таких установленных в процессе экспертного исследования признаках, содержащих информацию об обстоятельствах преступления и на какие указывает эксперт в заключении, будут полезными следователю (суду) в его профилактической деятельности. Заметим, что, в силу специального характера, такие исследования эксперт проводит в инициативном порядке.

В соответствии с таким понимаем роли эксперта в профилактической деятельности правоохранительных и иных государственных органов, мы предлагаем трактовать экспертные профилактические исследования как инициативное установление экспертом признаков профилактического характера в процессе исследования объекта, представленного следователем (судом) или иным органом, назначившем экспертизу. Особенность предложенного определения состоит в уточнении цели проведения экспертных профилактических исследований – это выявление профилактических признаков, в отличие от «установления обстоятельств, способствовавших (которые могли способствовать) преступлению», по определению экспертной профилактики, общепринятому до настоящего времени. Термин «признаки профилактического характера (профилактические признаки)», содержащийся в предложенном определении, отвечает компетенции эксперта, потому что эти признаки он устанавливает путем сопоставления исследуемого объекта с эталонными моделями, построение которых также происходит с помощью проведения экспертных исследований. Позитивный эффект такого подхода к пониманию предмета экспертных профилактических исследований состоит в следующем. Следователь (суд) не всегда может предусмотреть наличие некоторых существенных признаков в объекте, представляемом на экспертизу, и соответственно этому правильно поставить вопрос эксперту. Профилактические задания эксперту предлагаем сформулировать в экспертных технологиях. При этом цель профилактического исследования представленного эксперту объекта определяем как установление таких признаков объекта, которые отличают его от эталонного. Полагаем, что исследуемый объект приобрел изменения вследствие события преступления. Такие приобретенные признаки объекта трактуются нами как профилактические признаки, то есть такие, что могут свидетельствовать о факте преступления или его обстоятельствах. Новизна предложенного подхода состоит в применении технологических схем профилактического исследования, в которых предусматривается направленная работа эксперта и других участников экспертной технологии (руководителя судебно-экспертного учреждения, руководителей подразделений, где выполняется экспертное профилактическое исследование, и т.п.). До настоящего времени основанием для проведения профилактических исследований была собственная инициатива эксперта.

Таким образом, проблему повышения эффективности экспертной профилактики предлагаем решать путем включения заданий профилактического характера в структуру экспертных технологий. Тогда понимание экспертной инициативы сводится к реализации права эксперта указывать на факты и обстоятельства, выявленные при проведении экспертизы, и имеющие значение для дела и по поводу которых ему не были поставлены вопросы. Экспертная инициатива оказывается включенной в структуру экспертных технологий. Предмет экспертных профилактических

исследований трактуем как установление признаков профилактического характера.

Проведение профилактических исследований считается профессиональной обязанностью эксперта. Ознакомление с содержанием экспертных методик показывает, что многими из них не предусмотрены исследовательские процедуры, направленные на установление обстоятельств профилактического характера путем экспертного исследования представленных объектов. Такая ситуация устраняет из поля зрения экспертов необходимость их участия в установлении указанных обстоятельств. По нашему мнению, такое положение снижает эффективность экспертизы в профилактической деятельности правоохранительных и иных государственных органов. Включение экспертных профилактических исследований в структуру экспертных технологий выводит постановку профилактических заданий на обязательный уровень при проведении экспертиз в судебно-экспертных учреждениях. Но, при этом остаются нерешенными отдельные проблемы организационного и методического характера.

Экспертные профилактические исследования проводят при выполнении экспертиз по заданию следователя (суда), однако такие исследования могут осуществляться и по собственной инициативе эксперта. Место таких исследований в структуре экспертных технологий до сих пор не определено, что снижает их результативность, поскольку не предполагает участие иных участников экспертных технологий (руководителя судебно-экспертного учреждения, его заместителя, иных лиц руководящего состава судебно-экспертного учреждения) в их организационном обеспечении. Определим место экспертной профилактики на стадиях экспертных технологий.

На подготовительной стадии экспертных технологий в случае поступления в судебно-экспертное учреждение материалов на экспертизу и назначения эксперта-исполнителя (комиссии экспертов) руководитель судебно-экспертного учреждения изучает материалы, представленные на экспертизу, с целью выявления возможности проведения профилактических исследований. Если это представляется целесообразным, руководитель судебно-экспертного учреждения поручает эксперту (комиссии экспертов) проведение экспертизы и рекомендует возможное проведение профилактического исследования представленных объектов.

На рабочей стадии экспертных технологий эксперт проводит профилактические исследования, при этом он руководствуется соответствующими экспертными методиками. В результате этих исследований подлежат выявлению признаки профилактического характера. Авторы предлагают такой алгоритм профилактического исследования, которое проводит сотрудник судебно-экспертного учреждения:

1. Уяснить задание экспертизы, ознакомиться с представленными вещественными доказательствами, материалами дела, оценить возможность их оценки в профилактическом плане.

2. При необходимости ознакомиться с соответствующими нормативными актами, методическими указаниями, литературными источниками, материалами ранее проведенных экспертиз, профилактическими обстоятельствами, накопленными в экспертном учреждении и имеющими непосредственное отношение к разрешению очерченного задания.

3. Выдвинуть на основе полученных данных предположения о возможных направлениях профилактической работы, обстоятельствах, на какие необходимо сосредоточить внимание.

4. Осуществить раздельное исследование представленных объектов, в плане установления обстоятельств, способствовавших правонарушению. При необходимости рекомендовано использовать технические средства, проводить эксперименты, фотосъемку. Если в деле подвергнуто исследованию значительное количество объектов, представляется целесообразным в процессе специальной работы фиксировать повторяющиеся нарушения, что позволит должным образом их сгруппировать. Тут же фиксируются данные, свидетельствующие о необходимости сравнительного исследования объектов. При исследовании эксперт должен учитывать сведения, содержащиеся в криминалистической и иной специальной литературе, а также почерпнутые из экспертной практики. Все это позволит ему выявить конкретные типичные обстоятельства профилактического характера.

5. В случае необходимости, на месте ознакомиться с конкретными особенностями обстоятельств события и отдельных объектов; истребовать дополнительные материалы.

6. Провести необходимые сравнительные исследования.

7. Оценить результаты исследования, с целью выявления обстоятельств, способствовавших правонарушению, и разработать рекомендации по их устранению.

8. Оформить результаты исследований [4].

По нашему мнению, такая позиция остается приемлемой, а приведенный алгоритм в достаточной степени отображает содержание экспертных профилактических исследований. Поэтому мы относим этот алгоритм к рабочей стадии экспертных технологий.

Заключение эксперта составляется в обычной форме, но в исследовательской части подлежат описанию свойства исследуемого объекта, которые, по мнению эксперта, могли способствовать совершению преступления. Также в заключении эксперта освещается ход и результаты экспериментов, если их проводили в процессе профилактического исследования, по завершению которых эксперт разрабатывает профилактические рекомендации. Результаты профилактической работы обычно излагают в последнем пункте исследовательской части заключения эксперта. Они поступают к руководителю судебно-экспертного учреждения, осуществляющему контроль за оформлением заключения эксперта.

На этапе формулирования экспертных выводов рабочей стадии экспертных технологий результаты экспертных профилактических исследований могут быть включены в заключение эксперта или представлены дополнительным документом – профилактическими рекомендациями. Заключение эксперта вместе с профилактическими рекомендациями высылают следователю (суду) с просьбой уведомить судебно-экспертное учреждение о принятых по результатам экспертных профилактических исследований мерах профилактического характера.

На стадии сопровождения результатов экспертизы отправленные профилактические рекомендации находятся на контроле у руководителя судебно-экспертного учреждения до получения ответа от следователя (суда). Если ответ не поступает в течение длительного времени, следователю (суду, иному органу, назначившему экспертизу) отправляют напоминание.

На стадии формулирования выводов эксперт оформляет профилактические рекомендации следователю (суду, иному заказчику экспертизы).

На стадии экспертных технологий сопровождения экспертом составленного заключения, в ходе допроса эксперта он может давать пояснения следователю и суду относительно выработанных профилактических рекомендаций [12].

Вывод. Таким образом, уточнено содержание понятия экспертной профилактики, определено понятие признаков профилактического значения. Экспертная профилактика является частью профилактической деятельности следствия (суда), других государственных органов. Экспертная профилактика включена во все стадии экспертных технологий. На рабочей стадии она представлена конкретным алгоритмом. Сопровождение результатов своей профилактической работы осуществляется экспертом путем пояснений и дополнений в ходе допроса эксперта.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный Кодекс Донецкой Народной Республики № 240-ІНС от 10.09.2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>

2. Меретуков Г. М., Лунина Е. С., Бирюкова С. Н. Криминалистическая профилактика по конкретному уголовному делу о незаконном обороте наркотиков // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. – № – 128. – С. 837-854.

3. Моисеев А. М. Судебно-экспертная технология как средство объективизации следовой картины преступления // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб.науч.трудов. № 2 (38) / ГУ «Центр судебных экспертиз и криминалистики министерства юстиции

Республики Беларусь». Отв.ред. И. А. Силивончик. – Мн. : Право и экономика, 2015. – С. 58-63.

4. Фридман И. Я. Использование данных судебной экспертизы для предупреждения правонарушений. – К., РИО МВД УССР, 1972. – С.72-73.

5. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. – М. : Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.

6. Петрухин И. Экспертиза и предупреждение преступлений // Социалистическая законность. – М., 1966. – № 2. – С. 59-61.

7. Козявин А.А. Основы теории социального назначения и функций уголовного процесса. // Учебное пособие. – Курск, 2013. – 316 с.

8. Прохоров-Лукин Г. В. Предмет судебной экспертизы и общие основания деления экспертных задач на категории // Криминалистика и судебная экспертиза. – К. : МЮ Украины, 2001. – Вып. 50. – С. 3-15.

9. Сегай М. Я., Стринжа В. К. Судебная экспертиза материальных следов-отображений (проблемы методологии). – К. : «Ин Юре», 1997. – С. 19-23.

10. Арсеньев В. Д. Соотношение понятий предмета и объекта судебной экспертизы // Проблемы теории судебной экспертизы : сб. науч. трудов. – М. : ВНИИСЭ, 1980. – Вып. 44. – С. 9-14.

11. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. – М. : Норма, 2006. – 480 с.

12. Моисеев А. М. Разъяснение вывода комплексной экспертизы экспертом в суде // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях: материалы VII Международной научно-практической конференции 9 ноября 2018 г. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 124-129.

УДК 343.1; 343.98

А. М. Моисеев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Донбасской юридической академии (г. Донецк) (e-mail: moiseev.alex@i.ua)

ЭКСПЕРТНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА

Рассмотрены вопросы технологий производства судебных экспертиз. Показана перспективность внедрения экспертных технологий в практику уголовного судопроизводства. Конкретизирована структура экспертных технологий. Предложено научное определение понятия экспертных технологий в судебной экспертизе, уточнены их цели и задачи.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебная экспертиза, экспертное учреждение, экспертные технологии, судебный эксперт.

Moiseev A.

EXPERT TECHNOLOGY IN JUDICIAL EXAMINATION: CONCEPT AND STRUCTURE

The issues of technology of forensic examinations, conducting are studied. The prospects for the implementation of expert technologies in the practice of criminal justice are shown. The structure of expert technologies is specified. A scientific definition of the concept of expert technologies in forensic examination is proposed, their goals and objectives are clarified.

Key words: criminal justice, forensic examination, expert institution, expert technologies, forensic expert.

В настоящее время в практику судебной экспертизы внедряется технологический подход. Применению экспертных технологий в судебной экспертизе уделяли внимание Р. С. Белкин, А. М. Зинин и Н. П. Майлис, В. Я. Колдин и О. А. Крестовников, С. М. Плешаков, М. Я. Сегай и В. К. Стринжа и др. Однако, остаются дискуссионными вопросы относительно научного определения понятия экспертных технологий, их структуры и решаемых с их помощью задач.

Цель статьи формулируем уточнение понятия и конкретизацию структуры судебно-экспертных технологий, установление ее целей и задач.

Обсуждение.

В современной криминалистке технологии определяют как упорядоченную совокупность действий субъекта расследования [1, с. 365]. Они применяются для управления ресурсами, имеющимися в наличии в следователя, для обеспечения эффективности его работы в конкретных условиях. Поэтому управленческое значение и процедурный характер технологий можно принять за их существенный признак.

Современное развитие судебной экспертизы ученые связывают с технологиями компьютерными и информационными [2]. Что касается экспертных технологий в судебной экспертизе, то впервые это понятие было определено как а) совокупность правил, приемов и средств наиболее рациональной и эффективной организации проведения судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях; б) описание технологических схем, процессов, карт; в) разработка общих и частных положений по последующему совершенствованию указанных правил, приемов, способов, технологических схем, процессов, карт [3, с. 3]. Другие авторы подчеркивают, что на современном этапе развитие экспертных технологий связано с информатизацией экспертной практики. Применение информационных сетей направлено на усовершенствование деятельности судебно-экспертных учреждений за счет создания условий для работы комиссий экспертов в форме телекоммуникационной конференции [4], или дистанционного участия эксперта в судебном заседании [5]. Таким образом, технологизация – закономерный процесс, направленный на повышение результативности экспертной деятельности.

Существуют различные взгляды на содержание понятия экспертных технологий. Так, одни авторы расширяют это понятие на следственную и оперативно-розыскную деятельность [6]. В систему экспертной технологии

они включают познавательные и организационные операции, а также следственные, судебные, оперативно-розыскные и другие приемы и способы разрешения «экспертных ситуаций» [7, с. 278]. В круг субъектов экспертных технологий включают следователя, суд, других участников уголовного судопроизводства. Однако, по нашему мнению, нельзя признать целесообразным включение элементов следственной (судебной, оперативно-розыскной) работы в экспертные технологии, поскольку эксперт не проводит следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Приведенное мнение нельзя принять за основу при построении определения экспертных технологий в судебной экспертизе. Расширение круга субъектов экспертной технологии приводит к утрате ее направленности на производство экспертиз.

По мнению других авторов, экспертная технология – это деятельность соответствующих субъектов по организационному, научно-методическому, информационному и материально-техническому обеспечению экспертного производства, а также деятельность экспертов по исследованию объектов [8, с. 9]. Однако, понятие технологии нельзя определять как «деятельность». Технология – это алгоритм, содержащий последовательность операций. Также, она включает средства управления и критерии оптимизации судебно-экспертной деятельности. Поэтому нельзя признать верным вышеприведенное представление об экспертных технологиях в судебной экспертизе. Субъектом экспертных технологий является только судебный эксперт. Другие участники экспертных технологий, в том числе и руководитель судебно-экспертного учреждения, а также следствие, суд выполняют вспомогательную роль относительно проведения экспертизы, обеспечивая эксперта требуемыми ресурсами и создавая ему необходимые условия. Руководитель судебно-экспертного учреждения выполняет и контролирующую функцию, однако она сводится к администрированию, без вмешательства в процесс производства экспертизы.

На основе анализа содержания судебно-экспертной деятельности выполним выделение признаков экспертных технологий, которые представляются существенными для определения этого понятия. В их структуре можно обозначить элементы организационного, кадрового, научно-методического и материально-технического обеспечения работы по решению определенного задания. Принимая такой подход, признаком экспертных технологий можно назвать их принадлежность к судебно-экспертной деятельности. Работа эксперта обеспечивается и другими сотрудниками судебно-экспертного учреждения (например, руководитель судебно-экспертного учреждения выполняет организационную функцию относительно проведения экспертизы, а сотрудники вспомогательного состава судебно-экспертного учреждения обеспечивают эксперту необходимые условия технического характера). Таким образом, признак принадлежности к экспертному производству отражает юридические, управленческие, субъектные свойства экспертных технологий, а также специфику заданий, для разрешения которых их применяют.

Деятельность судебного эксперта направлена на обеспечение правосудия объективными и достоверными результатами экспертиз [9]. Эти результаты можно определить как факты и обстоятельства, устанавливаемые применением экспертных методик, а также как рекомендации профилактического характера, предоставляемые следователю. Иными словами, результаты экспертных исследований содержат информацию, которая имеет значение для судебно-экспертной, следственной и судебной деятельности. Тогда признаком экспертных технологий, вытекающим из их принадлежности к деятельности эксперта, становится специфическое задание их использования – обеспечение максимального объема объективной и достоверной информации, извлекаемой и обрабатываемой в процессе экспертного производства и имеющей значение для принятия верного решения по делу следователем (судом). Таким образом, существенным признаком экспертных технологий становится их информационный характер.

Экспертные технологии входят в систему средств, используемых судебными экспертами в ходе разрешения поставленных задач. Экспертные технологии имеют собственную структуру, но одновременно принадлежат и к системе судебно-экспертной деятельности, то есть, входят в состав другой системы относительно высокого уровня. Поэтому экспертные технологии можно представить как подсистему судебно-экспертной деятельности. В их состав целесообразно включить блоки кадрового обеспечения; формирования заданий на экспертное исследование; выбора экспертных методов и экспертных методик; материально-технического обеспечения; формирования экспертных выводов и заключения эксперта.

Необходимость блока формирования заданий в экспертных технологиях состоит в том, что следствие, суд, другие органы, назначающие экспертизу, ввиду отсутствия специальных знаний не всегда в полной мере могут предусмотреть все возможности экспертного исследования представленного объекта. Поэтому конкретизация, уточнение и дополнение полученного задания часто происходит по инициативе самого эксперта.

Блоки кадрового обеспечения, выбора экспертных методов и экспертных методик, материально-технического обеспечения содержат управленческие ресурсы для результативного применения частных экспертных методик, выбора оптимальных средств выполнения заданий. Экспертные технологии должны обеспечивать в практической судебно-экспертной деятельности применение наиболее эффективных и экономически обоснованных методик исследования объектов судебной экспертизы. Поэтому элементом в блоке выбора экспертных методов и экспертных методик в экспертных технологиях становится набор критериев, в соответствии с которыми судебный эксперт выбирает оптимальный путь, исходя из принципов полноты и всесторонности исследования, и, вместе с этим, учитывая приоритетность неразрушающих экспертных методик. Управление ресурсами для обеспечения результативного применения

частных экспертных методик составляет операционную часть экспертных технологий.

Формирование экспертных выводов и оформление заключения эксперта по результатам исследований – завершающий блок экспертных технологий. Его включение в структуру экспертных технологий обусловлено необходимостью доступной – для следователя (суда), а также других участников уголовного судопроизводства, не владеющих специальными знаниями, – формы описания хода и результатов экспертного исследования. Поэтому блок формирования экспертных выводов и заключения эксперта занимает свое место в экспертных технологиях.

Можно сказать, что экспертная технология является элементом структуры судебно-экспертной деятельности по производству экспертиз. Однако, и она также структурирована, причем структура судебно-экспертной деятельности и структура экспертных технологий взаимосвязаны и взаимообусловлены. Такое объединение внешней (судебно-экспертная деятельность) и внутренней (экспертная технология) структур определено как системность [10, с. 463-464]. Изложенное дает основания для вывода, что экспертные технологии характеризуются признаком системности как отображения наличия их собственной структуры и их места в структуре средств судебно-экспертной деятельности.

Из юридической природы экспертных технологий определен их субъект – судебный эксперт. Принимая во внимание основные направления судебно-экспертной деятельности, считаем очевидным, что в применении экспертных технологий всегда участвует руководитель судебно-экспертного учреждения (или его заместитель по экспертной работе), руководитель подразделения, в котором эксперт выполняет поставленное задание. Представителей руководящего состава экспертного учреждения можно отнести к кругу участников экспертных технологий [11, с. 163]. Непосредственную работу по экспертному направлению проводят как отдельные судебные эксперты, так и комиссии экспертов (при выполнении комиссионных однопредметных и комиссионных комплексных экспертиз). Поэтому субъект (судебный эксперт, комиссия экспертов) становится признаком, отражающим юридическую природу, специфику заданий и структуру экспертных технологий.

Эффективность судебно-экспертной деятельности достигается путем оптимального применения имеющихся ресурсов судебно-экспертного учреждения, основными из которых можно назвать материальные, технические и финансовые, трудовые, интеллектуальные, нормативно-правовые. То есть, экспертные технологии предназначены для приспособления экспертной работы к реальным условиям, сложившимся в судебно-экспертном учреждении на данный момент. Если экспертные технологии содержат операции по оптимизации экспертного исследования, то в них должны быть предусмотрены правила по выбору методик, надежных и предназначенных для данных условия. В экспертной практике почти всегда

для разрешения любого экспертного задания существует несколько путей. Поэтому в структуру экспертных технологий необходимо включить блок критериев оптимизации выбора экспертных методик и порядка их применения. По этим критериям, которые могут быть различными в разных экспертных ситуациях, выбирается оптимальный путь (последовательность методик) решения экспертного задания. Экспертные технологии позволяют учитывать конкретные условия и ситуации, т.е. адаптировать к ним действия судебного эксперта. Таким образом, адаптивность становится признаком экспертных технологий, который отображает их оптимизирующую роль в судебно-экспертной деятельности.

На основании обобщения выделенных признаков, предлагаем сформулировать понятие экспертной технологии как системы рабочих операций, составляющих рациональные действия по оптимальному использованию судебным экспертом имеющихся ресурсов (материальных, технических и финансовых, трудовых, интеллектуальных, нормативно-правовых) для обеспечения достоверного, научно-обоснованного и аргументированного результата судебной экспертизы.

Структура экспертных технологий отображает процедуру выполнения экспертизы в судебно-экспертном учреждении. Ее можно распределить на последовательность стадий: подготовительную, на которой производится получение судебно-экспертным учреждением задания и материалов на экспертизу и приемка ее экспертом к исполнению; рабочую; стадию экспертного сопровождения заключения эксперта, на которой производится оценка результатов экспертизы следователем (судом), ознакомление с ними других участников уголовного процесса, допрос эксперта с целью получения от него разъяснений и дополнений по поводу предмета выполненной экспертизы, а также возможное использование результатов экспертизы в профилактической работе следователя (суда).

Выводы.

В результате исследования практики судебно-экспертной деятельности и анализа научных работ предложено уточненное определение понятия экспертных технологий в судебной экспертизе. Экспертные технологии позволяют учитывать конкретные условия и ситуации экспертной деятельности. Экспертные технологии структурированы на блоки кадрового обеспечения; формирования заданий на экспертное исследование; выбора экспертных методов и экспертных методик; материально-технического обеспечения; формирования экспертных выводов и заключения эксперта. Обоснованным можно признать положение о том, что структура экспертных технологий полной мерой отображает проведение экспертиз в экспертных учреждениях, от получения экспертным учреждением задания и материалов на экспертизу – до экспертного сопровождения заключения эксперта после передачи результатов следователю (другому органу, назначившему экспертизу).

Список литературы

1. Шмонин А. В. Методология криминалистической методики : монография / А. В. Шмонин. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 416 с.
2. Антонова Е. В. Правомерность использования компьютерных технологий при производстве экспертизы / Е. В. Антонова // Эксперт-криминалист. – М. : Юрист, 2008. – № 2. – С. 42-45.
3. Сегай М. Я. Актуальные проблемы экспертной технологии в условиях НТР / М. Я. Сегай, В. К. Стринжа // Криминалистика и судебная экспертиза. – К. : Вища школа, 1984. – Вып. 29. – С. 3-7.
4. Моїсєєв О. М. Взаимодействие экспертов при проведении комиссионных экспертиз / О. М. Моїсєєв // Правничий часопис Донецького університету. – № 1 (21) – 2 (22). – Донецьк, 2009. – С. 151-156.
5. Моисеев А.М. Дистанционный допрос специалиста (эксперта) в международных судебных инстанциях / А. М. Моисеев, А. М. Жигулин // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы IV международной научно-практической конференции, 28-29 апреля 2016 года, г. Симферополь-Алушта. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – С. 56-70.
6. Щербаковский М. Г. Содержание, свойства и функции экспертных технологий / М. Г. Щербаковский // Сучасні судово-експертні технології в уголовном и цивільному судопроизводстве : матеріали міжнародної науково-практичної конференції (м. Харків, 14-15 березня 2003 р.). – Х. : Вид-во Нац. ун-та внутр. справ, 2003. – С. 16-21.
7. Щербаковский М. Г. Принципы создания судебно-экспертных технологий / М. Г. Щербаковский // Актуальні проблеми криміналістики : матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Харків, 25-26 вересня 2003 р.). – Х. : Гриф, 2003. – С. 276-279.
8. Плешаков С. М. Современные экспертные технологии в деятельности судебно-экспертных учреждений России : автореф. дисс. на соискание научной степени канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. М. Плешаков. – Нижний Новгород, 2007. – 25 с.
9. Моисеев А.М. Судебно-экспертная технология как средство объективизации следовой картины преступления / А. М. Моисеев // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. трудов. № 2 (38) / ГУ «Центр судебных экспертиз и криминалистики министерства юстиции Республики Беларусь». Отв.ред. И. А. Силивончик. – Мн. : Право и экономика, 2015. – С. 58-63.
10. Большая советская энциклопедия (В 30 т.т.) / гл.ред. А. М. Прохоров. – Изд. 3-е. – М. : Советская энциклопедия, 1978. – Т. 23. – 575 с.
11. Аминев Ф. Г. Современные проблемы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и пути их решения / Ф. Г. Аминев. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 271 с.

УДК 34.01

А.К. Поправко канд. фил. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк).

А.А. Поправко ст. преподаватель, Донбасская юридическая академия (г. Донецк).

(popravkoalex@mail.ru)

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТРОЕНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Современное человечество вступило в новую фазу своего развития, связанную с формированием цифрового общества, основанного на инновационных методах генерирования, обработки, хранения, передачи информации, что открывает перед человеком неограниченные возможности для совершенствования и развития.

В то же время, технологический прорыв ставит во главу угла серьезную социальную проблему: способен ли человек и общество соответствовать все возрастающим требованиям, которые предъявляют система человек – наука – технологии – общество.

Ключевые слова: Цифровое общество, цифровизация, интернет, криптовалюта, киберпреступность, кибертерроризм, краудфандинг, философия права

Popravko A.K.

Popravko A.A.

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF DIGITAL SOCIETY CONSTRUCTION

Relevance of the research topic. Modern humanity has entered a new phase of its development, associated with the formation of a digital society based on innovative methods of generating, processing, storing and transmitting information, which opens up unlimited opportunities for people to improve and develop.

At the same time, a technological breakthrough puts at the forefront a serious social problem: whether a person and society are capable of meeting the ever-increasing requirements that the system man-science-technology-society makes.

Keywords: digital society, digitalization, internet, cryptocurrency, cybercrime, cyberterrorism, crowdfunding, legal philosophy.

Авторы в статье акцентируют внимание на философско-правовых аспектах становления цифрового общества и социальных последствий его цифровизации.

Важнейшим философско-правовым аспектом построения цифрового общества в России является тот факт, что это общество должно базироваться на самобытном цивилизационном коде с учетом процессов глобализации. Об этом чётко говорит российский философ Щипков А. В. отмечая, что в понятие цивилизационного кода входят компоненты идентичности в картине мира, народа, нации или цивилизации, которые выражают себя в разных

исторических ситуациях, при разных режимах, в разных культурных контекстах [5, с. 22]. Особенности русского цивилизационного кода – это православная этика и дух общественной солидарности [5, с. 23].

Это позволяет подойти к процессу формирования цифрового общества не на основе единых стандартов, что приводит к доктрине глобального доминирования и тормозит цивилизационное развитие отдельных народов. Технологически процессы цифровизации могут быть идентичны, но культурно - ценностное содержание, а значит и правовая составляющая должны существенно отличаться.

Исследованиям правовых аспектов формирования цифрового общества посвящены работы следующих российских ученых: Аносовой А.В., Волчинской Е.К., Власовой С.В., Данилова Н.А., Городова Н.А., Забузова О.Н., Евдокимова К.Н., Радченко М.И., Горбуновой В.П., Хабриевой Т.Я., Косокурова А.А.

Как юристы, так и философы права подчеркивают, что речь идет о «новом поколении» прав человека, регулирование которых окажет существенное влияние на жизнь человека и общества.

Функционирование этих прав, безусловно, потребует консенсуса между интересами властных структур и правами и свободами человека и гражданина. Что сделано для этого на данном этапе развития российского общества. В теоретическом плане разработана Концепция цифрового общества РФ, имеется предварительная классификация прав человека в цифровом обществе:

- авторское право на цифровые сущности;
- программное право;
- право использования цифровых (иных) криптовалют;
- право на доступ к информации цифрового государственного управления;
- право на защиту от киберпреступности, кибертерроризма в цифровой среде;
- право на участие в выборах на основе электронной цифровой демократии.

Следует отметить, что дискуссионным является вопрос об определении цифрового права, как совокупности электронных данных (цифровой код, смартконтент), которые удостоверяют права на различные объекты собственности. С точки зрения классической теории права «Право – это совокупность признаваемых и обеспеченных защитой государства нормативов равенства и справедливости» [4, с. 14]. Почему столь важно не отрываться от классической теории права. С точки зрения философии права речь идет о механизме реальной защиты прав человека, особенно в таком вопросе как право на собственность. Цифровые права должны базироваться на двух сущностных характеристиках права, как равенство и справедливость. Поэтому нельзя при рассмотрении феномена цифровых прав не уделить внимание таким понятиям, как «цифровое право и власть», «цифровое право

и правовая культура», «цифровое право как свобода и общественность». Если касаться первого блока понятий «цифровое право и власть», то защита частных сфер жизни от необоснованной их регламентации на основе закона является одной из важнейших характеристик гражданского общества. Цифровые права должны лежать в основе создания, коммуникационной системы, формирования каналов взаимодействия между государством и гражданским обществом. Правовая философия и правовая культура должна быть той мировоззренческой скрепой, на которой должно быть построено цивилизационное цифровое общество.

Нельзя не согласиться с мнением профессора Гребенькова Г. В. о том, что главные причины неразвитости структур гражданского общества «следует видеть в особенности ценностного содержания психологии наших граждан, включающей отсутствие в массе своих выраженных аксиологических детерминант на правовую активность, в отстаивании своих прав и законно-защищенных интересов; наличие традиции, детерминирующей государственно-патерналистскую установку правового сознания на организацию своей индивидуальной жизни, наличие нигилизма и скепсиса в возможности самостоятельной опоры на закон, защиты своих прав и интересов» [3, с. 75].

Об этом свидетельствует высокий уровень тонизации экономики: по данным Росстата до 35% находится в тени. 52% россиян имеют доходы менее 27 тысяч рублей в месяц, а разница в доходах между богатыми и бедными растет [6]. Переломить негативную тенденцию можно с помощью повышения прозрачности госуправления, что подразумевает цифровизацию сферы государственного управления и удаления ненужных бюрократических звеньев, воспитание цифровой культуры госслужащих и населения.

Необходимо, чтобы цифровые права опирались на нравственные нормы, через которые переступить нельзя. Особенно остро будет стоять проблема свободы и ответственности субъектов цифрового общества.

Философы права все больше и больше говорят о проблеме «цифрового барьера» или «цифрового разрыва», а, следовательно, цифрового неравенства. Выражение знаменитого философа Ф. Бэкона «Кто владеет информацией, тот владеет миром» как никогда актуально сейчас.

Доступ к компьютерным сетям «Интернет» - это основа успеха в цифровом обществе. Еще в 1997 г. Программа развития ООН ввела новое измерение бедности – информационное, определяющее возможность доступа к информации широких слоёв населения.

Поэтому, внесённые в Госдуму Российской Федерации законопроекты о «цифровых финансовых активах», о «краудфандинге» не должны усиливать неравенство в обществе, а сделать быстрым доступ предпринимателя к различным каналам информации, необходимой для успешной экономической деятельности.

Таким образом выстраивается следующая логическая цепь: компьютерная информация, цифровая аналитика, новое знание – производство.

Кардинальным способом должны в цифровом обществе измениться формы взаимоотношений граждан с государственными структурами. Функции муниципальных, федеральных, региональных учреждений могут быть эффективно реализованы через интернет. Цифровизация государственных структур, во-первых, должна сделать открытым доступ к информации, во-вторых, резко сократить бюрократические звенья для регулирования хозяйственной деятельности в целом, в-третьих, уменьшить в обществе коррупционную составляющую. Всё это позволит гражданам в определённой степени контролировать власть, материальное положение в экономике и социальной сфере.

Цифровые технологии, безусловно, окажут влияние на всю систему правосудия. Использование сети Интернет, новых информационных технологий дали старт новому виду преступлений – киберпреступности. Раскрытие таких преступлений не возможно традиционными методами. Специалисты говорят о необходимости кардинальной перестройки уголовно-процессуального механизма. Речь идёт, по мнению профессора Власовой С.В., о «модели электронного правосудия». С большей вероятностью можно ожидать в ближайшей перспективе создание общей платформы оказания государственных услуг, которые будут включать в себя «электронное правосудие» по уголовным делам. Профессор Власова С.В. считает «что следует отказаться от следственного стандарта формирования доказательств, так как современный следователь бессилён в раскрытии компьютерных преступлений, для этого необходим специалист в области информационных технологий, в частности инженер-программист» [2, с.9]. Это позволит уголовно-процессуальную фазу компьютерных преступлений считать судебным феноменом, построенным на принципе состязательности. Цифровая информация, представленная в электронном виде, должна быть принята судом при принятии процессуального решения, если аутентичность информации будет подтверждена в судебном заседании техническими средствами. Каждая из сторон, - пишет профессор Власова, в суде обязана по требованию другой стороны или суда открыть источник происхождения сведений, представленных в качестве доказательств, и обосновать отсутствие неправомерного вмешательства в содержание этих сведений во время владения информацией [6, с. 11].

Однако данная процедура уголовного процесса требует ряд уточнений.

Во-первых, главную роль в решении уголовного дела играет судья, который выносит решение исходя из принципа состязательности сторон, представляющих информацию (это может быть не только адвокат, но и любой гражданин, подавший заявление в суд). Если мы будем считать

некомпетентным, а тем более ненужной фигуру следователя, то сумеет ли судья объективно разобраться в тонкостях информационных преступлений.

Во-вторых, расследовать информационные преступления должен специалист по информационным технологиям, а не любой субъект судебного процесса, который сможет с помощью технических средств получать информацию о преступнике. В виду этого сомнительно ведение досудебного расследования специалистом-следователем по информационным технологиям.

В-третьих, пока рано говорить о том, что раскрытие преступления в сети Интернет, телекоммуникационных системах, информационных каналах связи будет в ближайшее время осуществляться технически интеллектуальными агентами, то есть роботами, правосубъектность которых не определена.

В-четвёртых, уголовное обвинение при цифровизации процесса в суде может представлять любое юридическое лицо против того, кого оно считает нарушившим закон, но это станет возможным, если цифровизация затронет все стадии уголовного процесса, как обвинение так и доказывание. В этом плане должна быть принята конкретная программа по механизму электронного правосудия.

Таким образом, с точки зрения философии права проблема цифрового общества включает несколько аспектов:

– технологический аспект, который означает доступ всего населения к информационно - коммуникационным системам с учётом специфики различных социальных групп (школьники, пенсионеры, инвалиды);

- финансовый аспект – возможность с помощью различных финансовых механизмов приобретать и обновлять информационно – коммуникационные системы;

- социальный аспект – определённым слоям населения, которые не могут оплачивать приобретение информационных средств, необходим коллективный доступ к цифровым системам;

- правовой аспект – гарантировать гражданам свободный доступ к информации всех уровней государственных структур, за исключением информации, составляющей гостайну, защиту цифровых авторских прав, конфиденциальную личную информацию пользователей интернета, установить чёткие правовые барьеры на основе национального и международного законодательства в борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом;

- культурный аспект – построение цифрового общества, в частности, в Российской Федерации, возможно на основе цивилизационного кода России, который включает православную этику и дух общинной солидарности. Ценностно-смысловая сущность правовой онтологии на основе цивилизационного кода означает такие качества как честность, порядочность, отсутствие жажды наживы в пользовании информационно-

коммуникационными системами. Это, безусловно, самая сложная задача формирования цифрового общества.

Возможны риски при формировании правовой системы цифрового общества, которые носят глобальный характер и затрагивают все сферы жизни и прежде всего, экономическую и социальную: высвобождение рабочей силы, сокращение занятости в административном аппарате, усиление расслоения общества, необходимость обучения в течение всей жизни. Остаётся много вопросов к открытости личной жизни в связи с виртуализацией коммуникаций, возможностями глобальной слежки в Интернете, киберпреступностью и кибертерроризмом. Необходим постоянный мониторинг ситуации и решение проблемы на региональном уровне. Требуется детальная проработка вопросов открытого правительства, открытого бюджета, открытого инвестирования, - без этого невозможно построить цифровое общество в целом. Особенно остро стоит вопрос о подготовке квалифицированных кадров, учитывая, что нынешняя система образования, особенно высшего, находится в кризисном состоянии, социальный статус учёных и преподавателей низкий. Подготовка специалистов для разных сфер цифрового общества потребует дополнительной конкретизации в направлении подготовки специалистов.

Как точно подметил философ права Гребеньков Г.В., «становление правового сознания применительно в полной мере к цифровому обществу представляет чрезвычайно трудную задачу, осложнённую тем фактором, что, во-первых, и поныне имеют место различия между декларированными в законах и законодательных актах принципами демократического устройства и развития государства и общества и теми нормами, которые реализуются в повседневной политической, экономической и социальной экзистенциальной практике. Во-вторых, решение проблемы зависит в силу низкого уровня правового образования и правового воспитания подавляющего числа граждан [3, с. 511].

Выводы. Цифровое общество – это не просто общество, где происходит колоссальное ускорение обработки информации во всех сферах жизни общества, но и совершенно иной вид материального производства, где существенную роль играет «нематериальный элемент» - знания. Оно включено во все компоненты производства: материалы, технологии, организацию всего производственного цикла.

Президент вольного экономического общества России, профессор Бодрунов С.Д. отмечает, что «изменения в технологиях материального производства приводят его к новому качеству производства, которое получило название «знаниеинтенсивное производство».

«Знаниеинтенсивное производство» и соответствующее ему «новосферное общество» (понятие предложенное В.Вернадским), потребует серьёзных изменений в правовой системе общества, правового регулирования «новых прав» человека.

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. 2018. № 7.
2. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности //Библиотека криминалиста. Научный журнал. - 2018. - № 1. - С. 9-18.
3. Гребеньков Г.В. Человек в правовом бытии Человек в правовом бытии: введение в правовую персонологию : монография / Г. В. Гребеньков; Министерство внутренних дел Украины, Донецкий юридический институт. -Науч. изд. - Донецк, Донецкий юридический институт МВД Украины, 2013. -540 с.
4. Лазарев В.В. Общая теория права и государства Учебник — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2001. — 520 с.
5. Щипков А.В. Понятие «код» в рамках современного цивилизационного подхода. Вопросы философии. М., «Наука» 2018, №7, с .19-27.
6. Статья о данных Росстата за 2018 год // [Электронный ресурс]- Режим доступа:<https://veptifinance.ru>.- (Дата обращения 30.10.2018).

УДК 342.72/.73

А.П. Финкина, старший преподаватель, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: any4170@yandex.ru)

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПАЦИЕНТА В ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

В статье рассмотрен правовой статус пациента по законодательству зарубежных государств. Проанализировано понятие «пациент», его отличие от схожих понятий, дано собственное определение понятия. Охарактеризованы виды прав пациента в зарубежном законодательстве, предпринята попытка классификации данных прав.

Ключевые слова: *пациент, больной, права пациента, охрана здоровья.*

Finkina A.

LEGAL STATUS OF THE PATIENT IN EUROPEAN STATES

The article describes the legal status of the patient according to the legislation of foreign countries. Analyzed the concept of "patient", its difference from similar concepts, given its own definition of the concept. The types of patient's rights in foreign legislation are characterized, an attempt has been made to classify these rights.

Keywords: *patient, invalid, patient rights, health care.*

Актуальность темы исследования. Здоровье человека – это его самое большое богатство. Приоритетное значение для любого современного государства имеет здоровье нации, так как оно является показателем

социального уровня, совершенства правовой системы в части обеспечения прав человека, а также финансового благосостояния государства. Право на охрану здоровья входит в систему важнейших общепризнанных прав человека. Степень ориентированности государства на улучшение здоровья граждан, комплексное совершенствование функционирования сферы здравоохранения является одним из главных показателей результативности социальной политики государства.

Сегодня вопросы обеспечения прав человека, в том числе, прав пациента имеют первостепенное значение для построения правового, демократического, социального государства.

Согласно Конституции человек, его права и свободы являются высшей ценностью в государстве. Особая значимость охраны здоровья нашла отражение в документах, принятых в рамках ООН. Декларация тысячелетия ООН, провозгласившая основные отрасли развития общества, половину из этих целей посвятила праву на охрану здоровья, как одному из неотъемлемых и наиболее важных прав человека. Определение правового статуса пациента, перечня его прав должно стать одним из этапов становления законодательства в сфере прав человека. В этом аспекте интересен опыт зарубежных государств, прошедших путь становления нормативной базы, закрепляющей права человека в целом, и права пациента в частности.

Исторический процесс формирования международной концепции прав пациентов начался с середины XX в. До этого отношения между медицинскими работниками и пациентами определялись, в основном, правилами медицинской этики.

Пациент – «ключевая фигура» медицинской деятельности, поскольку вся система здравоохранения функционирует именно для обеспечения его прав, свобод и законных интересов. В медицинской практике довольно часто происходит путаница между понятиями «пациент» и «больной». Больной – это биологический статус, который характеризует какие-либо отклонения от нормы в состоянии организма. Пациентом же всегда выступает только человек, и это не биологический, а уже правовой статус. Статус пациента автоматически приобретает любой человек, обратившийся за медицинской помощью.

Анализ научных исследований. Анализ правового статуса пациентов проводился следующими учеными: Н. Болотина, С. Булеца, В. О. Галай, В. В. Глуховский, Е. П. Жилыева, Г. Р. Колоколов, А. Леонтьев, Г. Я. Лопатенков, М. Малеина, И. М. Паращич, А. Н. Пищита, И. Я. Сенюта, З. С. Скалецкая, С. Г. Стеценко, Р. О. Стефанчук и др.

Целью статьи является анализ правового статуса пациента в европейских государствах.

Изложение основного материала. Исследовав основные международные стандарты в сфере прав пациентов, мы выяснили отсутствие единого определения понятия «пациент». Например, в Амстердамской

декларации о политике в области обеспечения прав пациента в Европе пациент обозначен здоровый или больной потребитель медицинских услуг [4]. Специальное определение пациента содержится в Принципах ООН защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи [13]. Здесь пациент определяется как лицо, которое получает психиатрическую помощь, в том числе лица, госпитализированные в психиатрическое учреждение.

Анализируя законодательную базу европейских государств, можно сделать вывод, что однозначность в понимании понятия «пациент» в нормативно-правовых актах этих стран также отсутствует. В Законе о правах пациентов Германии использовано понятие «потребитель медицинских услуг» – лицо, получающее медицинские услуги, – в неденежной или в денежной форме [5]. По законодательству Кипра, где права пациента включены в Хартию прав пациентов, пациент – это каждый человек, страдающий каким-либо заболеванием или пользующийся услугами здравоохранения [18, с. 62]. В Основах законодательства Украины «О здравоохранении» закреплено, что пациент – физическое лицо, которое обратилось за медицинской помощью и / или которому оказывается такая помощь [11]. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» дает следующее определение пациента – физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния [10].

В научной литературе имеет место плюрализм формулировки данного понятия. В части правового толкования понятия «пациент» рассматривает пациента не столько в роли человека, который страдает определенной болезнью и требует соответствующего лечения, сколько в роли специфического правового статуса, которым наделяется человек как участник правоотношений. Поэтому в юридической литературе под понятием «пациент» преимущественно понимают человека, обратившегося за медицинской помощью независимо от состояния своего здоровья или наличия какого-либо заболевания. При этом ряд ученых склонны считать, что подобное понимание указанного понятия является несколько суженным и правильным следует считать, когда под это понятие подпадает человек, обратившейся в лечебно-профилактическое заведение не только за медицинской помощью, но и за профилактической, диагностической помощью либо участвует как исследуемое лицо в клинических исследованиях лекарственного средства. В частности, Р. Стефанчук считает пациентом человека, который обратился в учреждения здравоохранения с требованием о предоставлении ему медицинской помощи, направленной на сохранение, поддержание, восстановление или улучшение его здоровья и реализацию обязанности государства по защите его жизни и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения [15, с. 319].

Г. Лопатенков определяет пациента как лицо, обратившееся за медицинской помощью, которое получает медицинскую помощь и связанные с ней услуги независимо от того, есть ли у него заболевание [9, с. 10]. С. Булеца считает, что пациент – это больной, который лечится у врача, то есть обследуется и лечится в медицинском учреждении [2, с. 14].

А. Пиццита дает такое определение: пациент – это лицо, вступившее в правовые отношения с медицинскими работниками и (или) другими представителями медицинских учреждений по поводу получения медицинской помощи [12, с. 37].

По мнению Г. Колоколова, Н. Косолапова и О. Никульниковой пациент – лицо, которое обратилось в лечебное учреждение любой формы собственности, к врачу частной практики за получением профилактической, диагностической, лечебной помощи независимо от того, болен он или здоров [8, с. 92].

Анализ норм международных документов, нормативно-правовых актов европейских стран, научных трудов по вопросам прав пациентов, позволяет внести следующее предложение относительно понятия «пациент»: лицо, обратившееся за оказанием профилактической, диагностической, лечебной или реабилитационно-восстановительной помощи в учреждения здравоохранения любой формы собственности или врача частной практики независимо от состояния здоровья.

Следовательно, права пациента являются частью общих прав человека и касаются непосредственно сферы здравоохранения. Права человека в сфере здравоохранения могут иметь отношение как к здоровым людям, не нуждающимся в медицинской помощи, так и к лицам, имеющим определенное заболевание, обуславливающее их обращение в учреждения здравоохранения. Другими словами, эти права есть у граждан всегда, независимо от факта наличия или отсутствия заболевания и обращения в медицинские учреждения.

Исходя из вышеприведенного определения понятия «пациент», под правами пациента можно понимать установленный законодательством и защищенный принудительной силой государства перечень возможных видов (моделей) поведения и требований лица, обратившегося за оказанием профилактической, диагностической, лечебной или реабилитационно-восстановительной помощи в учреждения здравоохранения любой формы собственности или врача частной практики независимо от состояния здоровья.

Следует разграничить понятие «здравоохранение» и «права пациентов». Понятие «охрана здоровья» представляет собой совокупность мер политического, экономического, социального, правового, санитарно-гигиенического и противоэпидемического характера, направленных на сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека, поддержание его активной долголетней жизни и предоставление ему в случае потери здоровья необходимой медицинской помощи. В свою

очередь, понятие «права пациента» включает совокупность правовых и общественных отношений, возникающих при обращении граждан за оказанием медицинской помощи.

Впервые в современный период использование перечня конкретных правил, регулирующих отношения «врач – пациент», было предложено в 1980 г. врачами Всемирной медицинской ассоциации. С момента, когда эти правила вошли в законодательство, они приобрели юридический статус прав человека в сфере медицинской помощи, т.е. прав пациента. В конце 80-х годов XX века права пациента как обязательная форма отношений в сфере медицинского обслуживания были введены в законодательство всех стран Европы.

Проанализируем нормативное регулирование прав пациентов в некоторых европейских государствах.

По последним данным, в Финляндии самое здоровое население. В Финляндии действуют законы, определяющие права пациента. Закон о статусе и правах пациентов применим в любой сфере здравоохранения, а также в отношении всех медицинских услуг, предоставляемых учреждениями социального обеспечения [6]. Согласно закону пациенты имеют:

- право на качественную медицинскую помощь и медицинский уход;
- право на доступ к лечению;
- право на информацию;
- право пациента на самоопределение;
- право на urgentную помощь;
- право на обжалование.

Права пациентов в Нидерландах защищены специальным законодательством, в особенности тем, что определяет области применения этих прав, и Законом про медицинские контракты, который внес изменения в Гражданский кодекс. Так, согласно указанным актам, пациент имеет право на качественную медицинскую помощь и медицинский уход; право на информацию, в том числе право запрашивать письменного описания лечения; право на защиту данных и конфиденциальность; право на обжалование [3].

Права пациентов Австрийской Республики закреплены в Федеральном госпитальном акте [17], в котором приведен следующий перечень прав:

- право на медицинский уход в условиях медицинского страхования;
- право на свободный выбор (право на выбор учреждения первичной медико-санитарной помощи, а не государственных больниц, а также право на отказ от лечения);
- право на информацию;
- право на личную жизнь;
- право на физическую безопасность;
- право на подачу жалоб.

Права пациентов в Чехии предусмотрены в общем законодательстве об охране здоровья и в Кодексе прав пациентов [19]. К ним относятся следующие:

- право на уважительное и профессиональное лечение и квалифицированных специалистов;
- право быть проинформированным с тем, чтобы принять необходимые решения по лечению;
- право знать, кому из медперсонала поручено заботиться об их приватности и иметь доступ к их семье (контактировать с семьей пациента);
- право на почтенный уход перед смертью;
- право отказаться от лечения;
- право быть уведомленным, если врач будет использовать экспериментальное лечение и отказаться от участия на любой стадии;
- право на уважение личной жизни и предоставление или отказ от согласия на участие студентов в лечебном процессе;
- право на конфиденциальность медицинских записей и назначения лиц, которые могут быть допущены к ним;
- право на продолжение лечения после выписки из больницы;
- право знать и соблюдать внутренний распорядок в учреждении здравоохранения во время лечения.

Норвежский закон о правах пациента [7] установил, что доступ к обследованию и лечению должен быть одинаковым на всей территории страны. Каждый из пациентов имеет право на выбор специалиста первичного звена и первичную медицинскую помощь. Законом гарантировано право пациента на индивидуальный подход при подборе лечения и право на информированное согласие. Закон предоставляет пациенту право на информацию. Пациент также имеет право получить второе экспертное мнение и право подать жалобы на качество медицинских услуг и работу специалистов в независимые агентства. Пациенты с хроническими заболеваниями имеют право на персональный план лечения, сочетающий медицинские и социальные услуги.

Необходимо отметить, что большая часть прав пациентов, зафиксированных в Амстердамской декларации, нашла свое отражение в законодательстве постсоветских государств. Оно содержит принципы, имеющие непосредственное отношение к правам пациентов: права граждан в сфере здравоохранения, права отдельных групп населения в сфере здравоохранения, права граждан при оказании медико-социальной помощи.

Литва – первая из постсоветских стран, где был принят Закон о правах пациента и компенсацию за ущерб здоровью [14]. Согласно принятому закону пациент обладает следующими правами:

- на качественные медицинские услуги;
- на выбор медицинского учреждения и лечащего врача;

- на неприкосновенность личной жизни (информация о пациенте конфиденциальна и может быть передана третьим лицам только при наличии письменного согласия пациента (есть исключения));
- на информацию (имя и квалификация врача, услуги, цена, любая информация о состоянии здоровья и риск лечения);
- на ознакомление с записями в медицинских документах (при необходимости врач обязан разъяснить смысл этих записей);
- на незнание (пациент в письменном виде может отказаться от предоставления ему информации);
- на участие в биомедицинских исследованиях и процессе обучения (обязательно письменное согласие пациента);
- на компенсацию за ущерб его здоровью.

С целью углубленного анализа прав пациентов считаем целесообразным осуществить их классификацию. Попытки систематизировать права пациентов по группам в зависимости от различных факторов делали ученые и раньше. В работах Н. Болотиной, С. Булецы, С. Гладуна, М. Малеиной, И. Сенюты, С. Стеценко определены группы прав пациентов, которые имеют как свои схожие признаки, так и особенности. Относительно схожести, то здесь определяются общие направления группировки прав: права в сфере здравоохранения, которыми наделены все граждане и которые закреплены Конституцией; права граждан, которые в силу обстоятельств обратились за медицинской помощью или получают эту помощь и медицинские услуги и которые имеют статус «пациента».

К первым относят такие права, как право на охрану здоровья, право на медицинскую помощь, а также право на жизнь, на достаточный жизненный уровень, права, закрепленные на международном уровне, и др.

Ко второму направлению относят права непосредственно пациентов, определяя их как общие права для всех пациентов, так и специальные права пациентов в зависимости от различных признаков. Относительно общих прав пациентов, то здесь взгляды ученых похожи. Этими правами являются право на медицинскую информацию (в том числе на врачебную тайну), право на выбор врача и лечебного заведения, проведения консультаций и тому подобное. Что касается специальных прав, то мнения ученых имеют более разрозненный характер.

Н. Болотина считает, что специальными являются права пациентов, которые возникли во время получения отдельного вида медицинской помощи (например, при искусственном оплодотворении), а также выделяет права несовершеннолетних, заключенных и т. п. в группу «права отдельных категорий пациентов» [1, с. 305, 307].

С. Стеценко выделяет права пациентов в отдельных направлениях медицинской деятельности (психиатрия, трансплантология) и относит права таких категорий, как несовершеннолетние, беременные и кормящие матери, инвалиды и т. п. к отдельной группе – права отдельных групп населения в области здравоохранения [16, с. 142].

Рассмотрев вышеприведенные классификации, предлагаем осуществить разделение данных прав по критерию субъекта реализации на основные, частные и дополнительные. К основным относятся права, которые принадлежат абсолютно всем пациентам, в том числе, право на медицинскую тайну, право на квалифицированную медицинскую помощь, право на медицинскую информацию и др. Частные – права, закрепленные за отдельными категориями пациентов, например – право на медико-биологический эксперимент, право на коррекцию половой принадлежности, на стерилизацию и тому подобное. Дополнительными правами являются такие права, как право на хранение вещей пациента, право на питание, право на надлежащие бытовые условия в стационарных учреждениях, право на создание условий для проведения религиозных обрядов и др.

Выводы. Таким образом, пациент как субъект медико-правовых отношений в сфере медицинской деятельности является ключевой фигурой, с которой связаны все другие субъекты, принимающие участие в организации, обеспечении или непосредственном оказании медицинской помощи.

Исходя из анализа положений нормативно-правовых актов европейских государств о правах пациентов, уточнено понятие «права пациентов», которые следует понимать, как установленный законодательством и защищен принудительной силой государства перечень возможных видов (моделей) поведения и требований лица, обратившегося за оказанием профилактической, диагностической, лечебной или реабилитационно-восстановительной помощи в учреждения здравоохранения любой формы собственности или врача частной практики независимо от состояния здоровья.

Пациенты имеют немалый каталог прав в сфере здравоохранения, которые можно классифицировать по разным критериям. Не смотря на национальные различия систем охраны здоровья, действующих в разных странах, в большинстве европейских государств есть общий перечень основных прав пациентов.

Проанализировав предложенные учеными группы прав граждан и непосредственно пациентов в области охраны здоровья, учитывая дополнительные критерии разграничения прав, предлагаем классификацию прав граждан в сфере охраны здоровья и прав пациентов в зависимости от нормативно-правового закрепления в законодательстве права в сфере охраны здоровья, которые включают в себя права, закрепленные в нормах Конституции:

- права, которые непосредственно относятся к сфере здравоохранения (например, право на жизнь; право на охрану здоровья; право на медицинскую помощь; право на медицинское страхование);

- права граждан, которые косвенно касаются здравоохранения (например, правовая защита от любых незаконных форм дискриминации, связанных с состоянием здоровья; обжалование неправомερных решений и

действий работников, заведений и органов здравоохранения; право на возмещение как материального, так и морального вреда, причиненного жизни и здоровью; право на защиту в суде в случае нарушения прав граждан в области охраны здоровья и прав пациентов и т. п.);

- общие права пациентов: право на выбор методов лечения; право на выбор врача (в том числе проведение консилиума врачей) и лечебного учреждения; право на согласие или отказ от лечения; право на открытую и конфиденциальную информацию о состоянии здоровья (в том числе право на соблюдение врачебной тайны); право на медицинскую экспертизу; права пациента, находящегося на стационарном лечении; право на обеспечение лекарственными (в том числе иммунобиологическими препаратами) и протезными средствами;

- специальные права пациентов в зависимости от направления медицинской деятельности (права пациентов-доноров крови и ее компонентов; права пациентов при трансплантации органов и других биологических материалов человека; права пациентов при проведении стерилизации; права пациентов при проведении искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона и т. п.);

- в зависимости от особенностей болезни пациента (права ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом; права психически больных; права больных туберкулезом; права онкологических больных; права больных диабетом и др.)

- в зависимости от особенностей отдельных групп пациентов (права детей; права беременных женщин и матерей; права членов семьи пациента; права военнослужащих; права пожилых людей; права инвалидов; права задержанных, заключенных и осужденных; права недееспособных и т. п.).

Стоит отметить, что большинство граждан, обращаясь за помощью в медицинские учреждения, а также уже непосредственно во время лечения не знают о своих правах, поэтому вопросы, связанные с систематизацией прав пациентов, расширение перечня, имеющегося в отечественном законодательстве, актуальны и требуют дальнейшей научной разработки.

Список литературы

1. Болотіна Н. Б. Пацієнт: поняття, права та обов'язки / Н.Б. Болотіна // Правова держава. – К., 2003. – Вип. 14. – С. 305-308.
2. Булеца С. Б. Право фізичної особи на життя та здоров'я як об'єкт цивільно-правової регламентації: порівняльно-правовий аналіз регулювання в Україні, Угорській, Словацькій та Чеській республіках: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – О., 2005. – 22 с.
3. Гражданский кодекс Нидерландов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/820084/> (Дата обращения 26.11.2018 г.).
4. Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе ВОЗ от 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://glaukoma-ekb.narod.ru/p32.htm>. – (Дата обращения 26.11.2018 г.).

5. Закон о правах пациентов Германии (Patientenrechtegesetz, PRG) от 05.02.2013 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://neuezeiten.rusverlag.de/2013/03/23/1229-3/>. – (Дата обращения 26.11.2018 г.).

6. Здравоохранение в Финляндии: брошюры министерства социального обеспечения и здравоохранения 2012:11rus [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.stm.fi/c/document_library/get_file?folderId=40880&name=DLFE-7341.pdf. – (Дата обращения 26.11.2018 г.).

7. Здравоохранение и социальное обеспечение в Норвегии [Электронный ресурс] // Сайт инспекции здравоохранения Норвегии – Режим доступа: <https://www.helsetilsynet.no/Languages/Information-in-Russian-Statens-helsetilsyn/>. – (Дата обращения 26.11.2018 г.).

8. Колоколов Г. Р., Косолапова Н. В., Никульникова О. В. Основы медицинского права. Курс лекций: Учеб. Пособие для вузов. – М.: Экзамен, 2005. – 315 с.

9. Лопатенков Г. Я. Права пациента: практические рекомендации. – СПб., 2005. – 160 с.

10. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 01 ноября 2011 г. №323-ФЗ [Электронный ресурс] // Сайт КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/. – (Дата обращения 26.11.2018 г.).

11. Основи законодавства України про охорону здоров'я: Закон України від 19.11.1992 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1993. – № 4. – Ст. 19.

12. Пищита А.Н. Защита прав пациентов как экономический фактор регулирования оказания медицинской помощи / А. Н. Пищита // Законодательство и экономика. – 2006. – № 1. – С. 34-37.

13. Принципы защиты психически больных лиц и улучшение психиатрической помощи: Резолюция 46/119 Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1991 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/1_doc2.nsf/link1/MU91323.html. – (Дата обращения 26.11.2018 г.).

14. Система здравоохранения Литвы в контексте всемирного здравоохранения [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.myshared.ru/slide/690544/>. – (Дата обращения 26.11.2018 г.).

15. Стефанчук Р.О. До питання про систему особистих немайнових прав пацієнта / Р.О. Стефанчук // Медичне право України: правовий статус пацієнтів в Україні та його законодавче забезпечення (генезис, розвиток, проблеми і перспективи вдосконалення). Матеріали II Всеукраїнської науково-практичної конференції 17-18.04.2008, м. Львів. – С. 319-324.

16. Стеценко С.Г., Стеценко В.Ю., Сенюта І.Я. Медичне право України: Підручник / За заг. ред. д.ю.н., проф. С.Г. Стеценка. – К.: Всеукраїнська асоціація видавців «Правова єдність», 2008. – 507 с.

17. Федеральный госпитальный акт Австрийской Республики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/files/law/foreigncivil/codes/>. – (Дата обращения 26.11.2018 г.).

18. Хартия прав пациентов Кипра // Права пацієнта – права людини в системі охорони здоров'я та медицині: Збірка міжнародних документів / Упор. В.В. Глуховський. – К.: Сфера, 2004. – С. 60-63.

19. Этический кодекс «Права пациентов» Чешской Республики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ivf-zlin.ru/24869>. – (Дата обращения 26.11.2018 г.).

УДК 351.743

В. В. Чамлай, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела, Донбасская юридическая академия (г. Донецк).

(e-mail: tigp_dua@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ.

В статье рассматриваются аспекты правового регулирования деятельности правоохранительной системы в период становления советской власти. Автор статьи рассматривает деятельность органов милиции в послереволюционный период.

Ключевые слова: правоохранительные органы, гражданская война, компетенция органов милиции, советская власть.

Chamlai V.

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE CONDITIONS OF FORMATION OF POWER OF BOLSHVIKS.

The article discusses aspects of the legal regulation of the law enforcement system in the period of the rise of Soviet power. The author of the article considers the activities of the police in the post-revolutionary period.

Keywords: law enforcement agencies, civil war, the competence of the police, Soviet power.

Приход большевиков к власти в 1917 году был не однозначно принят обществом, после того как революционные страсти успокоились и а Николай 2 отрекся от престола, в марте 1917 года, и гегемония династии Романовых прекратилась, власть перешла к Временному правительству. Временное правительство действовало в период с марта по октябрь 1917 года и представляло собой высший орган исполнительно-распорядительный и

законодательный власти в России. Деятельность Временного правительства большей степенью была направлена на создание капиталистической России с либеральными взглядами и отказом от авторитарных методов управления, но время уже было потеряно и попытки объединить народ и не подконтрольную армию не увенчались успехом. Страна погрузилась в тотальный кризис, возникший по разным причинам. Среди них можно выделить такие как участие Российской империи в затяжной и изнурительной Первой мировой войне 1914-1918 годов, что подтверждается крупными людскими потерями за время участия в боевых действиях погибло порядка 3000000 человек, а производство в сфере легкой промышленности в значительной мере базировались на импортном сырье, поэтому участие Российской империи в войне привело к разрыву экономических отношений, что негативно сказалось на обеспечении армии в целом и привело к и продовольственным проблемам.

На начало 1916 года резко сократилось производство в текстильной и, обувной отрасли легкой промышленности, значительно снизилось внутреннее производство сельскохозяйственного сырья, что повлияло на снижение выпуска предметов личного потребления. Продовольственные затруднения усиливались из-за совершенно неудовлетворительной работы транспорта, не обеспечивавшего переброски в районы потребления имевшихся в стране запасов продовольствия, армия были посажены на голодный паек. Сбои в добыче сырья и топлива привели к тотальному простоя крупных заводов и фабрик, что повлияло на стремительное снижение производства оружия, необходимого для фронта, уменьшился выпуск снарядов и патронов, кроме того и дефицит квалифицированных рабочих на предприятиях в виду военных действий не оказывал позитивную динамику в развитии промышленности страны. Вследствие этого социальная напряженность общества и общее недовольство положением дел в стране стало отправной точкой в радикальных изменениях страны, которые пришлось на осень 1917 года. В сентябре Петроградский Совет, в котором решающая роль принадлежала большевикам, принял новое политическое направление, направленный на свержение Временного правительства и захват власти. 10 октября ЦК партии большевиков принял заключение о подготовке проведении вооруженного восстания [1с.115]. Проведение II Всероссийского съезда советов трудящихся и солдатских депутатов позволило большевикам назначить себя высшим органом власти в России. Собрание обязано было легализовать захват власти советами. Съезд советов принял еще 2 обращения: «К гражданам России» и «Рабочим, солдатам и крестьянам», в которых рассказывалось о падении Временного правительства и переходе власти к съезду советов трудящихся и солдатских депутатов, а на местах - к местным советам. Вследствие чего было принято два важных декрета:

Декрет о мире, предлагавший враждующим государствам заключить мир;

- Декрет о земле, провозглашавший конфискацию помещичьих земель и отмену права частной собственности на землю. Дальнейший процесс развития советской государственной системы предполагал прежде всего проведение ряда мероприятий по укреплению власти большевиков. Необходимость создания командно-административного государственного аппарата тесно связана с созданием Красной Гвардии, что регламентировалось проектом устава Красной гвардии от 3.09.1917 года [2, С. 91].

Учитывая революционные настроения общества, деятельность Красной Гвардии включала в себя широкий круг направлений, среди которых была и охрана правопорядка, борьба с преступностью а также осуществление правоприменительной деятельности, внедряя и интегрируя принятые большевиками декреты и постановления в повседневную жизнь общества. Кроме того отметим, что процесс формирования правоохранительной системы происходил в сжатые сроки и напоминал скитания от одного берега к другому. Как правило, применяемые меры по осуществлению правопорядка в послереволюционный период отличался «крайностями» и «перегибами», что нашло отражение в решениях принимаемых ревкомами и народными трибуналами. Временные государственные органы своей деятельностью должны были действовать в рамках государственных интересов большевиков, пресекая деятельность контрреволюционных организаций. Важно заметить, что к 1918 году произошла реорганизация Красной Гвардии, вызванная необходимостью противостоять германской агрессии. После встречи большевиков с военными 23 февраля 1918 года революционные отряды были реорганизованы в Красную Армию. Костяком армии стали белогвардейские генералы и офицеры, перешедшие на сторону большевиков. Важно заметить, что большая часть опытных офицеров, оставалась беспартийными, они прежде всего были преданы русскому народу и не могли допустить вторжение внешнего врага. Верховным главнокомандующим с 1918 по 1922 год был бывший полковник Царской армии Сергей Сергеевич Каменев. Миф о том, что Красную армию создавал Троцкий, выдумали сами троцкисты. А герои гражданской войны, знакомые нам с детства, занимали в лучшем случае посты средней важности [3]. Таким образом, обращаясь за опытом к специалистам царской эпохи, большевики сумели стабилизировать ситуацию на внешнеполитической арене, после чего, собственно говоря, и началось построение централизованного командно-административного аппарата в государстве.

Принятие политики «военного коммунизма», стало основным политическим курсом страны в послевоенный период: 1918-1921 годы. Основой военного коммунизма стала национализация всех отраслей хозяйства [4].

Также следует отметить, что процесс восстановления страны в начале 20-х годов требовал достаточно большого количества денежных затрат.

Именно поэтому вопрос регенерации таможенной системы стоял особо остро. Большинство таможенных учреждений, которые работали раньше, в начале 20-х годов XX столетия были вообще закрыты. Большевицкая власть считала таможенные органы в первую очередь реликтом царского правления.

Стремление В.И. Ленина обеспечить контроль за направлением денежных потоков страны способствовало государственной монополии во внешней торговле при этом деятельность таможенной системы, воспринималась как вспомогательное средство регулирования торговых отношений [5]. Деятельность таможенной службы регламентируется Декретом СНК РСФСР от 29 мая 1918 года " О разграничении прав Центральной и местных Советских властей по сбору пошлин и о регулировании деятельности местных таможенных учреждений". Согласно данного декрета Обложение таможенною пошлиною и другими сборами ввозимых из-за границы и вывозимых за границу товаров принадлежит исключительно Центральной Советской власти. Ответственность перед Центральной Советской властью за правильность и законность деятельности таможни несет ее управляющий [6].

Отметим, что процесс формирования функции правоохранительных органов происходил в условиях гражданской войны: принимались первые кодексы: уголовное право было систематизировано только в 1918 году, когда коллегия Наркомата юстиции создала Наказ судьям по применению уголовного права. Именно в 1918 году был сформирован прообраз Уголовного кодекса, имеющий в себе Общую и Особенную части [7]. В уголовном праве существовали следующие виды наказания: расстрел, объявление вне закона, внушение, общественное порицание, объявление бойкота. Было введено понятие контрреволюционных и военных преступлений, которые рассматривало уголовное право. Система санкций за противоправные деяния была весьма разнообразна, суд выносил различные наказания включая и расстрел. Учитывая разнообразия правовых норм в части касающейся уголовного права существовала необходимость упорядочивания деятельности правоохранительных органов на уровне государства, в связи с чем в 1918 году была принята "Инструкция по организации советской рабоче-крестьянской милиции". Согласно инструкции для правоохранительных органов были установлены единые организационно-правовые формы построения, а компетенция силовиков рассматривалась в 4 направлениях деятельности:

Организационная деятельность, относительно вопросов общего руководства органами милиции;

Правотворческая деятельность в вопросах издания правовых актов – приказов и инструкций регламентирующую деятельность силовиков;

Внутренний контроль правоохранительных органов путем внезапных проверок и ревизий, проведенных старшим командным составом;

Финансовый контроль расхода государственных средств на

содержание правоохранителей.

В контексте организационной деятельности правоохранительных органов следует отметить, что деятельность большевиков, в первые годы власти, была связана проведением кадровой политики, так как число кадровых специалистов вследствие революционных действий и массового выезда специалистов за рубеж значительно снизилось.

Основные принципы отбора кадров базировались на классовом подходе, занимать должности в правоохранительной системе могли занимать лишь лица из класса трудящихся. Кроме того, при поступлении на службу в милицию каждый гражданин заполнял регистрационную карточку, которая содержала 27 различных вопросов, вплоть до биографических данных членов семьи. Указание недостоверных данных во время заполнения жестоко наказывалось, лица, утаившие правдивые сведения отдавались в суд революционного трибунала. Не менее интересным с позиции правоприменительной деятельности является порядок доведения нормативно-правовых актов на местах. В данном случае речь идет о Декрете СНК «О мобилизации грамотных» от 10 декабря 1918 года, в котором указывается на необходимость привлечения грамотного населения в принудительном порядке в целях самого широкого осведомления населения о сущности советского строя, — о мероприятиях и политике Рабоче-крестьянского правительства. Кроме того Местные советские власти должны давать ежемесячный отчет о количестве произведенных чтений и посещаемости их уездным и губернским исполкомам, на обязанности которых лежит следить за самым тщательным выполнением настоящего декрета вплоть до самых отдаленных деревень [8].

Таким образом, можно сказать, что к 1919 году государство сосредоточило все усилия по популяризации и толкованию сущности советской власти, что по сути наряду с грандиозной идеологической работой большевиков способствовало завершению гражданской войны в государстве. При этом необходимо отметить массовость репрессий, направленных на оппозицию большевистского режима с целью установления тотального контроля над рычагами власти в государстве.

Важное место в борьбе с контрреволюционными элементами и в последствии дальнейшего укрепления большевицкой власти заняли подразделения ВЧК, деятельность которых регламентировалась «Положением о чрезвычайных комиссиях» от 11.06.1918 года. В Положении подробно регламентировалась компетенция местных чрезвычайных комиссий. Им предоставлялось право принимать меры предупреждения и подавления проявлений контрреволюции, вплоть до применения силы. Эти задачи они выполняли путем осуществления обысков, арестов, облав; наложением ареста на имущество; ведения следствия по отношению к частным и должностных лиц и организаций, подозреваемых в проявлениях контрреволюции, шпионаже или бандитизме; вынесения приговоров по таким делам, если они по своему характеру считались слишком важными и

требовали немедленного решения, с особого разрешения местного исполкома проводить следствие и выносить приговоры по другим делам. Кроме того существовал также и особый отдел, действовавший в рамках ВЧК, который как правило занимался следственной работой и вел дознание, как для гражданского населения так и для военных формирований. Не менее важное значение в правоприменительной деятельности имеют революционные трибуналы, закрепленные Положением о революционных трибуналах принятое 21.02.1919 года. В соответствии с положением порядок рассмотрения дел в трибуналах был отличный от Народных судов, данная деятельность связана с рассмотрением дел о контрреволюционных деяниях, согласно которым трибуналу предоставляется неограниченное ничем право осуществления репрессий. В состав революционного трибунала, как правило, входили революционно настроенные работники, а не квалифицированные юристы, что обусловлено прежде всего военным временем. Главным фактором рассмотрения дел о контрреволюционных деяниях была высокая самоотдача, высокий моральный дух и вера в социалистические идеалы, что перекрывало недостаток профессионализма на этапе прихода большевиков к власти [9, с. 64]. Таким образом, подытожив вышесказанное можно констатировать, что политика военного коммунизма, внедренная на начальном этапе прихода к власти большевиков, имела негативные последствия для экономики страны, и стала символом разрухи всех отраслей производства. Пятилетняя борьба большевиков за власть со своей оппозицией приняла масштабы Гражданской войны, в ходе которой число оппозиционеров снизилось, а авторитет действующей власти не вызывал сомнений. Изменения в области права способствовали реформированию правоохранительных органов, расширению их полномочий, созданию новых подразделений, перед которыми стояли новые цели и задачи.

Среди них можно выделить такие как:

- проведение мероприятий по охране и борьбе со шпионажем;
- подавление открытых контрреволюционных выступлений;
- охрана железнодорожных и водных путей сообщения;
- политическая охрана границ республики;
- выполнение специальных поручений Исполнительного комитета или Совета Народных Комиссаров с целью охраны революционного порядка.

Последующие процессы укрепления власти большевиков нашли свое отображение в внедрении курса НЭП, что радикально изменило деятельность правоохранительной системы в годы стремительного развития рыночных отношений и экономики, а также создание СССР из числа добровольно объединенных республик. Таким образом, пост революционные события связанные с началом Гражданской войны, а также обострением борьбы за власть внутри государства можно расценивать для большевиков, как тяжелые времена, но грамотный подход к формированию правоохранительного

аппарата, свидетельствует о том, что путем проб и ошибок была проведена колоссальная работа по укреплению государственности. Преодоление стремительного роста преступности, восстановление контроля над всеми сферами общественной жизни силами правоохранительных органов позволило самоутвердиться большевикам и сформировать жесткую вертикаль власти в государстве, при которой было образовано мощнейшее государство XX столетия: Советский союз, память о котором жива и в настоящее время.

Список литературы

1. Барсенков А.С, Вдовин А. И. История России 1917–2009 гг. «Аспект Пресс», 2010 - 273 с.
2. Великая Октябрьская Социалистическая революция на Украине. Сборник документов и материалов: В 3 т . – К.: Госполитиздат Украины, 1957. – 686с.
3. Анищенко В. «30 точек зрения на революцию 1917 года» «Русский Вестник» от 18.10.2017
4. Волохин Д.М. Военный коммунизм «Гражданская война в России: энциклопедия катастрофы» М.: Сибирский цирюльник, 2010. — 400 с.
5. «История социалистической экономики СССР» М.: 1976 – 161 с.
6. Декрет СНК РСФСР от 29 мая 1918 года" О разграничении прав Центральной и местных Советских властей по сбору пошлин и о регулировании деятельности местных таможенных учреждений". Сайт: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-05-29-3.htm>
7. Комисаров В.С. Уголовное право РФ Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. — М.: Статут, 2012.
8. О мобилизации грамотных и организация пропаганды советского строя. Декрет Совета Народных Комиссаров от 10 декабря 1918 года Конституции и конституционные акты РСФСР. (1918-1937) М.: 1940 -52с.
9. Рогожин А.И. Правоохранительные органы УССР в первые годы Советской власти (1917-1920). / А.И. Рогожин. – Харьков, 1981.

УДК 351.743

В. В. Чамлай, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела Донбасской юридической академии (г. Донецк)

К. В. Виноградова, преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(valentinovich-v@mail.ru)

КОДИФИКАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА ОТ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ К ПЕРИОДУ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПАРТЕЙНОГО СОЦИАЛИЗМА 50-Х ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ

В данной научной статье предпринята попытка проанализировать кодификацию отечественного права с момента установления большевицкой власти вплоть до построения мощного государства послевоенного периода. Кроме того в данной статье авторы сумели раскрыть особенности влияния правовых норм на формирование советского общества в разные периоды его существования.

Ключевые слова: государство, война, советская власть, уголовное право, семейное, право, трудовое право, общество.

Chamlai V.

Vinogradova K.

CODIFICATION OF DOMESTIC RIGHT FROM THE TRANSITIONAL PERIOD OF ESTABLISHING SOVIET POWER TO THE FORMATION OF THE STATE-PARTY SOCIALISM OF THE 50S OF THE XX CENTURY

This scientific article attempts to analyze the codification of domestic law from the moment of the establishment of the Bolshevik government until the construction of a powerful state of the postwar period. In addition, in this article, the authors were able to reveal the peculiarities of the influence of legal norms on the formation of Soviet society in different periods of its existence.

Keywords: state, war, Soviet power, criminal law, family law, labor law, society.

Предпосылки формирования отечественного права в условиях становления государства, характеризуются созданием огромного массива нормативно-правовой базы. Актуализация данной темы в настоящее время связана с необходимостью формирования современного права с позиции заимствования опыта предшественников. Формирование правовой базы Донецкой Народной Республики, должно в равной степени опираться как на опыт современных государств, так и на исторический опыт предшественников. Таким образом, мы имеем возможность сформировать эффективную и действенную нормативно-правовую базу, при наличии которой наша Республика сумеет занять своё место на политической карте и заявить о себе в полный голос на международной арене.

Стремительное развитие рыночных отношений, и переход к НЭП позволил активизировать законотворческую работу в стране. Необходимость возрождения экономического потенциала государства, требовала создания новой системы государственного управления, при которой руководящие функции государственного управления возлагались на советы, как орган диктатуры пролетариата. Основной задачей советского правительства было создание условий для удовлетворения потребностей крестьян и рабочих как источника поддержки советской власти.

Формирование нормативно-правовой базы переходного периода характеризуется «революционным правосознанием», что отображено в большей части нормативно-правовых документов 20-х гг XX ст.

Особый след в формировании отечественного права оставили значительные изменения в части, касающиеся гражданского права. Период НЭПа связан с внедрением нормативно-правовых актов, охраняющих частную собственность, а также изменениями во всех сферах общественной жизни. Важно отметить изменение в сфере семейного права. Законодательство советского государства в условиях окончания Гражданской войны уделяло внимание вопросам брака, семьи и опеке. Данная тенденция была вызвана необходимостью борьбы с хулиганством и безграмотностью.

В целях укрепления идеологических основ большевизма, права церкви ограничивались, она была исключена из института брака на смену ей пришли понятия гражданского (светского) брака, который регистрировался в Отделе записей актов гражданского состояния. Согласно Постановлению ВЦИК от 19 ноября 1926 года воспитание детей рассматривалось как общественная обязанность родителей. Кроме того, законодатель уравнивал права супругов и детей в вопросах имущественных отношений, что способствовало укреплению института семьи и основ нового революционного быта.

Параллельно с развитием семейного права особое внимание уделялось развитию трудового законодательства, истоки которого относятся к созданию большевиками первого трудового кодекса РСФСР в декабре 1918 г. Согласно вышеуказанного нормативно-правового акта, закреплялись нормы и правила труда во всех сферах хозяйственной деятельности, кроме того кодекс гарантировал наличие выходных дней и отпусков для различных категорий граждан, закреплялись льготы для женщин и подростков.

Стремительный подъем экономики СССР, вызванный распространением новой экономической политики привел к развитию рыночных отношений и увеличению доли частного капитала в легкой промышленности. Увеличение объема производства товаров первой необходимости позволило снять социальную напряженность в обществе и наладить рынки сбыта сельскохозяйственных товаров не только в рамках СССР, но и за его пределами. Само собой разумеется, что перемены в общественной жизни требовали изменений нормативно-правовой базы в государстве. Изменения коснулись ряда государственных органов, в компетенцию которых входило руководство внешней и внутренней политикой государства, также сбором налогов и повинностей, осуществление судостроительства и судопроизводства, что нашло отражение в массе нормативно-правовых актов и кодексов, принятых в 20-30 гг: принятие КЗоТ в 1922 году, разработка проекта Административного устава РСФСР 1924 года, который в последствии не был утвержден в силу прихода к власти И.В. Сталина. Сталинская политика отличалась установлением жесткого административно-командного аппарата управления, что исключало возможность регулирования общественных отношений нормами Административного устава [1, с. 364]. Уголовный кодекс РСФСР был принят на 3 сессии 9 съезда Советов и действовал вплоть до 1926 года [2, с.3]. Распространение норм уголовного права было вызвано появлением новых

составов хозяйственно-экономических преступлений, ставших актуальными в годы НЭП. Изменения, вызванные принятием уголовного кодекса образца 1926 года были также вызваны сменой приоритетов политического курса развития Советского государства по вышеуказанным причинам.

Курс на Индустриализацию СССР, как процесс стремительного перехода от частной собственности к государственной был принят в мае 1929 года. Внедрение Индустриализации в СССР было плановой политикой большевистского руководства, что привело к созданию пятилетних планов, развитие народного хозяйства. Первая пятилетка 1928-1932 позволила сохранить государственный контроль над тяжелой промышленностью и иными государственными сферами, которые получили свое развитие после национализации частной собственности.

Таким образом, произошли значительные изменения в ряде нормативно-правовых актов, среди которых особое внимание заслуживает трудовое законодательство. Прежде всего, согласно Распоряжения ВУЦИК и СНК УССР от 25 февраля 1931 г. был принят новый Трудовой кодекс. Вследствие этого произошли значительные перемены в трудовом законодательстве в сравнении с Кодексом законов о труде УССР 1922 г.

В учреждениях и предприятиях был завершён процесс перехода сотрудников промышленности и транспорта на 7-ми часовой рабочий день. На предприятиях была введена 6-дневная рабочая неделя, при этом один день отдыха предоставлялся рабочим в порядке очередности согласно установленных графиков.

Была введена тарифная сетка оплаты труда, кроме того имело место быть сдельная и почасовая оплата труда. Для поддержания трудовой дисциплины в учреждениях, согласно Распоряжения ВЦИК и СНК СССР от 01.08.1933 г. неявка на работу в отсутствие почтительной предпосылки, несмотря на то бы в протяжении 1-го дня, тянула за собой сокращение с работы с лишением полномочия использовать квартиру, данной в жилье данного предприятия либо учреждения [3, с.4].

Кроме того, в условиях развития индустриализации в СССР проводилась активная работа по обучению квалифицированных специалистов, которые состояли из числа студентов, окончивших профильные учреждения. Согласно трудового законодательства, молодые специалисты обязаны были отработать не менее 3 лет на предприятиях по государственному распределению. Интересно отметить, что дефицит неквалифицированной рабочей силы восполнялся за счет привлечения трудовых резервов с числа учащихся в профессиональных училищах, военнослужащих и работников сельского хозяйства. Значительные изменения трудового законодательства произошли после принятия Постановления СНК от 28.12.1938 г "О мероприятиях по упорядочиванию трудовой дисциплины" [4, с.3]. Согласно Постановления за три опоздания в течении месяца рабочий подлежал обязательному увольнению, а также выселению из рабочих и ведомственных квартир в десятидневный срок.

Уголовное законодательство 30-х гг опиралось на Уголовный кодекс, принятый в 1926 году. Данный нормативно-правовой акт полностью соответствовал государственной политике, проводимой в 30-е годы. Характеризуя уголовное законодательство, следует обратить внимание на усиление борьбы против государственных преступлений, а также против социалистической собственности. Методы, используемые большевистской властью имели массовый репрессивный характер, особое внимание в уголовном кодексе уделено преступлениям контрреволюционной направленности. Согласно ст. 58 Уголовного кодекса, в целях защиты социалистического имущества зачастую использовались такие санкции как расстрел или объявление врагом народа с лишением гражданства СССР и изгнанием за пределы Республики. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что ужесточение мер наказания является характерной чертой политического курса в довоенные годы. Зачастую закон использовался государством в качестве средства проведения репрессий государственными органами против невиновных людей. Государство, используя такие нормативно-правые документы, как: Конституция СССР 1936 года, Закон "О судеустройстве" 1938 года, фактически игнорировало демократические принципы уголовного процесса.

Развитие гражданского права 30-40 гг. характеризуется широким распространением договорных отношений. С 1931 года учреждения и предприятия, в случае поставки товаров и оказания услуг, должны были заключать обязательные письменные договора. В следствии усиление роли договора между предприятиями и учреждениями возникала, своего рода, "трудовая порука". Договорное право получило еще более широкого распространения во второй половине 30-х гг., что было вызвано усилением ответственности субъектов хозяйствования за невыполнения планов "пятилетки".

Значительные изменения в сфере семейного права, вызванные принятием Конституции 1936 года. Согласно ст. 122 указанной Конституции, закреплялось равноправие женщин и мужчин. Широкое распространение получила практика, когда дети-сироты, а также дети, изъяты по постановлению суда от родителей, передавались в трудовые семьи на перевоспитание согласно договора, заключенного органами здравоохранения и лицами, взявшими детей под опеку. Данные изменения позволили создать институт патроната, что привело к снижению уровня беспризорности в государстве.

Исследуя особенности права, в 30-е годы XX столетия следует обратить внимание на тенденции развития административного права, как базовой отрасли государственного управления. Политика свертывания НЭП и Переход к «Коллективизации» фактически превратили отрасль административного права в административное управление. Данная реорганизация отрасли права была связана с процессом создания административно-командной системы характерной политике И.В. Сталина.

Деятельность правоохранительных органов в условиях массовых политических репрессий была направлена на охрану революционного порядка и безопасности.

Таким образом, административное право характерное периоду НЭП перестало существовать. В 1928 году административное право запрещается как отрасль права и учебная дисциплина. Интересно отметить что, свертывание научных исследований сопровождается массовыми репрессиями ученых-административистов [5, с.679]. Наибольший масштаб репрессий припал на 1936-1937 годы, именно эти годы в истории советского государства считаются периодом чрезмерной политизации и как следствие приводят к созданию Доктрины советской государственности. Вышеуказанная доктрина позволяла расширить полномочие правоохранительных органов до небывало раннее масштабов, что негативным образом сказалось на жизнь обычных людей. Увеличение числа репрессированных граждан способствовало появлению 1 октября 1930 года главного управления исправительно-трудовых лагерей ОГПУ (ГУЛаг) [5, с.710]. Согласно постановления СНК СССР 3 августа 1933 года был утвержден Исправительно–трудовой кодекс СССР как документ регламентирующий деятельность классово-враждебного элемента в условиях исправительно-трудовых лагерей. Широкое применение заключенных колоний как трудового ресурса, позволил СССР осваивать труднопроходимые с точки зрения климатических условий регионы Сибири.

Анализируя отрасль семейного права СССР в 30-е годы XX столетия следует отметить, что фундаментальное место в нормативно-правовой базе, регламентирующей регулировании семейных правоотношения занимал Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР образца 1926 г., действовавший на протяжении всего исследуемого нами периода. В тоже время параллельно с Семейным кодексом действовали нормы семейного права, сущность которых была направлена на решение вопросов, связанных с укреплением советской семьи, создание условий для обеспечения защиты интересов детей, а также оказания материальной помощи многосемейным. Большое значение для развития семейного права имела Конституция СССР 1936 г., согласно ст. 122 которой закрепляла равноправие женщины и мужчины [6]. Кроме того, постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении наказания за неплатеж алиментов» устанавливало запрет на производство аборт как в больницах, так и на дому у врачей и на частных квартирах беременных [7]. Производство аборт допускалось лишь в исключительных случаях, когда продолжение беременности представляло угрозу жизни или тяжелый ущерб здоровью беременной женщины. Важно отметить, что производство аборт вне больниц или в больнице, расценивалось как уголовное преступление и наказывалось уголовным наказанием врачу,

производящему аборт, сроком от 1 года до 2 лет тюремного заключения, а за производство абортов в антисанитарной обстановке срок наказания составлял не ниже 3 лет тюремного заключения.

Значительные изменения в отечественном праве обусловлены периодом Великой отечественной войны 1941-1945 гг. Масштабность боевых действий, охвативших нашу страну, не имеет аналогов в истории человечества. Данная война относится к числу самых кровопролитных, поэтому изменения в жизни общества были глобальными и правовая отрасль не стала в данном случае исключением. Аспекты, связанные с войной, как правило негативны по сути для любого народа. Удивительно, но в контексте развития отечественного права. Мы наблюдаем процесс перестроения государства из мирного состояния на военные рельсы, когда страна сплотившись со своим народом смогла выстоять в кровопролитной войне, и уничтожить коричневую чуму, как наиболее негативное проявление жестокости человека в прошлом веке. Безусловно, события ВОВ включали в себя тотальные изменения ряда отраслей права.

Анализируя изменения правовой отрасли отметим, что первоочередной задачей гражданского права в годы войны было обеспечение условий для защиты частной собственности в государстве. Именно обеспечение гарантий защиты частной собственности стало в ряду первоочередных задач данной отрасли права. Следует отметить, что военные действия оказали весьма большое влияние на отношения касающиеся имущества большое число разрушенного жилья породило массу споров между собственниками и регулирование правоотношений в данной проблемной сфере стало основной проблемой в гражданском праве в первые годы Отечественной войны. Сложные экономические условия наряду с нестабильной политической обстановкой, а также не удаchi на линии фронта в первые месяцы войны не посеяли панику в рядах большевицкого руководства. Позитивным моментом является изначально бескомпромиссная позиция по поводу закрепления жилищного фонда за военнослужащими. Государство стремилось закрепить за военнослужащими их имущество, кроме того в судебном порядке устанавливалось, что при возвращении военнослужащего домой и обнаружения там нового владельца, первый мог потребовать выселить последнего.

Кроме того значительные изменения произошли в наследственном праве, в силу того, что годы Великой Отечественной Войны повлияли на изменение численности населения и увеличение количества детей-сирот.

Изменения наследственного законодательства существенно расширило круг возможных наследников, впервые в наследственном праве устанавливалась очередность наследования (3 очереди). Наследники первой очереди наследовали имущество в равных долях, наследники последующих очередей могли привлекаться к наследованию только при отсутствии наследников предшествующей очереди. Изменения в наследственном праве повлияли на развитие семейного права. Прежде всего, вводились запреты на

аборты, а рождаемость поощрялась. Государство в годы войны боролось с бездетностью и сиротством, были организованы центры которые перераспределяли сирот в новые семьи, так же вводился налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан. В соответствии с законодательством налогом одинокие и, не имеющие детей граждане в возрасте от 20 до 50 лет подвергались налогообложению. Также государство оказывало помощь одиноким матерям, родившим ребенка независимо в браке или вне брака, а также женщина в случае необходимости могла временно поместить ребенка в специальное учреждение с правом при изменении обстоятельств (трудоустройство, получение жилплощади) беспрепятственно забрать его обратно. Наибольшие изменения среди различных отраслей права припали на наш взгляд на отрасль трудового права. Обстановка военного времени вынуждала вводить чрезвычайные меры правового воздействия в повседневную жизнь граждан, что нашло отображение в регулировании отрасли трудового права в военный период. Следует указать, что расширились полномочия руководителей учреждений и предприятий. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О режиме трудового времени рабочих и служащих на период войны» с 26 июня 1941 г. допускалось установление администрацией обязательных сверхурочные работы на срок до 3 часов в день, отменялись очередные и дополнительные отпуска. Отпуска заменялись денежной компенсацией, которая могла быть получена после окончания войны. Все рабочие и служащие предприятий военной промышленности, на период закреплялись за предприятиями, на которых они работали, а самовольный уход с работы карался уголовной ответственности в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет.

Параллельно с этим среди трудоспособного населения подлежало трудовой мобилизации. Трудовая обязанность применялась в сфере строительных работ оборонительных объектов, защиты линий информации, электростанций и иных значимых объектов государства.

В целях поддержания продовольственных запасов страны 13 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли распоряжение «О повышении для колхозников обязательного минимального количества трудодней». Кроме того в период сбора урожая к работе привлекалось все трудоспособное население сельских регионов страны, включая даже школьников в возрасте с 14 лет вне зависимости от количества отработанных ими трудодней. Интересно заметить, что привлечение детского труда в годы войны было необходимым, вплоть до ее окончания.

Значительные изменения в годы военного времени коснулись также уголовной отрасли права. Широкое распространение в данный период приобрел принцип аналогии, так как уголовное законодательство в большей части своих норм оставалось довоенным. Изменения характера общественных отношений в годы войны привели к пробелам в данной отрасли права, и именно принцип аналогии должен был их восполнить. Реализация уголовного закона по аналогии осуществлялась применением

постановлений Верховного Суда СССР. Данный источник права носил общеобязательное значение на всей территории страны. Постановления носили не только разъяснительный характер, но и уточняющий, поскольку имело место уточнение применения норм УК.

Следующей отличительной чертой уголовного права в годы военного времени являлось то, что со стороны государства на граждан были возложены дополнительные обязанности, в связи с необходимостью дать отпор врагу. [8, с.30-31]. Ярким примером таких обязанностей может быть обязанность населения в пятидневный срок от начала войны сдать радиоприемники органам Народного комиссариата связи СССР.

Также изменения в уголовном законодательстве наблюдалось усилением санкций за наиболее опасные преступления в категорию которых попадали такие как самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений (трудовое дезертирство), невыполнение колхозниками обязательного минимума трудодней. Интересно отметить, что к преступлениям в военное время впервые причислялись такие действия, как распространение ложных слухов, вызывающих тревогу у населения; присвоение в личное пользование трофейного имущества и незаконное хранение оружия; разглашение государственной тайны и утрата документов, содержащих государственную военную тайну. В довоенном уголовном законодательстве применялся термин «карается» к наказанию за совершенное деяние. Во время войны этот термин был заменен на «возмездие». Руководство советского государства не раз обращало внимание населения на то, что никто не уйдет от суровой ответственности и от заслуженного наказания за совершенные ими злодеяния [9].

В целом можно сказать, что изменения нормативно правовой базы в годы войны позволило активизировать население таким образом, чтобы каждый житель советского государства осознавал свою важность и необходимость в общей борьбе с агрессором и захватчиком. Безусловно такой опыт и сегодня представляет важную ценность для современников и законодателей, которые находятся в аналогичных условиях.

Анализируя кодификацию права в послевоенный период, важно отметить, что большая часть реформ законодательной базы была направлена на переход страны к мирной жизни. Кроме того, необходимость упрочнения социализма в СССР, требовала созданию нормативно правовой базы, которая позитивно влияла как на экономику так и восстановительные процессы в послевоенном государстве.

Изменения трудового законодательства обуславливались принятием Закона СССР от 23 июня 1945 года «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии», который обязывал руководителей предприятий, учреждений и организаций в городских районах (не позднее месяца) предоставлять работу демобилизованным, а также обеспечить жилой площадью и топливом. Потребность государства в большом количестве рабочих потребовала восстановления организованного набора рабочих на

основе договоров с колхозами.

Согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 года с 1 июля 1945 года «Об отпусках рабочим и служащим» очередные и дополнительные отпуска рабочим и служащим были восстановлены, поскольку были отменены на период военного времени Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». Кроме того, Указом были отменены ежедневные сверхурочные работы и был восстановлен 8-часовой рабочий день. Казалось бы такие положительные тенденции должны были позитивно отразиться, но в связи с сокращением рабочей недели была снижена заработная плата. На отдельных предприятиях такие изменения повлекли к уменьшению оплаты труда почти в 2 раза [10].

Возвращаясь к вопросу заключения коллективных договоров, важно отметить, что были восстановлены нормы трудового права, регулирующие данные отношения, которые были отменены в период военного времени. На основе договоров хозяйственных организаций с колхозами и колхозниками государство имело возможность привлечь кадры для промышленности, строительства и других отраслей народного хозяйства. Благодаря системе организованного набора рабочей силы, за 1945-1950 гг. было привлечено около 5,5 млн. рабочих.

Учитывая тенденцию снижения заработной платы с 1945 года, и другие факторы, возникла необходимость в проведении денежной реформы 1947 года, благодаря которой заработная плата трудящихся была увеличена. Также со стороны государства значительное внимание уделялось охране труда и здоровья трудящихся. На предприятиях с вредными условиями труда был установлен обязательный медицинский осмотр всех работников. Государство уделяло внимание и моральному стимулированию добросовестного труда. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О льготах и преимуществах, предоставляемых награжденным орденами и медалями СССР» от 10 сентября 1947 года рабочие и горные мастера за безупречную работу должны быть награждены медалями и орденами. Кроме того государственные органы наряду с поощрительной деятельностью устанавливали ответственность за нарушения дисциплины на предприятиях. В апреле 1956 г. издается Указ Президиума Верховного Совета СССР, который заменил уголовную ответственность за прогул и самовольный уход с предприятия, на дисциплинарную. В связи с изменениями в трудовом законодательстве возникла необходимость в создании комиссии по трудовым спорам, которая разрешала споры по вопросам увольнения, перевода, оплаты и др. Решения комиссии могли быть обжалованы в фабрично-заводском комитете, а затем в суде. Вскоре была решена проблема с пенсионным обеспечением граждан путем принятия Закона СССР от 14.07.1956 "О государственных пенсиях". В нормативно-правовом акте были установлены критерии для начисления пенсии. К ним относились: возраст (для мужчин 60 лет, для женщин 55), трудовой стаж (для мужчин 25 лет, для женщин 20),

среднемесячный размер зарплаты. В случаях трудового увечья или профессионального заболевания, возраст и стаж работы не учитывались [11].

Послевоенный период для семейного права характеризовался небольшими, но знаменательными изменениями. Особенно они касались защиты прав детей и характерные изменения в брачно-семейных отношениях. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 года были расширены права незаконнорожденных детей на получение выплат за погибшего на фронте отца, при условии, что он был рожден до 8 июля 1944 года, а в книге актов гражданского состояния имелась запись об отце.

Что касается брачно-семейных отношений, государство изменило политику в области браков с иностранными гражданами. 15 февраля 1947 г. в СССР был издан Указ Президиума Верховного Совета «О воспреещении браков между гражданами СССР и иностранцами». Правительство издало указ не только запретить браки с иностранными гражданами, но и уже заключенные браки признать недействительными. Данная позиция государственных органов имеет двусторонний характер. С одной стороны это было аргументировано тем, что советские женщины подвергались дискриминации за рубежом, и таким образом это защита женской половины страны. Однако вышеуказанный указ можно было обойти, сменив гражданство СССР на гражданство другого государства, но такое действие могло рассматриваться, как измена Родине. А другая сторона это намерения советской власти изолировать Советский Союз от других государств, неофициально такие браки с иностранцами рассматривались, как антипатриотичные. Следует отметить, что одновременно с запретом браков с иностранцами советские власти запретили женщинам делать аборт и были ужесточены условия разводов. Все эти действия со стороны государства были направлены улучшения демографической ситуации в стране, ведь нельзя отбрасывать и этот фактор, который сыграл значимую роль в удержании здоровых мужчин и женщин детородного возраста в СССР. Все выше обозначенные меры внесли свой вклад в послевоенное восстановление государства, однако существенных сдвигов в сельскохозяйственном производстве не произошло. Город по-прежнему не был обеспечен всем необходимым.

Рассматривая кодификацию права, особый интерес представляет отрасль уголовного права в послевоенные годы. В данном случае, важно отметить тот факт, что окончание боевых действий способствовало отмене множества нормативно-правовых актов военного времени. 7 июля 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР был издан Указ «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией», который обозначил категории лиц, с которых была снята судимость и имело место освобождение от наказания. Однако, в связи с освобождением лиц, резко увеличился уровень преступности, особенно в крупных промышленных зонах.

К достаточно распространённым наказаниям в послевоенные годы

можно отнести смертную казнь. 26 мая 1947 года Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «Об отмене смертной казни». Вышеуказанным документом такой вид наказания, как смертная казнь был отменен, так как считалось, что это пережитки военного времени и для мирного времени такое наказание не является острой необходимостью. Было принято решение заменить его на заключение в исправительно-трудовые лагеря сроком на 25 лет [12].

Следующим шагом в урегулировании уголовно-правовой политики было принятие двух нормативно-правовых актов, которые регулировали однородную сферу общественных отношений. 4 июня 1947 года Президиумом Верховного Совета СССР были изданы Указы «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан». В вышеуказанных документах проявляется тенденция защиты и охраны государственной, общественной и частной собственности, а также ужесточение ответственности за преступления против собственности.

Ужесточение уголовной ответственности коснулось не только частной собственности, но и других сфер общественной жизни. С 1947 по 1953 год были изданы Указы по ужесточению наказания по следующим составам: разглашение государственной тайны и утраты документов, содержащих государственную тайну (карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок от четырех лет и максимальный срок наказания пятнадцать лет), изготовление и продажа самогона (карается лишением свободы на срок от одного до двух лет с конфискацией самогона и орудий его изготовления), изнасилование (заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от десяти до пятнадцати лет, изнасилование несовершеннолетней, а равно изнасилование, совершенное группой лиц или повлекшее за собой особо тяжкие последствия, — карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от пятнадцати до двадцати лет), нарушение правил безопасности ведения работ в угольных и сланцевых шахтах (карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок до трех лет или исправительно-трудовыми работами на срок от шести месяцев до одного года) [13].

Уголовно-правовое законодательство, принимавшееся в послевоенный период использовалось как средство идеологической борьбы с внешнеполитическим противником. По инициативе Советского Союза Генеральной Ассамблеей ООН в ноябре 1947 года была принята резолюция, основной целью которой являлась пропаганда против войны. На основании вышеуказанного международного документа, 12 марта 1951 года Верховным Советом СССР был принят закон «О защите мира», в котором «пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась, подрывает дело мира, создает угрозу новой войны и является ввиду этого тягчайшим преступлением против человечества».

Изменения уголовного законодательства коснулись вопросов, ранее

запрещенных Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г, о производстве аборт. Согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения аборт», было принято решение операции искусственного прерывания беременности допустить только в больницах и других лечебных учреждениях и сохранить установленную уголовную ответственность как врачей, так и лиц, не имеющих специального медицинского образования, производящих аборт вне лечебных учреждений. [14].

Изменения уголовной ответственности затронули также и трудовые отношения. Так, Указом Президиума Верховного Совета «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины» от 25 апреля 1956 года постановил отменить уголовную ответственность за самовольный уход с предприятий и из учреждений, а взамен применить дисциплинарное взыскание [15].

Таким образом, кодификация права в послевоенный период, позволила создать благоприятные условия для скорейшего восстановления государства в послевоенный период. В целом изменения норм права в разные периоды развития советского государства, были вызваны необходимостью отстаивать право советского государства на существование большевистской идеологии в мире. Именно квалифицированная работа ведущих специалистов в области права позволила сформировать фундамент мощного и развитого государства, которое в 60-е годы находилось на пути строительства социализма, и входило в число самых влиятельных стран своего времени.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия под. Ред. А.М. Прохорова. Изд. 3 том 1 – М., Советская энциклопедия. – 1969. – 608с.
2. Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 года «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года»// СУ РСФСР. – 1926г. – 12 с.
3. Постановление ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР от 1 августа 1933 года «Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР» // СУ РСФСР- 1933г. - 14 с.
4. Постановление СНК СССР, от 28.12.1938 "О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле"// РСФСР- 1938г. - 17 с.
5. И.А. Исаев. История государства и права России: Учебник / - 4-е изд. - М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. - 800 с.
6. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик Утверждена Чрезвычайным VIII Съездом СССР от 5 Декабря 1936 Года
7. Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт»,

увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении наказания за неплатеж алиментов» от 27 июня 1936 г.

8. Социалистическая законность. 1942. № 2. Москва: Советское законодательство. 1934-1991.

9. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» от 19 апреля 1943 года № 39

10. История отечественного государства и права. Учебник / Под ред. Р.С. Мулукаева. – М., 2006. С. 498.

11. История отечественного государства и права: Учебное пособие: Часть 1 / Давидян Г.М., Куприянова О.И.; Под ред. Новицкой Т.Е. и др. - М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. - 640 с/

12. Ведомости Верховного Совета СССР, Москва 1947, № 17

13. История отечественного государства и права : учеб. пособие для семинарских занятий / под ред. Т. Е. Новицкой. — Ч. 1. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. — 640 с.

14. Ведомости Верховного Совета СССР, Москва, 1955 г. № 22, ст. 425

15. Ведомости Верховного Совета СССР, Москва, 1956 г. № 10

УДК 342.4:347.471

Д.Г. Ярошенко, аспирант, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: karakulx@mail.ru)

РЕФЕРЕНДУМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВИДЫ И КЛАССИФИКАЦИЯ

В настоящем исследовании поднимается актуальный на сегодняшний день вопрос волеизъявления граждан России в форме референдума, дается его определение, проводится комплексный анализ видов референдума и их классификация. Также анализируется местный референдум как форма проявления непосредственной демократии в системе местного самоуправления в Российской Федерации.

Ключевые слова: референдум, волеизъявление, инициатива, демократия, государство.

Yaroshenko D

REFERENDUM IN THE RUSSIAN FEDERATION: KINDS AND CLASSIFICATION

In this study, we consider such an urgent process as the expression of the will of Russian citizens in the form of a referendum, its concept is analyzed, and their types and classifications are analyzed in a comprehensive manner. Also, the

local referendum is considered as a form of direct democracy in the system of local self-government in the Russian Federation.

Key words: *referendum, will, initiative, democracy, state.*

Каждое демократическое государство в процессе своего развития и реализации своих инициатив применяет такую форму волеизъявления как референдум, который помогает разрешить порой сложные и спорные вопросы, возникающие в обществе.

Актуальность темы исследования заключается в проблематике научной дифференциации референдумов на территории Российского государства. Ежедневно по всей России инициируются референдумы на различные интересующие население темы. Результат референдума в виде решения оказывает сильное влияние на правовой статус гражданина, в некоторых случаях повышает правовую культуру граждан. На примере референдума, проведенного в Крыму 16 марта 2014 года, мы можем заметить, как граждане Украины, населяющие на тот момент Автономную Республику Крым, проявили свою волю по вхождению полуострова в состав Российской Федерации.

Можно акцентировать внимание и на том, что путем проведения референдума образуются новые независимые государства, к примеру – Донецкая и Луганская Народные Республики. В Российской Федерации изредка применяется практика объединения автономного округа и области. В результате проведения подобного рода референдумов формируется новая история, экономика, культура, сближаются люди разных национальностей.

Если же говорить о местном референдуме, то его проведение также является актуальным для самих граждан, так как с помощью него активно и эффективно решаются сложные и проблемные вопросы на местном уровне. Он также может сближать власть и народ в процессе разрешения различных проблем.

Анализ научных исследований. Разработкой темы референдумов, его видов и классификации занимались следующие ученые: А. В. Безрукий, И. В. Рукавишникова, И. Г. Напалкова, Д. Е. Суханова, С. А. Авакьян, З. А. Иванова, И. Р. Аминов, Л. А. Нудненко, А. А. Уваров, Ю. А. Дмитриев, В. Б. Израелян, В. В. Комарова, Б. А. Макарова, Т. Г. Гунина.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ видов и классификаций референдумов в России.

Изложение основного материала. Референдум в современном Российском государстве – это неотъемлемая часть непосредственной демократии и закрепление ее правовых основ. Ежегодно по всей территории России проходят на разных уровнях референдумы, через которые выражается воля народа того или иного субъекта Российской Федерации.

По мнению А. В. Безрукого референдум следует понимать как форму непосредственного волеизъявления граждан Российской Федерации путем

голосования по вопросам общественного, регионального или местного масштаба [2, с. 292].

В Энциклопедическом словаре законодательных дефиниций дается следующее определение: референдум – это форма прямого волеизъявления граждан РФ по наиболее важным вопросам государственного и местного значения в целях принятия решения, осуществляемого посредством голосования граждан РФ, обладающих правом на участие в референдуме [4, с. 487].

Таким образом, референдум – это закрепленное в Конституции и федеральных законах право граждан на волеизъявление по определенным государственным и местным вопросам в установленной законом процедуре. Проанализировав определение такого понятия как «референдум», будет целесообразно исследовать основные виды и классификацию референдумов, так как научное сообщество имеет разную точку зрения на классификацию и виды. Стоит отметить, что каждый вид референдума имеет собственную социальную значимость для граждан и применяется в разных ситуациях.

Комарова В. В. считает, что в Российском законодательстве закреплены следующие виды референдумов: конституционные (уставные), международные, административно-территориальные и другие референдумы, которые могут быть осуществлены в муниципальных образованиях по различным вопросам [6, с. 98].

В юридической науке также отмечается, что референдумы в зависимости от проведения их на определенной территории бывают общегосударственными и местными (муниципальными). В Российской Федерации согласно ФЗ «О референдуме Российской Федерации» по территориальному признаку референдум может быть: общероссийский, региональный (совместно с субъектами Федерации), местный (проводится в муниципальном образовании или в его части). После принятия Федерального Конституционного Закона от 2001 г. «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» [12] появился такой вид референдума как региональный.

С целью реализации регионального референдума граничащие между собой субъекты Федерации должны предлагать одинаковые формулировки выносимых на референдум вопросов, а также в обязательном порядке применять принципы регулирования и проведения референдума. Региональный референдум является очень серьезным решением как для общества, так и для государства, так как при присоединении на новообразованный субъект возлагается ответственность не правовая, а касающаяся формирования бюджета, образования органов государственной власти и т.д.

Так, 7 декабря 2003 года в Коми-Пермяцком автономном округе и Пермской области был проведен референдум, в результате чего 1 декабря 2005 года образовался Пермский край. Забайкальский край образовался 11

марта 2008 в результате проведенного референдума Читинской области и Агинско-Бурятского автономного округа.

Проведение Местного референдума зависит от выносимых на него вопросов. Согласно ст. 138 Конституции Российской Федерации и Федеральному Закону от 1995 г. и 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления» образовался местный референдум как форма непосредственной демократии. В качестве примера можно привести ст. 13 Устава муниципального образования Ленинского района Московской области, в которой указано о разрешении проводить местный референдум.

По мнению Авакьяна С. А. референдумы классифицируют исходя из обязательности их решения на императивные и консультативные (опрос народа, населения) [1, с. 397]. В определении императивного референдума играют роль два ключевых момента, которые и определяют его императивность, –высказывание народа и принятие решения по какому-либо вопросу (именно в принятии решения и проявляется императивность).

Иванова З. А. и Аминов И. Р. считают, что консультативный референдум не является высшей формой проявления народовластия (то есть, по сути не является референдумом). Проблема заключается в том, что при принятии окончательного решения вопроса органы местного самоуправления выражают свое мнение, что сказывается на результате.

Допустим, если ввести в законодательство такую форму выборов, то государство обретет тоталитарную форму правления. По мнению автора, если органы местного самоуправления оказывают хоть какое-то влияние на высшую форму народовластия, то по факту эта форма теряет характеристики «высшая» и «народовластие», а органы осуществляют попытку сделать референдум подконтрольным себе с целью использования его в своих личных интересах.

Консультативный референдум не имеет обязательного характера, он служит для выявления мнения населения по тем или иным вопросам. Данная форма референдума имеет и свои минусы. Так как он не является обязательным для исполнения, а в его процедуру входит создание избирательных комиссий, оплата заработной платы членам комиссии, агитационная компания, процесс подсчета голосов (то есть требует вложения значительных финансовых средств для его качественного проведения) – нет смысла на него выделять средства [5, с. 3–5].

Многие ученые и юристы считают, что референдум и всенародное голосование – это одно и то же. Такая точка зрения вполне приемлема, когда и в том и в другом случае применяются одни и те же механизмы. Обратившись к тексту Закона «Об основных гарантиях избирательных прав» можно сделать вывод о том, что он допускает проведение только императивных референдумов, но также прямо не запрещает и консультативные референдумы. Отметим, что в некоторых субъектах Российской Федерации допускается проведение консультативных референдумов. Данные положения могут содержаться в конституциях,

уставах, специальных законах субъектов, на основании которых органы исполнительной власти могут проводить опросы (в виде голосования). Например, согласно п. 1 ст. 19 Устава Краснодарского края разрешено проводить опрос по вопросам, затрагивающим интересы населения края. Органы государственной власти учитывают результаты при принятии окончательного решения.

Исходя из ФЗ «О референдуме Российской Федерации», референдумы можно классифицировать по инициативе, исходящей от определенного субъекта. Такими субъектами могут быть:

а) государственные органы (глава государства, правительство, парламент или часть парламента, местные органы власти);

б) избиратели: по их предложению референдум может принимать две формы: петиционный и отклоняющий (в «форме народного вето»);

в) иные субъекты (общественные объединения, их региональные отделения, руководители общественных объединений, группы депутатов и т.д.) [13].

Как ранее уже упоминалось, бывает и петиционный референдум, суть которого заключается в том, что он проводится по требованию определенного количества граждан, которые в свою очередь подписали петицию по принятию соответствующего закона или решения определенного вопроса путем референдума. Петиционный референдум бывает двух видов: законодательный и обычный. Через законодательный избиратели делегируют представительному органу законотворческие функции, но стоит учитывать и тот факт, что они могут посредством референдума изменять принятые решения. Такая практика активно развивается в Соединенных Штатах Америки [7, с. 223–224].

В адрес петиционного референдума в последнее время поступает много критики, так как при помощи него может создаваться угроза законотворческой деятельности представительных органов в государстве.

В Европейских государствах осуществляется практика реализации референдума с целью принятия Конституции или поправок к ней – конституционный референдум. Через данный вид референдума принимались Конституции в ряде таких стран как Исландия, Франция, Италия, Испания и др.

Данный референдум предусматривает полный или частичный пересмотр Основного закона. Во многих государствах конституционный референдум является обязательной стадией пересмотра действующей Конституции [8, с. 125–126]. Так, ст. 44.3 Конституционного закона Австрии позволяет проводить конституционный референдум по пересмотру всей федеральной Конституции, но есть и условие – требование наличия голосов 1/3 членов одной из палат. В ст. 168 Конституции Испании содержится положение, в котором говорится о полном пересмотре Конституции. Полный пересмотр возможен в случае, если произошло одобрение 2/3 голосов каждой палаты – в результате Парламент распускается. Новые избранные палаты утверждают решение о пересмотре и принимают новый текст Конституции

2/3 голосов каждой из них. После данной процедуры текст Конституции выносятся на референдум для ратификации.

Если взять во внимание Указ Президента России от 15 октября 1993 г. «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации»[16], то в ст. 22 сказано о том, что Конституция считается принятой, если за ее принятие проголосовало более 50 % избирателей, принимавших участие в голосовании. Согласно той же статьи несостоявшимся голосованием считается такое, в котором принимали участие менее 50 % избирателей, принявших участие в голосовании.

Согласно ст. 111 Конституции Республики Мордовия изменения в Конституцию могут проходить и путем проведения референдума и далее на основании решения референдума. Решения, принятые на референдуме, оформляются в виде законов о внесении изменений в Конституцию. Изменения вносятся при условии, что за изменение проголосовали 2/3 депутатов от установленного количества Государственного Собрания Республики Мордовия. Конституция Республики Мордовия также предусматривает процедуру пересмотра проекта новой Конституции, которая возможна при условии наличия 2/3 голосов от установленного количества депутатов Государственного Собрания Республики Мордовия.

В некоторых Уставах областей и округов Российской Федерации указано, что законодательная деятельность осуществляется путем проведения референдумов непосредственно народом, который проживает в данной местности, и Законодательным Собранием. Однако законопроекты на референдумы выносятся Законодательным Собранием.

Таким образом, конституционный референдум – это высшее волеизъявление граждан внутри государства. Для того чтобы проводить подобные референдумы требуется высокий уровень правосознания населения, минимальный уровень коррупции и организованной преступности в государстве, общественные и социальные институты должны быть независимыми от государства – только тогда референдум будет эффективным и не навредит государству.

В статье 5 Устава Липецкой области от 1 декабря 1994 г. указывается на административно-территориальный референдум: «Вопросы административно-территориального устройства области – создание и реорганизация районов, городов и других населенных пунктов, их наименование, переименование, изменение границ, установление административных центров и т.д. – решаются органом законодательной власти с учетом мнения населения соответствующих территорий, выраженного на местных референдумах или собраниях (сходах), конференциях граждан».

В статье 8 Устава Одинцовского района Московской области имеется положение, в котором говорится о том, что по инициативе населения может проводиться референдум, направленный на изменение границ Одинцовского муниципального района. В пункте 3 статьи 9 Устава сказано, что мнение

населения данного муниципального образования выражается через Совет депутатов Одинцовского муниципального образования.

Формы непосредственной демократии определены Конституцией РФ и федеральным законодательством. Помимо выборов – это референдум, отзыв избранных депутатов и руководителей муниципалитетов, голосование по вопросам территориального устройства, сходы граждан. К сожалению, на практике они применяются крайне редко. Причин тому много. Одна из них – усложненные процедуры использования некоторых форм прямой демократии. Это, прежде всего, касается местного референдума и отзыва избранных лиц. Кроме того, требует расширения в законодательном порядке круг вопросов, которые не могут решаться без применения форм непосредственной демократии, без вынесения их на голосование населения.

Непосредственная демократия – это одна из важнейших форм осуществления местного самоуправления в Российской Федерации. Если же взять во внимание представительную и непосредственную демократию, то представительная – это опосредованная деятельность избираемых органов. Под непосредственной демократией понимаются как один коллективный субъект граждане, от которых зависит осуществление публичной власти на муниципальном уровне. По мнению автора, непосредственная демократия является эффективным инструментом, при помощи которого можно преодолевать отчуждение граждан от власти.

Верно отмечает Нудненко Л. А., что непосредственная демократия занимает главное место в системе местного самоуправления, а сама непосредственная демократия в муниципальной системе представляет собой систему общественных отношений, которые возникают в процессе прямого волеизъявления граждан при обсуждении, принятии и исполнении решений по вопросам, касающимся местного самоуправления [10, с. 22].

Уваров А. А. указывает на то, что местный референдум, муниципальные выборы, сходы граждан в обязательном порядке требуется считать формами непосредственной демократии, а публичные слушания, собрания, конференции, опрос граждан следует расценивать как политическую активность граждан [15, с. 8–9].

В юридической литературе выделяют следующие формы непосредственной демократии:

а) императивные формы волеизъявления (к ним относятся местный референдум, муниципальные выборы, отзыв выборного должностного лица, собрание (сход) граждан, конференция населения муниципального образования);

б) регулятивные формы прямого волеизъявления граждан (к ним относятся гражданскую инициативу, обращения граждан, наказания избирателей, отчеты, территориальное общественное самоуправление);

в) консультативные формы волеизъявления граждан (к ним относятся митинги, шествия, демонстрации, пикетирования, публичные слушания, опросы граждан, консультативный референдум, народные обсуждения) [13].

Стоит отметить, что не все указанные формы закреплены в законах (к примеру, консультативная форма), но если обратиться к ч. 1 ст. 33 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [14], то закон указывает на то, что граждане Российской Федерации имеют право осуществлять местное самоуправление и в иных формах, если они не противостоят действующей Конституции РФ, данному Федеральному закону и иным федеральным законам, законам Субъектов Федерации.

Таким образом, в Российской Федерации уделяется значительное внимание непосредственной демократии в системе местного самоуправления, тем самым делая систему гибкой и эффективной при решении разных вопросов на местном уровне.

Местный референдум в данной системе занимает главное место, так как он по своей сути является императивным, позволяя тем самым решать вопросы по существу и решение данных вопросов имеет конкретный характер на местном уровне.

Как уже было сказано, ежедневно в различных субъектах Российской Федерации реализуются местные референдумы по различным вопросам. Такая активность на местах говорит о том, что в России шаг за шагом постепенно развивается демократия.

Нудненко Л. А. провела классификацию местных референдумов: по кругу субъектов (выступающих с инициативой), по территории проведения, по содержанию выносимых вопросов [11, с. 143–144]. Рассмотрим каждую классификацию более подробно.

В зависимости от субъекта, выступающего с инициативой, местный референдум бывает:

- а) петиционный;
- б) созываемый по инициативе органов местного самоуправления;
- в) созываемый по инициативе главы муниципального образования.

Следует отметить, что данный перечень не является исчерпывающим, поскольку, например, согласно ст. 11 Закона Иркутской области от 6 мая 2006 г. № 25-ОЗ «О местных референдумах в Иркутской области» инициаторами местного референдума могут быть также граждане Российской Федерации, которые имеют право на участие в местном референдуме; избирательные и другие объединения; представительный орган муниципального образования совместно с главой, а также иные субъекты.

Наибольший интерес сегодня представляет петиционный референдум, поскольку он хоть и не активно, но развивает институт электронного местного референдума, и параллельно электронной демократии в России.

Под петиционным референдумом понимается голосование, которое исходит от определенного количества граждан, которые подписали петицию о проведении местного референдума по какому-либо вопросу. Во всех странах мира, в том числе и в России, граждане активно занимаются реализацией петиционных референдумов. Так, Указом Президента РФ были

утверждены правила рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». На сайте Российской общественной инициативы голосовать и размещать инициативы могут граждане, которым исполнилось 18 лет, при условии, что они прошли государственную регистрацию в федеральной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» [3, с. 10].

Прежде, чем инициатива будет размещена на данном интернет-ресурсе, будет проводиться экспертиза, после которой будет принято одно из трех решений:

- а) размещение инициативы;
- б) отказ в размещении инициативы;
- в) изменение уровня реализации инициативы.

Таким образом, можно утверждать, что инициатива может быть коллективной и индивидуальной. Коллективная – от имени инициативной группы граждан, индивидуальная – от имени главы местного самоуправления.

В зависимости от территории проведения местные референдумы в России бывают: городские; районные в городе; в городских поселениях; районные.

Дмитриев Ю. А., Израелян В. Б., Комарова В. В., Макаров Б. А. считают, что в муниципальных образованиях местный референдум, может быть обязательный и консультативный [9, с. 397].

По содержанию выносимых вопросов местные референдумы бывают:

- 1) референдумы, при помощи которых определяется форма осуществления местного самоуправления и структура органов местного самоуправления путем принятия Устава муниципального образования. На этот счет интересную мысль высказала Комарова В. В. По ее мнению местное самоуправление должно начинаться с референдума, назначенного государственным органом, и этот же орган обязуется разработать несколько вариантов структуры органов местного самоуправления и вынести их на референдум. В свою очередь государственный орган берет на себя финансовые расходы и организационные вопросы. После население выбирает приемлемую для них схему и формирует органы. Проведя данные процедуры, муниципальное образование самостоятельно разрабатывает Устав, который в будущем будет принят или представительными органами муниципального образования или населением [9, с. 119–120].

Автор поддерживает данную точку зрения, так как по существу государственная власть Российской Федерации дает право выбора населению определенного муниципального образования формы осуществления местного самоуправления и такая мера будет соответствовать воле народа;

2) референдумы, определяющие изменение границ административно-территориального деления и муниципальных образований.

В настоящий момент в Российской Федерации местные референдумы по изменению границ уже более 13 лет не применяются. Взамен применяется процедура голосования, схожая по своему механизму с референдумом. Верно отмечает Гунина Т. Г., что иногда можно встретить информацию о проведении данного вида референдума. Так, например, Закон Чеченской Республики от 5 мая 2015 года № 16-РЗ позволил осуществить преобразование Гудермесского муниципального района, в результате чего в его состав вошло Ново-Бенойское сельское поселение с административным центром в селе Новый-Беной;

3) референдумы, на которые выносятся социально-экономические вопросы того или иного образования (различные программы развития, отчуждение муниципальной собственности и т. д.).

Исходя из цели исследования, автор пришел к следующим **выводам**:

1. Референдум – это закрепленное в Конституции и федеральных законах право граждан на волеизъявление по определенным государственным и местным вопросам в установленной законом процедуре.

2. В Российском государстве референдумы имеют следующую дифференциацию: а) конституционные; б) международные; в) административно-территориальные; г) местные референдумы, осуществляемые муниципальными образованиями.

3. После принятия Крыма путем референдума в состав Российской Федерации, популярность приобрели референдумы по территориальному признаку, к которым относятся: а) общероссийские, б) региональные, в) местные.

4. Референдумы бывают императивные и консультативные.

5. Инициировать референдумы могут следующие субъекты: а) государственные органы; б) избиратели; в) другие субъекты (общественные объединения, их региональные отделения, руководители общественных объединений, группы депутатов и т.д.).

Список литературы

1. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1 / С. А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 864 с.

2. Безруков А. В. Конституционное право России: учебник / А. В. Безруков. – 3-е изд. – М.: Юстицинформ, 2015. – 304 с.

3. Гончаров С. П. Электронная петиция как проявление демократии в Российской Федерации / С. П. Гончаров, Д. Г. Ярошенко // Юридические науки: научный журнал / под ред. Р. С. Алимова. – Вып. 4 / 2018. – С. 8–17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://cloud.mail.ru/public/NHUT/C4NP8nzFu> (дата обращения: 23.09.2018).

4. Законодательные дефиниции: Энциклопедический словарь / под ред. И. В. Рукавишниковой, И. Г. Напалковой, Д. Е. Сухановой. – М.: Норма ИПФРА-М, 2013. – 672 с.

5. Иванова З. А. Консультативный референдум как самостоятельная форма выражения непосредственной демократии / З. А. Иванова, И. Р. Аминов // ИНТЕРАКТИВНАЯ НАУКА. – 2016. – № 10. – С. 3–5.

6. Комарова В.В. Механизм непосредственной демократии современной России (система и процедуры): монография / В. В. Комарова. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 559 с.

7. Комарова В. В. Референдумный процесс Российской Федерации: учебн. пособие / В. В. Комарова; под ред. О. Е. Кутафина. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 608 с.

8. Конституционное право государств Европы: учеб. пособие для студентов юрид. вузов и факультетов / отв. ред. Д. А. Ковачев. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 320 с.

9. Народные голосования в Российской Федерации / Ю. А. Дмитриев, В. Б. Израелян, В. В. Комарова [и др.]; под ред. Ю. А. Дмитриева. – М.: Юркомпани, 2010. – 808 с.

10. Нудненко Л. А. Институты непосредственной демократии в системе местного самоуправления: Проблемы теории и практики: автореф. дисс. д-ра юрид. наук: 12.00.02 – Конституционное право; муниципальное право / Лидия Алексеевна Нудненко; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2001. – 52 с.

11. Нудненко Л. А. Непосредственная демократия и местное самоуправление в России: монография / Л. А. Нудненко; Мин-во образования Рос. Федерации. Алтайск. гос. ун-т. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – 299 с.

12. О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ (с изм. и доп. в ред. от 31.10.2005 г.) // Российская газета. – 20.12.2001 г. – № 247.

13. О референдуме Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ (ред. от 18.06.2017 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.07.2004. – № 27. – Ст. 2710.

14. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 05.04.2013 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822. – Гл. 5.

15. Уваров А. А. Местное самоуправление и гражданское общество / А. А. Уваров // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 15. – С. 6–9.

16. Указ Президента Российской Федерации от 15.10.1993 г. № 1633 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2018).